

ISSN 0869-6446

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина»

В е с т н и к
Р я з а н с к о г о
г о с у д а р с т в е н н о г о
у н и в е р с и т е т а
и м е н и С . А . Е с е н и н а

Научный журнал

№ 3/36

Журнал выходит с 1993 года

Рязань 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 3 ноября 2011 года. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-47143.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ШЕИНА И.М., канд. филол. наук, проф., ректор РГУ им. С.А. Есенина (председатель),
ЛИФЕРОВ А.П., д-р пед. наук, проф., акад. РАО, президент РГУ им. С.А. Есенина,
ЛОСЕВ Ю.И., д-р ист. наук, проф., проректор по научной работе РГУ им. С.А. Есенина,
СТРАХОВ В.В., канд. ист. наук, проф., проректор по учебно-методической работе РГУ им. С.А. Есенина,
ЕЛЬЦОВ А.В., д-р пед. наук, проф., проректор по информатизации образования и дистанционному обучению РГУ им. С.А. Есенина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Эрлихсон И.М., д-р ист. наук, проф. (гл. редактор), **Решетова А.А.**, д-р филол. наук, проф. (зам. гл. редактора), **Минаев А.И.**, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора), **Конёнков А.Н.**, д-р физ.-мат. наук, проф. (отв. секретарь), **Агапова Н.Г.**, д-р филос. наук, проф., **Байкова Л.А.**, д-р пед. наук, проф., **Болысов С.И.**, д-р геогр. наук, проф., **Гаврилов К.Н.**, д-р хим. наук, проф., **Голодов А.Г.**, д-р филол. наук, проф., **Горнов В.А.**, канд. ист. наук, доц., **Давыдова И.Ю.**, д-р биол. наук, проф., **Казакова М.В.**, д-р биол. наук, проф., **Карвицкая Г.В.**, канд. экон. наук, доц., **Козлов Г.Я.**, д-р ист. наук, проф., **Колкер Я.М.**, канд. пед. наук, проф., **Конёнков Н.В.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Кривцов В.А.**, д-р геогр. наук, проф., **Ламзин С.А.**, д-р пед. наук, проф., **Мартишина Н.В.**, д-р пед. наук, проф., **Моос Е.Н.**, д-р техн. наук, проф., **Назиев А.Х.**, д-р пед. наук, проф., **Никитин О.В.**, д-р филол. наук, проф., **Подоль Р.Я.**, д-р филос. наук, проф., **Решетов В.Г.**, д-р филол. наук, проф., **Соловьёв А.В.**, д-р филос. наук, проф., **Степанов В.А.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Терёхин М.Т.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Ямашкин А.А.**, д-р геогр. наук, проф.

Журнал выходит четыре раза в год.

Адрес редакции:

390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Тел. (4912)281924; e-mail: vestnik@rsu.edu.ru; i.erlihson@rsu.edu.ru; a.reshetova@rsu.edu.ru.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией.

Ссылка на журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» обязательна.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 36249 в каталоге «Роспечать».

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА. ОБРАЗОВАНИЕ

- Мартишина Н.В.**
Ценностные характеристики творческого потенциала педагога5
- Ламзин С.А.**
Некоторые логико-философские основы преподавания
и изучения иностранного языка15
- Ярославцева О.Я.**
Современное состояние и перспективы развития
высшего образования в Латинской Америке29

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Блохина Н.А.**
Питер Стросон о кантианских основаниях аналитической метафизики37
- Рюмин С.Г.**
Значение единства морали и права для правового государства
и гражданского общества в философии И.А. Ильина48
- Суворкина Е.Н.**
Субкультура детства как модель автономной реальности детства59

ИСТОРИЯ

- Сафонова О.Е.**
Просветительные объединения Рязанской губернии
в конце XIX – начале XX века69
- Минаев А.И.**
Британский парламентаризм и радикальная политическая мысль
России середины XIX века87

ФИЛОЛОГИЯ

Трегубова Е.Н.

Честь и почести: лингвокультурологический анализ
аксиологических концептов свадебного обряда..... 110

Маторина У.М.

Жанрово-композиционное своеобразие древнерусского перевода
византийского жития преподобного Феодора Студита
в составе Великих Миней Четий митрополита Макария 120

Моторин С.Н.

К вопросу об идейно-художественном своеобразии
ранних пьес Максима Горького 130

Пахомова И.В.

Роман «Записки Мальте Лауридса Бригге» Р.М. Рильке
в контексте связей с русской литературой 138

ФИЗИКА. МАТЕМАТИКА

Трегулов В.В., Степанов В.А.

Исследование механизмов проводимости гетероструктур CdS/Si(p),
изготовленных методом гидрохимического
осаждения сульфида кадмия..... 144

Лавров А.М.

Решение геометрической задачи из заочного тура олимпиады
«Покори Воробьевы горы – 2010» 150

Maiberger R., Ezri D., Erlihson M.

Location Based Beamforming 156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ВУЗА

Международный симпозиум «Наследие академика И.И. Срезневского
и славянский мир: языки, культура, образование.
К 200-летию со дня рождения ученого»..... 165

Сведения об авторах..... 170

Информация авторам 177

УДК 37

Н.В. Мартишина

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГА

В статье раскрыты сущность и структура творческого потенциала педагога, конкретизированы его критерии и показатели. Особое внимание уделено ценностным составляющим данного профессионально-личностного феномена.

творческий потенциал педагога, его сущность, структура, ценностный компонент.

Современный мир характеризуется беспрецедентным сочетанием проблем в различных областях жизнедеятельности как отдельно взятых стран, так и целых государственных союзов. Россия начала XXI столетия не является исключением. В сложной и противоречивой обстановке многие члены общества испытывают чувство незащищенности, отсутствие жизненных перспектив, отчужденность. Вместе с тем многие люди не только адаптировались к существующим трудностям, но и выстраивают свое профессионально-личностное развитие в соответствии с вызовами и требованиями времени. Такой стиль жизни неминуемо изменяет человека, но в нем, тем не менее, сохраняется ряд характеристик, значимость которых признавалась и ценилась во все времена. Однако это сохранение не пассивное, поскольку идет постоянная, серьезная работа по конкретизации сути таких характеристик с позиции не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня, к числу которых, бесспорно, относится творчество. Становление и развитие творческой личности – процесс многофакторный. На человека оказывает большое влияние образовательная среда, в которой он воспитывается и обучается, при этом сформировать такую личность способны только творческие педагоги. Личность творческого педагога в своей структуре имеет несколько важнейших составляющих, одна из которых – творческий потенциал.

Мы рассматриваем *творческий потенциал педагога* как часть его личностно-профессионального потенциала, накапливаемого и развиваемого в течение жизни,

как совокупность его возможностей для инновационных решений разноплановых задач, связанных с развитием учащихся (воспитанников), организацией образовательного процесса, профессиональным сотрудничеством. Включение в определение дефиниций «учащийся» и «воспитанник» позволяет отнести его к различным категориям педагогов: школьный учитель, преподаватель вуза и ссуза, педагог дополнительного образования и др. Отметим также, что и представляемые далее характеристики данного потенциала не противоречат профессиональным особенностям разных категорий педагогических работников.

Творческий потенциал педагога является динамической личностной структурой, выраженной во взаимосвязи трех компонентов:

- ценностного компонента, отражающего присущие педагогу ценностно-творческие представления и приоритеты;
- когнитивного компонента, представленного совокупностью знаний, способствующих пониманию педагогом творческого характера его труда и влияющих на творческую организацию им профессиональной деятельности;
- деятельностного компонента, объединившего элементы, содействующие переводу творческого потенциала в состояние актуализации (профессионально-личностная реализация педагога), в котором скрыты возможности для его дальнейшего развития.

Нами определены критерии и показатели творческого потенциала педагога, сведенные в таблицу.

Ценностный компонент связан с мировоззренческой позицией человека, с его личностными приоритетами. Он отражает признание творчества как ценности, жизненной необходимости, принятие образов творческих личностей в качестве ориентиров в судьбе и в профессии. Постараемся раскрыть смысловое наполнение двух первых выявленных и обоснованных критериев: ценностного отношения к творчеству и ценностного отношения к педагогическому творчеству.

Рассуждая о сущности ценностей, их месте и роли в жизни людей, В.А. Сластёнин и представители его научной школы отмечают: «Категория ценности применима к миру человека и обществу. Вне человека и без человека понятие ценности существовать не может, так как оно представляет собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений. Ценности не первичны, они производны от соотношения мира и человека, подтверждая значимость того, что создал человек в процессе истории.

Ценностные характеристики относятся как к отдельным событиям, явлениям жизни, культуре и обществу в целом, так и субъекту, осуществляющему различные виды творческой деятельности. В процессе творчества создаются новые ценные предметы, блага, а также раскрывается и развивается творческий потенциал личности. Следовательно, именно творчество создает культуру и гуманизирует мир. Гуманизирующая роль творчества определяется еще и тем, что его продукт никогда не бывает реализацией только одной ценности. В силу того, что творчество есть открытие или созидание новых, неизвестных ранее ценностей, оно, создавая даже «одноценностный» предмет, вместе с тем обогащает и человека, рас-

крывает в нем новые способности, приобщает его к миру ценностей и включает в сложную иерархию этого мира»¹.

Таблица

Критерии и показатели творческого потенциала педагога

<i>Критерии</i>	<i>Показатели</i>
Ценностное отношение к творчеству	Осмысление и принятие ценностной природы творчества; наличие творческих приоритетов в жизни
Ценностное отношение к педагогическому творчеству	Осмысление и принятие ценностной природы педагогического творчества; осознание себя субъектом творческой педагогической деятельности; ценностное отношение к развивающейся личности учащегося (воспитанника); ценностное отношение к другим субъектам образовательного процесса; осознание и принятие творческой составляющей педагогических ценностей; наличие творческих идеала и образовательных ориентиров в профессии; ценностная избирательность педагогического творчества
Комплексное профессионально значимое знание о творчестве	Интегративное научное знание о человеке как субъекте, личности, о креативности личности; знание специфики педагогического творчества; творчески ориентированный педагогический кругозор; диагностически обоснованное знание собственных творческих возможностей; диагностически обоснованное знание творческих возможностей конкретных учащихся (воспитанников) и особенностей их деятельности в образовательном процессе; сформированность представлений о востребованности идеи творчества в педагогической действительности и перспективах развития педагогической профессии
Профессионально-личностная пластичность педагога	Развитые творческие способности; умения творчески работать с информацией; творческое владение педагогическим инструментарием

И далее: «Дефиницию “ценность” мы трактуем как категорию красоты, категорию эстетического. Вместе с тем мы признаем важной смысловую (значимую) характеристику духовных ценностей (смысл как фиксированная установка и даже как аксиома сознания). Она восходит к жизненно важным для личности аксиологическим образованиям (идеалу, убеждениям, принципам), которые выстраивают иерархию ценностей, связаны с ее мировоззрением, формированием самосознания»².

¹ Педагогика : учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений / В.А. Сластёнин [и др.]. М. : Школа-Пресс, 2000. 512 с. С. 114–115.

² Сластёнин В.А., Артамонова Е.И. Аксиологический аспект содержания современного педагогического образования // Педагогическое образование и наука. 2002. № 3. С. 4–9.

Мы позволили себе столь обширное цитирование неслучайно. В приведенных высказываниях определен ряд ключевых аспектов: цивилизация – культура – ценности; классификация ценностей; ценности социума и ценности личности, их соотношение; ценности и смысл жизни; ценности и творчество; ценности и антиценности. Эти вопросы и ответы на них тесно связаны между собой и во многом характеризуют мировоззрение человека, приобретают особое значение в плане определения им своих жизненных и профессиональных позиций.

Для педагога, чья миссия – воспитание и образование все новых поколений, подобные проблемы чрезвычайно существенны. Ему, чья деятельность по определению является творческой, необходимо разобраться в *ценностной природе самого творчества*. В первую очередь она заключается в возможности описания с позиции творчества (разного по природе, по личностно-общественной окраске, масштабности, последствиям, оценке) всех трех проекций картины мира (прошлое, настоящее, будущее), их сопоставления, соединения, перехода из одного состояния в другое, многомерности и неоднозначности явных и скрытых причинно-следственных связей. В этом случае через призму творчества яснее видится вся сложность смыслового насыщения временного пространства, причем не столько в количественных параметрах (месяцы, годы, столетия и т. д.), сколько в качественных (культура, социальные отношения и пр.). Сегодня на земном шаре соседствуют нации и народности, временной контекст существования которых различен. Настоящее одних для других является уже прошлым, а для кого-то – возможным будущим. На данный момент еще существует ситуация подобной параллельной событийности, но с учетом интенсификации освоения планеты, экономических, политических, информационных и иных процессов последних лет ее длительное сохранение представляется маловероятным. Создается новая реальность, когда не только отдельно взятые люди, но и их значительные группы по собственному желанию или под давлением обстоятельств начинают осмысливать достижения чужой творческой мысли и овладевать ими. Вместе с тем сохранение «островков» первородной культуры, природного естества оставляет надежду открыть заново забытые тайны предков, постичь творческое наследие ушедших эпох, возродить почти утраченные творческие идеи. И в тех, и в других случаях совершаются творческие акты. Сама эта категория многопланова. Мы можем отнести к их числу рождение человека и рождение произведения искусства, божественное откровение и научное открытие, эволюционные и революционные изменения хода истории и многое другое. Из череды и переплетения фактов, явлений, событий, процессов рождается цивилизация, которую современная наука рассматривает как «нечто единое, находящееся вне рамок социальных систем. Такое представление основывается на идее единства, целостности современного мира, приоритете общечеловеческих ценностей»³. При этом сами общезначимые ценности могут быть проанализированы и представлены с позиции творчества. *Процесс описания и представления ценностной картины мира может осуществляться с помощью таких методов, как кон-*

³ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1991. 560 с. С. 513.

статация, перенос в новую реальность и интерпретация, используемых индивидуально, попарно или в своем трехмерном единстве. Констатация как установление неоспоримости существования факта, явления, события позволяет утверждать наличие тех или иных ценностных приоритетов, присущих эпохе, народу или отдельно взятой личности. Так, например, историки и философы, культурологи и правоведы, изучая законы Хаммурапи, отмечают ценностный ряд, присущий древним вавилонянам, а исследователи Салической Правды устанавливают то, что было ценным и значимым для франков периода раннего Средневековья. О переносе в новую реальность следует говорить тогда, когда в жизнь и культуру одного народа привносятся традиции, нормы и ценности другого народа. Интерпретация предстает и как широкое толкование произошедшего или происходящего, созданного или создаваемого, и как способ их изучения. Интересен пример романа современного американского автора Д. Брауна «Код да Винчи», ставшего не просто мировым бестселлером, но и культовым произведением для значительного числа людей в разных уголках земного шара. Можно по-разному относиться к этой книге как к произведению литературы, однако следует признать, что это не только очередная попытка расшифровать творческое наследие гениального итальянца, но и попытка преподнести в подобном контексте существующие в определенных кругах новые мировоззренческие идеи, связанные с интерпретацией христианских ценностей. Отметим, что при интерпретации чрезвычайно важно не допустить подмены ценностей, их искусственного искажения, перевода в ранг антиценностей, наличия идеологического или какого-либо иного заказа. К сожалению, сегодня мы имеем много тому примеров. В этой связи необходимо говорить о культуре интерпретации, основанной на духовно-нравственных началах и профессиональной этике.

Творческое описание и осмысление картины мира тесно связаны с *приращением* ценностного ряда (предложение, обоснование новых ценностей, формирование новых ценностных установок) и *аккретаксией* (термин введен нами, от лат. *accretio* – увеличение и гр. *axia* – ценность). Аккретаксия творчества есть способность творцов усиливать значение известных ранее ценностей. Великие А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой не просто отразили в своих произведениях присущий нашему народу патриотизм, они придали чувству любви к Родине характер истинной национальной ценности, неотъемлемой ментальной составляющей. Неслучайно и сегодня родители, учителя, педагоги-воспитатели, стремясь сформировать у детей и подростков это чувство, обращаются в том числе и к творчеству знаменитых соотечественников.

Одним из проявлений ценностной природы творчества является *ценностное прогнозирование*, осуществленное или осуществляемое рядом творческих личностей, заключенное в некоторых объектах духовной и материальной культуры. Например, Библия и Коран определили на многие века вперед каноны жизни служителей, поборников и носителей веры. Величайшие ученые своими открытиями не только раздвигали и раздвигают для человека границы возможного, но вольно или невольно влияли и влияют на само понимание людьми

ценностей меняющегося мира. То же самое можно сказать и о крупнейших представителях искусства, в целом ряде произведений которых содержится предвидение серьезных изменений в различных сферах, включая сферу ценностей, идеалов, убеждений и миропонимания в целом.

Несмотря на то, что в качестве еще одной составляющей творческого потенциала педагога нами выделен когнитивный компонент, мы относим знание и принятие педагогом ценностной природы творчества к ценностному компоненту, дабы более полно представить его характеристику.

Важным показателем исследуемого потенциала выступает *наличие* у педагога *творческих приоритетов в жизни*. Мы отталкиваемся от традиционного понимания приоритета как преимущественного права на что-либо. В этом случае важнейшим творческим приоритетом, данным педагогу государством и обществом много столетий назад, подтверждаемым ныне и сохраняемым, как видится сегодня, в последующие времена, является право на творение другого человека, его личности, личностной уникальности. Здесь заключено одно из отличительных свойств педагогического творчества. Но за данной формулировкой стоят и наиболее значимые творческие предпочтения специалиста, занимающегося педагогическим трудом. Они в существенной мере отражают уровень его общей и профессиональной культуры, его духовность, особенности мировосприятия и миропонимания; в них присутствуют этическое и эстетическое начала. Этическое начало сопряжено с нравственностью, моралью в ее двойном проявлении (общие моральные оценки и устои, а также внутренний моральный кодекс), чувством собственного достоинства, границами допустимого. На какие шаги в творчестве допустимо идти, когда знаешь, что от его результатов зависит судьба, будущее и даже жизнь человека? В определении такой допустимости нет права на ошибку. Истина, Добро и Красота еще с античности считались важнейшими ценностями. Истина и Добро есть проявление этического начала мироздания, а его эстетическое начало связано с самыми разными проявлениями Красоты. И творческие предпочтения отдельно взятого человека во многом формируются в соответствии с индивидуальным чувством прекрасного. Нередко этическое и эстетическое самым тесным образом сопряжены друг с другом. Порой в их отношениях могут возникать коллизии, подобные той, что отражена в известном постулате «красота требует жертв». И здесь чрезвычайно важно, произнесен он как констатация факта (ситуация, лишенная выбора) или в его завершении поставлен знак вопроса (выбор существует). Профессия педагога, суть которой – воспитание, развитие, обучение новых поколений, помощь им в выборе своих жизненных смыслов и позиций, относится к тем профессиям, где по рассматриваемому показателю задается высокая планка.

Осознание и принятие педагогом ценностной природы педагогического творчества есть проявление *ценностного отношения к педагогическому творчеству*. В настоящем виде важнейшими ценностями творчества выступают включенные в него люди и в первую очередь два главных субъекта образовательного процесса: педагог и его воспитанник. *Педагог осознает* свою личностную, творческую уникальность и принимает ее как ценность. Во многом именно

это приводит его к осознанию *себя субъектом творческой педагогической деятельности*, которая непосредственно связана со становлением, развитием другой личности (других личностей). Рассматривать и воспринимать учащегося, воспитанника как ценность – вот то, что должно быть представлено как *ценностное к нему отношение* и принято в качестве одной из педагогических заповедей. В данной профессии огромную роль играет взаимодействие с коллегами. Есть целый ряд моментов, который иначе как коллективное педагогическое творчество, сотворчество не может быть представлен. В этой связи правомочно говорить о *расширении* толкования идеи *ценностного отношения*, учитывая включенность в образовательный процесс различных субъектов – педагогов, семьи, социальных партнеров и др.

Проявлением ценностного отношения к педагогическому творчеству является также *отражение творчества в педагогических ценностях*, которые трактуются как «нормы, регламентирующие педагогическую деятельность»⁴. Творчество присуще личностным, групповым и социальным педагогическим ценностям; ценностям самодостаточного и инструментального типов. По мнению специалистов, высшую ступень в иерархии педагогических ценностей занимают ценности-качества, которые, наряду с ценностями-отношениями и ценностями-знаниями, входят в группу инструментальных ценностей, называемую также ценностями-средствами. Ценности-качества есть выражение личностно-профессиональной характеристики человека, посвятившего себя делу просвещения. Проведенное исследование позволяет включить в данный портрет следующие ценности-качества: творчески разноплановая личность; творчески мыслящая личность; личность, готовая к творческому преобразованию действительности; личность, способная создать атмосферу творчества в ходе образовательного процесса; личность, принимающая творческое начало в своих воспитанниках, готовая и умеющая его поддержать, развить и, если необходимо, скорректировать в позитивном плане.

Существенным элементом ценностного компонента творческого потенциала личности педагога является, с нашей точки зрения, *наличие идеала и образов-ориентиров в жизни и в профессии*. Под идеалом понимают мысленное представление перспективы развития действительности от низшего к высшему. Часто идеал в качестве высшего совершенства противопоставляют реальной жизни как чему-то несовершенному. Однако правильнее видеть в идеале не только рожденный мыслью образец для действительности, а отражение возможностей развития, существующее в самой действительности, выражение понимания закономерной и необходимой перспективы превращения возможности в действительность, осознание реальной жизни не только таковой, какова она есть, но и такой, какой она может стать в результате своего развития. Профессиональный идеал – высшая степень совершенства в профессиональной деятельности.

⁴ Педагогика. С. 116.

Начиная с 1995 года мы неоднократно обращались к вопросу о сути профессионального идеала современного педагога. Свое представление мы выстраивали на основе изученной литературы, анализа педагогического опыта, в том числе и собственного, мнения преподавателей и студентов Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина (сейчас РГУ имени С.А. Есенина). В 1995 году, работая над кандидатской диссертацией «Развитие профессионального творчества преподавателей педагогических вузов», мы определили, каким должен быть идеальный преподаватель высшей педагогической школы. Идеал этот был представлен как совокупность объединенных в группы следующих качеств, знаний, умений:

- любовь к людям, умение общаться с ними, доверие, понимание, терпение, отзывчивость, доброжелательность, искренность во взаимоотношениях;

- глубокое знание своего предмета и увлеченность наукой, на основе которой он построен, серьезная психолого-педагогическая подготовка, высокий уровень интеллектуального развития, владение межпредметными связями, умение интересно и доступно объяснять материал, умение преподносить теоретический материал не изолированно, а в конкретной связи с требованиями практической работы;

- высокий уровень культуры, широкий кругозор, личное обаяние, чувство юмора, находчивость;

- твердость и решительность характера, уверенность в себе, сила воли, самоотдача.

Подавляющее большинство респондентов (в опросе 1995 года приняли участие 137 студентов 1–5 курсов факультетов истории, иностранных языков, физико-математического факультета и 21 преподаватель педагогических кафедр РГПУ) отметили, что все это справедливо не только для характеристики преподавателя педагогического вуза, но и для педагога вообще.

В последующие годы круг респондентов расширился. В него вошли ученики школ разных типов, среди которых особо выделим учащихся педагогических классов, учителя-предметники, классные руководители, педагоги дополнительного образования, в том числе участники, призеры и победители конкурса «Образование Рязани» в различных номинациях, конкурса «Педагог года», педагогических фестивалей и марафонов, представители администраций образовательных учреждений, родители, преподаватели вузов и средних специальных учебных заведений, студенты естественно-географического, физико-математического факультетов, а также факультетов истории и международных отношений, иностранных языков, национальной филологии и русской культуры, юриспруденции и политологии нашего университета. Следует отметить, что характеристики, названные в середине 90-х годов XX века, и сегодня не потеряли своей актуальности. Вместе с тем чаще и четче стали обозначаться такие показатели, как духовность, честь, чувство собственного достоинства, патриотизм и гражданская позиция, ответственность за дело, которому служишь, толерантность, отточенное владение педагогической техникой, а также показатели творческой личности (творческая самостоятельность, способность к самосовершен-

ствованию и творческому обновлению, творческая активность, умение стимулировать активную, творческую деятельность учащихся, знание и владение творческими образовательными технологиями, творчество как неотъемлемая составляющая профессионализма педагога).

Как видим, все это служит доказательством того, что не только между главными компонентами творческого потенциала педагога, но и внутри них между отдельными элементами существуют смысловые пересечения, дополнения, связи.

Наряду с понятием «идеал», мы предлагаем использовать дефиницию «образ-ориентир». Образом-ориентиром может выступать не только человек-творец, творческий представитель твоей профессии, но и отдельные его черты, а также продукты его творческой деятельности. В этом случае, например, к образам-ориентирам можно отнести умение выстраивать творческие межпредметные связи педагогом «А», творческие варианты проверки домашнего задания педагогом «В», творчество в планировании воспитательной работы педагогом «С». Идеал воспринимается как что-то возвышенное, порой трудно или почти недостижимое, а образ-ориентир на данном фоне становится более понятным и доступным. И то и другое стимулирует процессы жизненного и профессионального самосовершенствования.

Отбор профессиональной информации, инструментария и т.п., выбор стиля и способов педагогической деятельности в соответствии с имеющимися у педагога профессиональными ценностями, идеалом, образами-ориентирами могут быть представлены как *ценностная избирательность педагогического творчества*.

Определяя состояние творческого потенциала педагога, мы сталкиваемся с трудностью, присущей измерению любых, в том числе и его ценностных, креативных показателей личности. Кроме того, пока потенциал не выведен в режим актуализации, он в первую очередь в аксиологических параметрах может быть оценен только самой личностью с позиции собственных субъективных ощущений. Доказано, что существует прямая зависимость между состоянием творческого потенциала педагога и его профессиональной деятельностью. Мы выделили *пять уровней педагогической деятельности*, на которые это состояние влияет и каждый из которых может быть оценен с позиции ценностного наполнения.

Адаптивно-репродуктивная деятельность. Человек только входит в педагогическую профессию, постигает ее азы, адаптируется к педагогическим реалиям. Его творческое «Я» насыщается образами и смыслами данной профессии. Он фиксирует педагогически значимые истины, ценности, знания, воспроизводит простейшие педагогические образцы.

Репродуктивно-поисковая деятельность. Для нее характерно не только воспроизведение субъектом готовых рецептов педагогического труда, но также поиск и анализ разноплановой информации, осуществляемые с позиции профессии. Педагог в состоянии самостоятельно ставить и решать несложные педагогические задачи, используя при постановке и решении, наряду с традиционными схемами, творческие элементы.

Преобразующая деятельность. Педагог преобразовывает традиционные формы и способы воспитания, обучения, развития. Он вносит в свою деятельность продуктивные, чаще всего локальные новшества. Применяемые им инновации могут быть представлены как инновации улучшающего характера. Его работа начинает отличаться индивидуальными особенностями. Он стремится к развитию творческой у своих воспитанников.

Творческая деятельность. Педагог не только выделяет смыслообразующие идеи из любого опыта и свободно их комбинирует, но столь же свободно генерирует новые идеи. Творчеством пронизаны все элементы его труда: замыслы, реализация, осмысление сделанного. Он в состоянии эффективно ставить и решать сложные, нестандартные педагогические задачи, используя собственный богатый профессиональный арсенал. Развитие творческого начала у учащихся (воспитанников) становится важнейшей составляющей его труда.

Творчески-прогностическая деятельность. Педагог совершает прорыв в неизвестное, в область педагогических открытий, ранее приведенные характеристики достигают максимума своего развития.

Становление и развитие творческого потенциала педагога в целом и его ценностных составляющих в частности – процессы длиною в жизнь, вбирающие в себя ее многозначность и противоречивость, быстро меняющуюся действительность, продуманное творческое созидание и результаты творческой импровизации. Совершенствование творческого потенциала есть залог обновления личности педагога и его профессиональных действий, оно позволяет ему не только быть готовым к возможным переменам, но и способствовать тому, чтобы эти перемены носили позитивный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Педагогика : учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений [Текст] / В.А. Славтёнин [и др.]. – М. : Школа-Пресс, 2000. – 512 с.
2. Славтёнин, В.А. Аксиологический аспект содержания современного педагогического образования [Текст] / В.А. Славтёнин, Е.И. Артамонова // Педагогическое образование и наука. – 2002. – № 3. – С. 4–9.
3. Философский словарь [Текст] / под ред. И.Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.

N.V. Martishina

AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TEACHERS' CREATIVE POTENTIAL

The paper centers on the essence and structure of teachers' creative potential, its criteria and indexes. A special emphasis is laid on axiological characteristics of this professional and personal phenomenon.

Teachers' creative potential, its essence and structure, axiological characteristics.

УДК 811

С.А. Ламзин

НЕКОТОРЫЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Анализируются базовые логико-философские положения, которые лежат в основе изучения иностранного языка и его преподавания в синергетическом аспекте как процессов саморазвития и самоформирования. Лингводидактический процесс детерминируют среди прочего следующие факторы: 1) методические принципы, которые отражают объективные законы; 2) диалектический закон отрицания отрицания; 3) формирование единой системы ориентировочных когнитивно-языковых структур, необходимых для усвоения нескольких иностранных языков.

синергетика, саморазвитие, методические принципы, ориентировочные структуры

Цель настоящей статьи – осветить некоторые философские базовые положения, которые лежат в основе процесса изучения иностранного языка и его преподавания в синергетическом аспекте.

Поскольку все на Земле – все явления и объекты – функционируют и развиваются по объективным законам, ни от кого не зависят и никем не регулируются, то в этой связи необходимо признать так же то, что все физические, биологические и социальные явления на Земле (природа, история, культура) являются воплощением и результатом *само*осуществления объективных законов, *самореализации* некоей объективной логики развития (точнее, *саморазвития*).

Являясь составной частью культуры, педагогические процессы включены в единый мировой процесс самоорганизации и вследствие этого подчиняются его объективным законам и закономерностям саморазвития. По этой причине процесс обучения иностранным языкам как явление, управляемое изнутри объективными законами и закономерностями, представляет собой самоуправляемый процесс – самоорганизующийся, саморегулируемый. Поэтому для адекватного понимания сущности процесса усвоения языка и оптимальной организации соответствующего педагогического курса целесообразнее всего к его исследованию подходить с позиций синергетики, с той точки зрения, которая наиболее приближена к пониманию истинной природы самоуправляемых явлений. Термин «синергетика» «включает в себя понятие эволюции в том смысле, что любой эволюционный процесс, происходящий в живом мире, является проявлени-

ем синергизма, т.е. характеризуется возникновением стабильных, квазистационарных, но существенно термодинамически-неравновесных структур»¹.

Поскольку изучение иностранного языка представляет собой естественный процесс работы мозга человека, то, следовательно, при разработке системы методических принципов как основополагающих компонентов теории обучения мы можем рассматривать их как отражение объективных законов и закономерностей саморегуляции, подойти к организации педагогического процесса с позиций синергетики и сформулировать систему методических принципов в рамках нового синергетического подхода в обучении иностранным языкам.

Данные сопредельных с методикой дисциплин позволяют заключить, что мы можем считать научно обоснованным и достоверным факт совпадения в общем и целом онтогенеза и филогенеза знаний. Применения этого положения к изучению иностранных языков не означает, однако, что этот процесс должен повторять процесс овладения ребенком родным языком или исторический путь развития языка и усвоения его людьми, а означает то, что между всеми этими процессами имеются некоторые законы объективного мира, отраженные в законах и категориях диалектики, законы работы мозга человека, выделенные И.П. Павловым, П.К. Анохиным, а также закономерности прочих сопредельных с методикой наук. На основании аргументов, полученных в науках, сопредельных с методикой, мы можем говорить о наличии общих законов и закономерностей в следующих процессах: 1) развитие мира в целом; 2) развитие общественных явлений (культуры); 3) управление и самоуправление, самоорганизация (кибернетический процесс); 4) развитие психики, способностей человека и приобретения знаний людьми в онто- и филогенезе; 5) практическое воздействие человека на внешний мир; 6) создание искусственных технических информационных систем. «При кибернетическом исследовании психики нельзя ограничиться только моделированием структуры мозга. Для этого нужно промоделировать «логику истории» – промоделировать историческое наследие в области содержания и методов мышления, которое усваивает индивид, вступающий в жизнь» (выделено мною. – С.Л.)².

Эти законы и закономерности должны лечь в основу принципов обучения иностранному языку. Таким образом, данные принципы будут иметь не умозрительный характер, а обоснованный с философской, естественнонаучной и научно-гуманитарной точек зрения и будут (и должны) опираться на логику развития, закономерности определенных процессов (рис. 1):

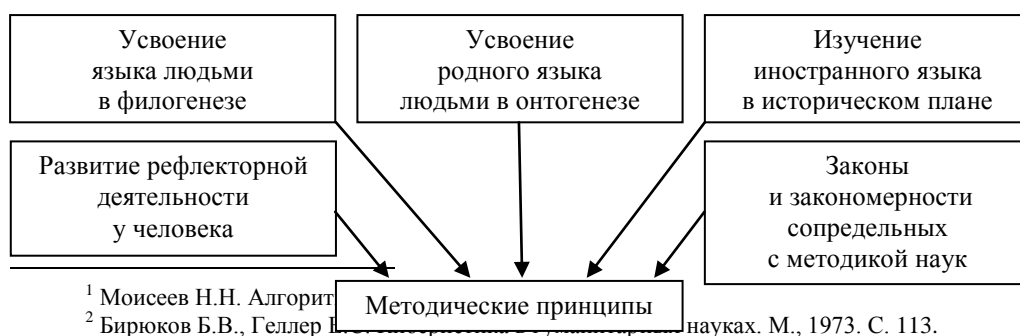

Рис. 1. Методические принципы обучения языку.

Из изложенного выше видно, что имеются общие закономерности между процессами индивидуального и исторического приобретения знаний, с одной стороны, и между естественными биологическими процессами и работой искусственно создаваемых информационных систем (компьютеров) – с другой. Это дает нам основание утверждать следующее: некоторые объективные (исторические) законы и закономерности, в соответствии с которыми происходит обучение иностранному языку, совпадают с некоторыми законами и закономерностями функционирования технических информационных систем, используемых в учебном процессе (компьютеры и компьютерные программы).

Считаем необходимым также добавить, что поскольку законы отражают повторяющиеся существенные, а значит оптимальные для развивающейся системы взаимосвязи, то организация аналогичного процесса в искусственно воссоздаваемых условиях будет приближаться к оптимальной.

Поскольку усвоение языка определяется объективными законами, то никто не вправе игнорировать и обходить их. Учитель обязан считаться с ними и организовывать учебный процесс, согласуя с ними все свои действия. При этом не следует забывать, что основные законы функционирования реального мира не исключают неопределенности и случайности в развитии систем.

При выявлении основных групп принципов обучения иностранному языку и их формулировании мы исходим из следующего:

1. Процесс обучения иностранному языку проходит в рамках системы, которая представляет собой комплекс закономерно взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов (элементов), образующих определенную структуру.

2. Структура определяет функциональную деятельность системы и характер ее взаимодействия с информационной средой; в то же время организованность самой структуры предопределяется предшествующей деятельностью (функционированием, развитием) системы.

3. Законы развития и познания отражают наиболее существенные взаимосвязи, имеют общий характер. Наряду с ними могут и должны быть закономерности более частного уровня, связанные с особенностями усвоения каких-либо отдельных языков или обуславливаемые другими факторами.

При обучении иностранным языкам как системе управления объективно действующие законы определяют:

- структуру языкового педагогического процесса;
- организацию лингводидактического материала;
- взаимодействие компонентов учебного процесса.

Рассмотрев базовые естественнонаучные и философские основы методических принципов в синергетическом аспекте, остановимся на общих проблемах моделирования процессов, что важно для воссоздания в ходе обучения оптимальных условий для изучения иностранного языка.

Моделирование означает имитирование реально существующей системы путем специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся *принципы* организации и функционирования этой системы³. Термин «модель» вслед за А.Ф. Лосевым мы будем понимать как образец, лучший образец, идеальный, при этом модель будет противоположна копии: «Модель есть образец для копии, а копия есть снимок с модели, подражание модели, использование ее в качестве чего-нибудь лучшего, более красивого или более удобного»⁴. В качестве примера модели ученый приводит фонему и трактует ее как логический конструкт, конструктивную сущность звука, принцип, метод, закон. Эти термины указывают на способ перехода от звука к фонеме и от фонемы к звуку. Но сама фонема как «закон» и «конструктивная сущность» едина и неизменна: она определяет границы всех возможных модификаций. Таким образом, с данной точки зрения, модель является активной стороной в процессе моделирования (моделирующее), а копия – пассивной (моделируемое). В качестве модели могут выступать также теория и прочие знаковые системы (семиотические модели)⁵. С учетом сказанного можно констатировать что *выделяемые нами методические принципы* как отражающие объективные законы и закономерности обучения иностранному языку, а также построенная на их основе концепция обучения иностранному языку являются *моделью процесса обучения иностранным языкам* (и его организации в целом).

Считаем необходимым отметить еще одну особенность моделирования – оборачиваемость данного метода. Модели и моделируемый объект в процессе познания могут меняться местами⁶. Помимо этого, различные теории и знаковые системы как модели являются по существу вторичными в отношении тех законов и закономерностей, по которым развивается мир и которые они отображают: «То, что вода является самой собой, а именно водой, это ведь есть не что иное, как та или иная *копия той основной модели, которая зафиксирована в химической формуле воды*» (выделено мною. – С.Л.)⁷.

Таким образом, применительно к процессу усвоения языка мы можем сказать, что объективные законы (модель 1) определяют естественные процессы усвоения языка (филогенез и онтогенез – копия 1, вернее, копии 1) (рис. 2). В процессе познания эти законы отражаются в виде теорий (принципов) и таким образом получается модель 2, которая в свою очередь определяет процесс усвоения языка в искусственно воссоздаваемых условиях (копия 2, или ко-

³ Фролов И.Т. Жизнь и познание: о диалектике в современной биологии. М., 1981.

⁴ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 53.

⁵ Куприй В.Т. Моделирование в биологии и медицине: Философский анализ. Л., 1989 ; Попелов Д.А. Ситуационное управление: теория и практика. М., 1986.

⁶ Куприй В.Т. Моделирование в биологии и медицине.

⁷ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 132.

пии 2). А.Ф. Лосев отмечал: «Теория есть только модель для практики и в данном смысле ее символ; а практика есть возврат теории действительности к самой действительности, то есть практика выше теории и является самой же действительностью, но уже понятой, уже закономерной, уже способной переделываться. В этом смысле действительность, оставаясь абсолютно объективной, становится символом самой же себя, но уже творчески переделываемой при помощи теории»⁸.

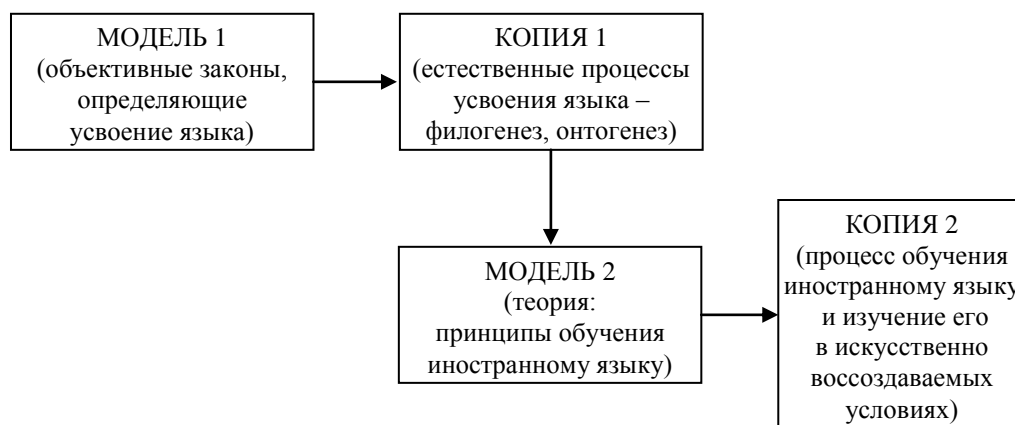

Рис. 2. Моделирование процесса обучения языку

При этом остаются открытыми два вопроса:

- 1) В какой степени модель 2 соответствует модели 1?
- 2) В какой степени результаты копии 2 соответствуют результатам копии 1?

Возвращаясь к принципам обучения иностранным языкам (и организации этого процесса), можем сравнить эти принципы с конкретной реализацией их на практике (рис. 3):

МОДЕЛЬ 2 (принципы)	КОПИЯ 2 (усвоение языка)
Общее	Отдельное, конкретное
Внутреннее, сущность	Внешнее, проявление
Закон конструирования деятельности	Вариативная реализация, воплощение

Рис. 3. Реализация методических принципов

⁸ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. С. 27.

Основу, фундамент реального мира составляют диалектическая взаимосвязь и взаимопереходы. Данный тезис основывается на диалектическом законе отрицания отрицания и выражается в словах К. Маркса: «Всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой. <...> Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее прежних форм существования»⁹. В процессе развития, обучения каждая фаза, следующая за предыдущей и отрицающая ее, в определенное время сама подвергается отрицанию со стороны новой стадии развития. Такое двойное отрицание ведет к своеобразному воспроизведению, восстановлению некоторых черт исходной стадии в составе более сложного, качественно по-иному организованного целого, то есть на более высокой основе. Включенные в такую систему восстановленные характеристики процесса развития начинают играть и существенно новую роль. Все сказанное в полной мере относится к процессу усвоения иностранного языка.

Усваивая в общении со старшими родной язык, ребенок выделяет посредством наименования отдельные объекты в окружающей его действительности, познает неизвестные ему отношения между предметами и явлениями, синтезирует чувственные образы, представления и понятия, формирует соответствующие категории и знания о мире, развивает свое сознание. Категории не есть нечто используемое интеллектом, они – сам интеллект. Подростающее поколение овладевает категориями на основе общения со старшими.

Воспроизводя объект в той форме, как он существует в настоящее время или существовал в прошлом, человек воспроизводит, репродуцирует прошлые и настоящие отношения. Репродукция, направленная на прошлое и настоящее, служит, таким образом, средством воспроизведения неоднократно повторяющихся событий. В репродукции воспроизводится относительная стабильность объекта и содержится момент пассивности. Овладевая родным языком, ребенок усваивает те объекты, знания и понятия, тот общественный опыт, которые были выработаны предшествующими поколениями и зафиксированы в языке. Иными словами, при овладении языком ребенок усваивает прошлые и настоящие отношения между предметами и явлениями.

Но задача познания не сводится лишь к отображению, воспроизведению только устойчивости окружающего мира. Объективный мир развивается от прошлого к настоящему и от него к будущему. Поэтому задача познания заключается в том, чтобы адекватно отразить мир, то есть не просто воспроизвести объект в той или иной форме, как он существует сам по себе, но и отразить его преобразование. «Мышление, – пишет Э.В. Ильенков, – есть способность активно строить и перестраивать схемы внешнего действия сообразно любому стечению обстоятельств»¹⁰. Это значит, что мышление может и должно создавать схемы поведения, модели реального мира

⁹ Маркс К. Морализующая критика и критикующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 296–297.

¹⁰ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984. С. 40.

в соответствии со сложившимися обстоятельствами, то есть в бесконечно изменяющихся условиях. В процессе познания, таким образом, *необходимо создавать новые понятия, абстракции и идеализации, воображаемые условные ситуации, комбинации и отношения элементов, которых нет, но которые могут быть*. По утверждению А.Н. Леонтьева, «личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ»¹¹. Таким образом, познавательное отражение есть в сущности творческий подход. Развитие воображения, фантазии и образного мышления для человека невозможно переоценить, поскольку без могучего воображения, фантазии, творческого мышления невозможна никакая специфическая человеческая деятельность. По мнению В.Ф. Асмуса «без наличия могучего воображения, которое подсказывает целый ряд неиспытанных, неизвестных, вымышленных, но, вообще говоря, возможных вариантов, не могла бы двигаться вперед никакая, в том числе самая точная наука»¹². Механизм творчества связан с понятием «сверхсознание». Согласно П.В. Симонову сверхсознание в виде творческой интуиции обнаруживает себя на первоначальных этапах творчества, не контролируемых сознанием и волей.

Поскольку появление и использование языковых средств связано с познанием мира, то это позволяет, на наш взгляд, считать, что успешное изучение иностранного языка должно быть связано с познанием ранее неизвестных отношений между явлениями и предметами действительности, а не на основе текстов, содержащих общеизвестные, часто неглубокие, непознавательные абстрактные положения и факты.

Сравним процессы познания, развития языка и речи у людей в филогенезе и онтогенезе.

В процессе исторического развития человек реально, объективно отражал, познавал сначала лишь свое ближайшее окружение. Многие неизвестные ему предметы и явления, с которыми он не имел возможности обращаться непосредственно, он отражал в нереальной – мифической – форме. Все это находило выражение в языке. Ребенок также отражает реально, объективно то, с чем он сталкивается и имеет дело ежедневно. Многие же он познает в нереальной, мифической форме, например, в виде сказок.

Опираясь на данные факты, выражающие определенную объективную закономерность в интеллектуальном развитии человека, мы можем заключить, что изучение иностранного языка должно быть связано с реальным и нереальным отражением мира. Ближайшее окружение обучаемого может находить отражение в реальной форме. Однако многое он должен отражать и познавать в нереальной, фантастической форме. Если в филогенезе и онтогенезе в процессе усвоения языка формируется сознание человека, отражается прошлое и настоящее, познание идет от нереального к реальному, от

¹¹ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 226.

¹² Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968. С. 32.

неосознанного к осознанному, то изучение иностранного языка должно быть связано с формированием сверхсознания обучаемого, отражаться и познаваться должны несуществующие, но возможные связи и отношения. Если же этого не будет, то не будет развития личности в процессе обучения, так как будет повторяться пройденное, тогда как развитие связано прежде всего с приобретением нового содержания, а не формы. Становление же сверхсознания учащихся связано с развитием обоих полушарий мозга: построение образного многозначного контекста сопряжено с работой правого полушария, а формирование однозначного словесно-логического контекста с помощью новой понятийной системы иностранного языка связано с работой левого полушария.

При овладении родным языком развитие познавательного процесса идет от неосознанного, нереального к осознанному, реальному (сознание), при изучении же иностранного языка должно быть развитие от осознанного (сознание) к неосознанному, нереальному (сверхсознание). Такая линия развития «неосознанное (нереальное) – сознание – сверхсознание» может служить иллюстрацией проявления в методике диалектического закона отрицания отрицания и основанного на нем методического принципа, в соответствии с которым осуществляется следующее развитие: 1) осознанное (сознание) отрицает неосознанное, нереальное (первое отрицание при овладении родным языком); 2) неосознанное, нереальное (сверхсознание) отрицает сознание (второе отрицание при изучении иностранного языка); 3) следующая ступень отрицания является как бы возвратом к первой ступени (нереальное, неосознанное), но на более высоком уровне – отрицания диалектической формы, вобравшей в себя вторую ступень (сознание).

Но, как известно, развитие начинается не на пустом месте. В этой связи еще одним важным логико-философским теоретическим основанием, которое определяет успешность усвоения иностранных языков, является формулирование *объективных и закономерно необходимых предпосылок* данного процесса. Обучение иностранным языкам должно начинаться с формирования одной единой системы ориентировочных когнитивно-языковых структур, обязательных для эффективного освоения нескольких незнакомых языков.

Развитие происходит от целого, сначала слабо дифференцированного, к единораздельному целому с отчетливо выделенными, функционально специализированными частями. При этом развитие частей определяется развитием целого¹³. Развитие новой целостной системы предстает сначала как развертывание только потенциально возможной формы ее организации. Все это имеет самое полное и непосредственное отношение и к самому предмету познания: нельзя изучить отдельные части, не познакомившись предварительно со всем целым, частями которого они являются¹⁴. В этом же направлении шло и историческое

¹³ См. напр.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985.

¹⁴ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф.

развитие языка: «Какие же признаки характеризуют основные тенденции развития языка к более совершенным формам? <...> Глобальная, весьма неточная символизация уступает место более дифференцированным структурам, которым соответствуют также более развитые когнитивные структуры памяти»¹⁵.

По данным генетики и нейробиологии, в мозге человека уже изначально заложены различные программы и схемы, в результате чего ребенок оказывается подготовленным к разнообразным активным мыслительным, речевым и другим специальным человеческим формам поведения. А это значит, что биологическое и социальное взаимодействуют в данном случае не как две разные сущности, а как звенья системной детерминации единого процесса развития человека. Освоение мира ребенком также начинается с того, что он воспринимает ситуации в общем нерасчлененном виде. Такими же были и первые мысли, которые по-явились у человека в филогенезе: «При опосредствованной взаимосвязи человека со средой через орудия труда первая мысль представляла собой нечто целостное и нерасчлененное, только в ходе дальнейшего развития из этой целостности вычленились отдельные понятия, суждения и умозаключения»¹⁶.

При совершении какого-либо действия у человека сначала тоже имеется какое-то общее представление о будущем результате («модель потребного будущего», «ориентировочная основа действия»), которое в качестве цели детерминирует (как закон) все последующие действия субъекта. «Логически идея, конечно, раньше материи, потому что сначала вы имеете идею, а потом осуществляете ее на том или другом *материале*», – писал А.Ф. Лосев¹⁷.

Итак, проанализировав имеющиеся научные данные из сопредельных с методикой наук и резюмируя изложенное, можно констатировать следующее:

1) развитие в целом, и развитие языка в частности, идет по линии дифференциации целого, от общего к отдельным компонентам;

2) усвоению языка в онтогенезе предшествуют (в любом случае, врожденные или нет) некоторые схемы, умственные программы действий (метасхемы, метапланы), которые образуют своего рода ориентировочную основу (когнитивные ориентировочные структуры) для последующих речевых действий и создают тем самым условия (или базу) для последующего быстрого усвоения языка ребенком;

3) любому практическому поступку (поведению) человека предшествует некая общая идея (модель потребного будущего).

Познание в учебном процессе, по научным данным, также необходимо начинать с общего. Любой познавательный процесс начинается с целостного восприятия предмета, а затем следует уже вычленение основных частей этого предмета и определение их свойств. По утверждению В.В. Давыдова, мышление учащихся в процессе учебной деятельности имеет нечто общее с мышлением ученых, которые излагают результаты своих исследований

¹⁵ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 108, 109.

¹⁶ Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. М., 1992. С. 72.

¹⁷ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 30.

посредством содержательных абстракций, обобщений и теоретических понятий путем восхождения от абстрактного к конкретному. Поскольку абстрактное – это наиболее общее определение, то оно является также и самым простым определением объекта, явления. Поэтому обучение также разумно начинать с самых простых всеобщих абстрактных начал и постепенно переходить к изучению явлений во всей их сложности и конкретности. При изложении материала изучаемой дисциплины всеобщее отношение генетически выполняет роль субстанциональной основы. Свойства исходной абстракции В.В. Давыдов кратко определяет так: «Это исторически простое, противоречивое и существенное отношение воспроизводимого конкретного»¹⁸.

Ученые, исследовавшие работу учащихся по программированным учебникам, отмечали, что обучаемые часто начинали выполнение задания не с «порции» учебной информации, заключенной в тексте, а с вопросов к ней, обращаясь к учебной информации лишь позже. Это и естественно, так как мышление человека начинается с проблемы, а не с восприятия и усвоения учебной информации. Дробление информации на мелкие порции (как, например, при программированном обучении) не вполне соответствует закономерностям усвоения человеком знаний¹⁹.

Ребенок тоже начинает овладевать языком с его целостного восприятия (воспринимает его как единое целое), используя затем это целое для построения конкретных расчлененных предложений. «Ребенок, – отмечает А.М. Шахнарович, – овладевает языком не часть за частью, слово за словом, морфема за морфемой, а сразу, в целом, отражая это целостно воспринимаемое тем или иным образом в зависимости от того, на какой ступени развития находится его восприятие в данный момент»²⁰. «Таким образом, – заключает автор – “саморазвивается” не некоторая врожденная языковая способность, а первичный обобщенный образ языка» (выделено мною. – С.Л.)²¹. Но для познания языка, как отмечает в своих исследованиях А.М. Шахнарович, «ребенку необходим метаязык – его ребенок получает только в школе, только тогда знакомится с лингвистической терминологией. <...> Усваивая метаязык, ребенок поднимается на третью ступень владения языком – интеллектуальную» (выделено мною. – С.Л.)²².

Проблема метаязыка активно обсуждалась и в лингвистике. На протяжении многих веков различным направлениям была присуща постоянная тенденция рассматривать строение языка через парадигму двух языков (двух грамматик). Один язык трактовался как универсальный – логический, точный, ясный, упорядоченный, закономерный, общий для всех людей. Он был призван служить

¹⁸ Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986. С. 120 ; см. также: Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение. М., 1994.

¹⁹ Бирюков Б.В., Геллер Е.С. Кибернетика в гуманитарных науках.

²⁰ Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке. М., 1991. С. 207.

²¹ Там же. С. 203.

²² Там же. С. 200.

целям науки. В качестве такого межнационального логического языка предлагалось рассматривать латинский язык. Универсальному языку в свою очередь противопоставлялись многочисленные национальные языки как языки повседневной жизни. И соответственно универсальной грамматике были противопоставлены грамматики отдельных национальных языков.

Отечественные лингвисты в своих исследованиях тоже приходили к выводам, которые близки изложенным нами концепциям. Так, Г.В. Колшанский полагал, что «можно согласиться с тем, что каждый язык есть вариант с “L”, т.е. вариант теоретически возможного некоторого универсального языка»²³.

Изучение иностранного языка идет в направлении, противоположном процессу усвоения родного языка. Его (иностранного) изучение начинается с осознания и преднамеренности. А осознание в свою очередь предполагает раскрытие взаимосвязей между компонентами целого. Поэтому при переходе к изучению новых языков нужно создавать в сознании у обучаемых широкую ориентировочную основу последующих коммуникативно-речевых действий.

В соответствии с современными научными данными внесены коррективы в генетическую последовательность форм действия. Долгое время считалось, что формирование нового действия должно начинаться с материальной формы. Однако дальнейшие исследования показали, что начальная форма действия зависит от стадии интеллектуального развития обучаемого²⁴.

По утверждению П.Я. Гальперина, «ориентировочная часть является *управляющей* инстанцией и в основном *от нее зависит качество исполнения*» (выделено мною. – С.Л.)²⁵. Все знания, приобретаемые в процессе учения, можно разделить на две неравные части: одну составляют некоторые новые общие схемы, которые определяют видение познаваемых явлений и новое мышление о них, другую – конкретные факты, законы изучаемой области, конкретный материал. По общему объему вторая часть намного превышает первую, но в такой же мере уступает ей в значении для развития мышления. Исходя из этого, в процесс обучения должно включаться обязательно «*формирование тех обобщенных схем действительности, которые в процессе ее изучения становятся объединяющими схемами отдельных действий, новыми структурами мышления*» (выделено мною. – С.Л.)²⁶.

В отличие от теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, которая направлена на развитие ориентировочной основы действий с материальными предметами, обучение иностранным языкам связано с *идеальным предметом деятельности* – замыслом речевого высказывания. И если теория П.Я. Гальперина определяет поэтапное формирование умствен-

²³ Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965, С. 57.

²⁴ Талызина Н.Ф. Теория планомерного формирования умственных действий сегодня // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 72–102.

²⁵ Гальперин П.Я. О методе поэтапного формирования умственных действий // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1981. С. 98.

²⁶ Гальперин П.Я. К исследованию интеллектуального развития ребенка // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 24.

ных действий (действий в уме), то у нас речь идет об обратном процессе: о становлении новых внешне практических действий с иноязычными средствами *на основе внутренних когнитивных ориентировочных структур* и соответствующих им умственных действий.

Вместе с тем наша позиция по данному вопросу отличается и от позиции А.А. Миролубова: «Вначале учащимся дается *ориентировка, инструкция* по выполнению той или иной *частной операции*, затем следует выполнение этой операции в процессе осуществления упражнений. *Ориентировочная* основа не является обобщенным знанием о слове, а только *частной инструкцией* к той или иной операции» (выделено мною. – С.Л.)²⁷.

Таким образом, при обучении иностранным языкам в синергетическом аспекте с учетом условий формирования механизма речепорождения, начиная от формирования замысла и кончая формулированием мысли, есть основание говорить о необходимости формирования внутренних ориентировочных когнитивных структур коммуникативно-речевых действий обучаемого иностранному языку по следующим направлениям:

- 1) анализ предъявленной проблемной ситуации и порождение замысла;
- 2) логическое (с учетом разнообразных причинно-следственных отношений) речевое развертывание замысла на иностранном языке;
- 3) анализ коммуникативной ситуации, определение стратегии и тактики общения;
- 4) лексико-грамматическое (содержательное, прагматическое) оформление речевого высказывания на изучаемом языке;
- 5) развитие языкового (иноязычного) мышления, формирование способности оперировать различными языковыми системами, переходить с одной знаковой системы на другую, усваивать за короткий срок многие иностранные языки (полилингвистическая способность).

На основании результатов проведенных нами тестов можно заключить, что при изучении иностранного языка в сознании у обучаемых устанавливается связь не между логико-смысловым (глубинным) содержанием высказывания на родном языке и изучаемыми лингвистическими средствами, а между коррелируемыми поверхностными структурами и соответствующими лингвистическими средствами двух языков.

Результаты проведенных нами констатирующих срезов дают нам основание не согласиться с содержанием общеметодического принципа коммуникативной (речевой) направленности обучения, согласно которому на каждой стадии обучения иностранному языку «учебный процесс должен быть насыщен (а в отдельных случаях даже перенасыщен) речевыми упражнениями, которые и являются решающим фактором практического владения иностранным языком»²⁸. Формирование когнитивных ориентиро-

²⁷ Миролубов А.А. Связь методики обучения иностранным языкам со смежными науками // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982. С. 36.

²⁸ Ляховицкий М.В. Принципы и методы обучения иностранным языкам // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982. С. 64.

вочных структур коммуникативно-речевых действий и связанное с этим осознание лексико-грамматической структуры изучаемого языка делает именно язык главным объектом усвоения (и вообще всего начального этапа обучения), поэтому нельзя согласиться с тем, что «языковой материал не может стать основным объектом и главной целью учебного процесса по иностранному языку»²⁹. Точка зрения, что «игнорирование этого общего принципа ведет к засилью подготовительных и языковых упражнений», означает игнорирование необходимости предварительно осознавать изучаемый материал и создавать широкую ориентировочную основу последующих активных действий. В этом вопросе следует, на наш взгляд, также придерживаться диалектической точки зрения и избегать абсолютизации чего бы то ни было. Необходимы, конечно, как осознание системы языка и формирование когнитивных ориентировочных структур, так и активные практические действия по использованию изучаемого языка.

Проанализированные в настоящей статье логико-философские положения не исчерпывают всего перечня тех естественнонаучных и философских аспектов, которые определяют лингводидактический процесс или находят свое выражение и отражение в процессе обучения иностранным языкам в синергетическом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы [Текст]. – М. : Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Асмус, В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики [Текст]. – М. : Искусство, 1968. – 654 с.
3. Бирюков, Б.В. Кибернетика в гуманитарных науках [Текст] / Б.В. Бирюков, Е.С. Геллер. – М. : Наука, 1973. – 382 с.
4. Гальперин, П.Я. К исследованию интеллектуального развития ребенка [Текст] // Вопросы психологии. – 1967. – № 1. – С. 15–26.
5. Гальперин, П.Я. О методе поэтапного формирования умственных действий [Текст] // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946–1980 гг. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – С. 97–101.
6. Давыдов, В.В. Проблемы развивающего обучения : опыт теоретического и экспериментального психологического исследования [Текст]. – М. : Педагогика, 1986. – 240 с.
7. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории [Текст]. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
8. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта [Текст]. – М. : Прогресс, 1983. – 302 с.
9. Колшанский, Г.В. Логика и структура языка [Текст]. – М. : Высшая школа, 1965. – 240 с.

²⁹ Ляховицкий М.В. Принципы и методы обучения иностранным языкам // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. С. 64.

10. Куприй, В.Т. Моделирование в биологии и медицине: философский анализ [Текст]. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 188 с.
11. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения [Текст] : в 2 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – 372 с. ; Т. 2. – 320 с.
12. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст]. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
13. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф. [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
14. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст]. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с.
15. Ляховицкий, М.В. Принципы и методы обучения иностранным языкам [Текст] // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М. : Высшая школа, 1982. – С. 58–74.
16. Маркс, К. Морализующая критика и критикующая мораль [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 291–321.
17. Мирюлюбов, А.А. Связь методики обучения иностранным языкам со смежными науками [Текст] // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М. : Высшая школа, 1982. – С. 21–43.
18. Моисеев, Н.Н. Алгоритмы развития [Текст]. – М. : Наука, 1987. – 304 с.
19. Панов, В.Г. Эмоции. Мифы. Разум [Текст]. – М. : Высшая школа, 1992. – 252 с.
20. Пospelов, Д.А. Ситуационное управление; теория и практика [Текст]. – М. : Наука, 1986. – 288 с.
21. Талызина, Н.Ф. Теория планомерного формирования умственных действий сегодня [Текст] // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 72–102.
22. Фролов, И.Т. Жизнь и познание: о диалектике в современной биологии [Текст]. – М. : Мысль, 1981. – 268 с.
23. Чуприкова, Н.И. Умственное развитие и обучение : психологические основы развивающего обучения [Текст]. – М. : Столетие, 1994. – 172 с.
24. Шахнарович, А.М. Проблемы формирования языковой способности [Текст] // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – С. 185–221.

S.A. Lamsin

LOGICAL AND PHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND LEARNING

The article views logical-philosophical principles of foreign language teaching and learning through the prism of synergetic approach, treating them as processes of self-development and self-formation. Linguodidactics is determined by a number of factors, among which there are 1) methodological principles, which reflect objective laws; 2) dialectical negation; 3) formation of a unified system of cognitive and linguistic structures necessary for learning several foreign languages.

synergetics, self-development, methodological principles, tentative structures

УДК 37И

О.Я. Ярославцева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Статья основана на изучении многочисленных материалов отечественных и зарубежных авторов и посвящена анализу современного состояния латиноамериканского высшего образования, которое имеет свои исторические, культурные особенности, обусловленные социально-экономическими факторами развития региона, национальной идентификацией и перспективными возможностями с точки зрения интернационализации и интеграции на субрегиональном, региональном, территориальном и глобальном уровнях. Оценивая перспективы высшего образования всего Латиноамериканского региона, можно сказать, что он обладает мощным образовательным потенциалом и его активное участие в интеграционных процессах позволяет с оптимизмом утверждать, что в скором будущем все больше стран смогут эффективно модернизировать свои системы высшего образования.

Латинская Америка, высшее образование, интеграция

Вторая половина XX века в Латинской Америке отмечена значительными изменениями социально-экономической и социально-политической ситуации, в которой развивались системы образования под воздействием научно-технической революции и национально-освободительного движения в регионе.

В начале 60-х годов прошлого столетия контраст между стремлением латиноамериканских обществ к модернизации и ограниченностью их политических режимов привел к политической активности, сопровождавшейся репрессиями, которые были вызваны активными выступлениями преподавателей и студентов против военных режимов во многих странах Латинской Америки: Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили, Перу. В различных университетах имели место замена избранных ректоров полковниками, увольнение преподавателей, аресты студентов, запрещение преподавания общественных наук. Часть университетов была ликвидирована или деморализована.

Решающим фактором развития систем образования латиноамериканских стран становится научно-техническая революция. Развернувшаяся в 1950–60-е годы в промышленно развитых странах, она оказала как прямое, так и косвенное воздействие на Латинскую Америку, хотя и с некоторым опозданием. Происходит активное внедрение иностранного капитала

в экономику латиноамериканских стран. С этим процессом связано сильное влияние транснациональных корпораций (ТНК) на современные отрасли промышленности. В наиболее развитых в экономическом отношении странах –

Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили, а также Венесуэле, Колумбии, Перу – наблюдается диверсификация хозяйственной структуры. Формируются отрасли машиностроения (энергетические, электротехнические, станкостроение, транспортное), появляются новые отрасли в химической промышленности. Широкое распространение получают современные средства сообщения: авиационный и автомобильный транспорт; средства массовой информации. Происходящие изменения в экономике латиноамериканских стран, а именно в уровне и структуре промышленного производства, выдвинули более высокие требования к системе подготовки кадров. Прежде всего, возрос абсолютный спрос на квалифицированную рабочую силу с точки зрения образования и технической подготовки, увеличился удельный вес инженеров и техников в общей численности работающих. Для эффективного управления производством необходим был управленческий персонал, обладающий высоким уровнем знаний и квалификацией.

Нужды экономического развития заставляли правительство и общественность стран Латинской Америки остро ставить вопрос о расширении масштабов подготовки специалистов для промышленности и сельского хозяйства.

Однако даже те скромные результаты, которые давала система подготовки кадров, становились еще меньше или даже сводились на нет при воздействии нового фактора развития образования – миграции квалифицированных специалистов. Как свидетельствуют данные, с 1961 по 1965 год число специалистов с высшим образованием, эмигрировавших только в США, достигло 11 552 человек, а со средним образованием – 28 714¹. При этом различные страны региона несли неодинаковые потери. Как правило, более всего страдали небольшие страны с низким уровнем жизни и слабо развитой экономикой, такие как Гаити, Гватемала, Доминиканская Республика и т. д. Эмиграция специалистов явилась одной из причин отставания самой системы образования в Латинской Америке. Эмиграция учителей приводила к тому, что миллионы детей не могли получать образование. Доля эмигрировавших учителей в этот период доходила до 30,8 процента от всего количества эмигрировавших специалистов со средним образованием и 6,8 процента – с высшим². Как считает Э.Г. Ермольева, «...процесс «утечки мозгов» из стран Латинской Америки никогда не был равномерным и однозначным. Так, в 70-е годы «лидерство» в этом процессе перешло к некоторым странам Азии (Индии, Филиппинам), а эмиграция латиноамериканских ученых и специалистов стала все более заменяться ее скрытой формой, когда значительная часть наиболее квалифицированных кадров используется внутри самих стран, но не

¹ America Latina y la Educacion. La Habana, 1967, 1970.

² Educacion y conocimiento: eje de la transformacion productiva cor. equidad / CEPAL – UNESCO. Santiago de Chile, 1992.

на предприятиях госсектора, а на филиалах ТНК. Оценить размеры таких потерь крайне трудно»³. Как считает В.П. Беляев, неважно, по какой причине происходила миграция специалистов, важнее ее последствия, которые «...нередко носили чрезвычайно острый характер и проявлялись, прежде всего, в создании дополнительных трудностей развития системы образования и формирования кадрового потенциала, в прямых финансовых потерях в результате работы системы образования вхолостую, в отсутствии ожидаемой экономической отдачи специалистов. Иностраный капитал опутал страны региона сетью финансовой зависимости и оказал деформирующее влияние на развитие системы образования, подчинив структуру подготовки кадров интересам монополии»⁴.

На латиноамериканскую молодежь в 1960–1970-е годы обрушилась волна пропаганды, оправдывающая политику США, восхваляющая североамериканский «образ жизни». Арсенал пропагандистских средств дополнялся рядом реальных мер. В эти годы усиливаются связи университетов США и ряда других стран с учебными центрами стран Латинской Америки, расширяется обмен студентами и преподавателями, увеличивается финансовая помощь. Еще одним важным способом идеологического влияния на латиноамериканскую молодежь со стороны крупных западных государств становится выделение стипендий в учебных центрах развитых капиталистических стран, особенно США. В 1970 году было выделено 24 тысячи таких стипендий. По сравнению в 1960 годом их количество увеличилось на 15 тысяч⁵. Латиноамериканские студенты в США составляли более половины всех латиноамериканских вузовских учащихся за рубежом. Более 7 тысяч учащихся из Латинской Америки обучались в вузах Франции, ФРГ, Англии и других странах Западной Европы.

Важное место по числу вакансий для латиноамериканцев в своих учебных центрах занимала Англия. Предпочтение при этом отдавалось странам бывших английских колоний (Гайяна, Ямайка, Барбадос, Тринидад и Тобаго). Следует отметить, что такой вид помощи часто маскировался «традиционными связями», «общностью религии» и т. д., а на самом деле был рассчитан на «утечку мозгов» из латиноамериканских стран. Так, сами США, например, отдавали предпочтение той или иной стране с учетом стабильности государственных отношений с ней, своих политических интересов и экономической выгоды.

Следует отметить, что были и положительные моменты в процессе влияния ТНК на системы образования латиноамериканских стран. Тот факт, что ТНК и их дочерние предприятия, нуждаясь в квалифицированных специалистах, сами осуществляли подготовку кадров, внедряли современные средства обучения, тем

³ Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: на «повестке дня сегодня» // Латинская Америка. 1996. № 4.

⁴ Беляев В.П. Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития. М. : Наука, 1971.

⁵ UNESCO. Statistical YEARBOOK, 1997.

самым способствовали развитию среднего (особенно специального) и высшего образования.

В 60–70-е годы XX века страны Латинской Америки, вовлеченные в сферу влияния мировой научно-технической революции, являлись лишь покупателями на мировом рынке научно-технических новшеств, причем с весьма ограниченными возможностями. Дальнейшее отставание в обеспеченности высококвалифицированными специалистами могло привести к катастрофическим последствиям – превращению хозяйства латиноамериканских стран в исполнителя научно-технического замысла стран Запада. Перед лицом этой реальной опасности латиноамериканская система образования, в первую очередь средняя и высшая школа, должна была сделать качественный и количественный скачок. Для всех стран Латинской Америки в 1960-е годы была характерна традиционная структура среднего образования с преобладанием общеобразовательной школы (исключение составляла Аргентина с самым большим контингентом средних специальных учебных заведений), ориентированной на подготовку специалистов средней квалификации, а не на университет. К 1970-м годам положение изменилось: на долю учащихся средних специальных учебных заведений (без педагогических училищ) приходилось уже 29,5 процента общего контингента средних школ. Доля учащихся общеобразовательных школ к 1975 году не только не снизилась, но и выросла на 0,9 процента, что свидетельствовало о том, что средней школе не удалось решить главную проблему – расширить сферу подготовки технического персонала среднего звена.

В этот период происходит существенный рост численности латиноамериканского студенчества. По данным А.И. Алексеева, с 1960 по 1989 год контингент учащихся высшей школы Латинской Америки вырос в 5,3 раза. Так, если в 1960 году насчитывалось 538,8 тысячи студентов, то в 1976 году – уже свыше 3 миллионов человек. Для сравнения: во всем мире этот показатель составлял 2,3 раза, в Африке – 4,8, в Азии – 2,7, Северной Америке – 2,1, Европе – 1,8, Австралии и Океании – 1,3 раза⁶.

О территориальных различиях в уровнях развития высшего образования в Латиноамериканском регионе можно судить по показателям охвата высшим образованием населения соответствующей возрастной группы (20–24 года), числу студентов на каждые 100 тысяч жителей, а также динамики численности студентов высших учебных заведений. Увеличение масштабов подготовки кадров с высшим образованием происходило параллельно с ростом спроса, диктуемого модернизацией хозяйства. По числу студентов на каждые 100 тысяч жителей к 1970-м годам ряд латиноамериканских стран приблизился к европейскому уровню. Хотя, надо признать, что при расчете числа студентов, приходящихся на 100 тысяч жителей региона, высшая школа Латинской Америки еще в 1965 году стояла на уровне США первых

⁶ Алексеев А.И. Об учете территориального фактора при измерении уровня обслуживания населения / А.И. Алексеев, М.В. Бобкова, А.А. Ткаченко // Вестник МГУ. Сер. География. 1981. № 5.

лет XX века. Согласно статистическим данным⁷, в вузах США в эти годы обучалось около 40 процентов лиц от 20 до 24 лет, в Латинской Америке в 9 раз меньше, или 4,4 процента. Между тем средние показатели в таких традиционно «университетских» странах, как Аргентина, Чили, Уругвай, ненамного превышали все остальные. А такие страны, как Доминиканская Республика, Сальвадор, Гаити, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Ямайка, по состоянию высшего образования можно было сравнить с самыми отсталыми странами мира.

Динамика численности студентов высших учебных заведений Латинской Америки в рассматриваемый период также сильно различалась по странам, но везде темпы прироста числа студентов значительно превосходили темпы естественного прироста населения и темпы роста валового продукта. Наибольший рост численности студентов произошел в Бразилии, Мексике, Венесуэле, а также в Андских странах (Колумбии, Эквадоре, Перу). Практически не изменилась численность студенчества в Гайане, Барбадосе, Суринаме, Ямайке, Тринидаде и Тобаго, то есть наибольшее увеличение количества студентов непосредственно связано с экономическим развитием некоторых латиноамериканских государств.

Таким образом, быстрый рост студенчества объясняется рядом причин: развитием промышленности и созданием новых отраслей индустрии, усилившейся урбанизацией, «демографическим взрывом» и другими факторами.

И хотя наметилась определенная модернизация высшей школы, например, увеличение выпуска специалистов по инженерным специальностям, все-таки по-прежнему она не соответствовала потребностям экономического, социально-политического и культурного развития региона.

Одной из наиболее острых проблем следующего десятилетия стала проблема внешней задолженности. Внешний долг Латинской Америки стал стремительно расти. В 1980 году задолженность составляла 207 миллиардов долларов, в 1984 году превысила 360 миллиардов, а к концу 1990-х годов она составила 800 миллиардов долларов⁸. Как показал Ф. Реймерс в своем исследовании по проблеме воздействия задолженности на образование в Латинской Америке⁹, одной из наиболее пострадавших сфер социального развития Мексики являлось образование. За один лишь 1982/83 учебный год расходы на образование упали с 5,5 процента валового внутреннего продукта до 3,9 и с 9,3 процента до 7,9 общего государственного бюджета. После 1980 года по сравнению с прошлым десятилетием расходы на образование резко сократились: они составляли примерно 6,99 процента между 1970–1973 годами, а после 1980 года – 0,01 процента.

Как показывают исследования В.М. Давыдова, к концу прошлого века Латинская Америка полностью освободилась от авторитарно-олигархических ре-

⁷ Educacion y conocimiento: eje de la transformacion productiva cor. eguidad. С. 202.

⁸ Беляев В.П. Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития. М. : Наука, 1971.

⁹ Бразилия: реформы и прогресс. М. : ИЛА РАН, 1997.

жимов: если в 1980-х годах из 20 стран региона только 13 имели демократически избранное государственное руководство, то к концу столетия – их было уже 26. Демократические режимы были подкреплены результатами другого перехода: от уже исчерпавшей себя модели «импортозамещающей индустриализации» регион перешел к открытой рыночной экономике (см. табл.).

Таблица

Прирост валового внутреннего продукта в развивающихся странах, %

Регион \ Год	1981–1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	1,4	1,1	–0,1	2,8	2,1	3,3	3,0
Африка	1,8	2,8	2,2	1,6	0,8	1,6	2,5
Западная Азия	1,7	3,2	1,9	–0,2	5,7	3,5	3,5
Южная и Восточная Азия	5,9	6,1	6,4	5,3	5,2	5,4	6,0
Китай	9,9	4,3	3,9	8,0	3,2	3,4	0,0
Страны Средиземного моря	2,5	0,4	1,1	–5,6	–1,9	–0,3	4,0

Как видно из таблицы, в 90-х годах прошлого века страны Латинской Америки и Карибского бассейна уступали по темпам роста валового внутреннего продукта только странам Юго-Восточной Азии и ряду крупных азиатских государств, включая Китай, Индию, Индонезию, Малайзию и Пакистан. Особенно интенсивно росла экономика Чили (7 процентов в среднем за 1995–1997 годы), Перу (5,4 процента), Аргентины (6,5 процента), Сальвадора (5,3 процента), Гайаны (7 процента). После структурных преобразований, проведенных при администрации Ф.Э. Кардозо, более устойчивым стало развитие экономики Бразилии, входящей, по данным В.М. Давыдова, в десятку ведущих стран мира¹⁰. Даже Мексика, пережившая кризис в 1995 году сумела довольно быстро восстановить восходящую тенденцию в экономике, прирост валового внутреннего продукта которой вышел на уровень 7 процентов.

По мнению А.П. Лиферова¹¹, Латинская Америка сосредоточивает сегодня 5,7 процента населения мира и дает около 3,2 процента производства мирового валового внутреннего продукта. Развитие и модернизация экономики, открывая большие возможности для трудоустройства, способствует привлечению

¹⁰ Доклад о положении дел за 1999 год / ЮНЕСКО. URL : <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001133/113351R.pdf>

¹¹ Лиферов А.П. Интеграционный потенциал образовательных систем крупнейших регионов мира (типология, сравнительный анализ). Рязань : РГПУ, 1997.

учащихся в средние и высшие учебные заведения. Сегодня регион занимает видное место в мировом образовании. На его долю приходится 15 процентов учащихся начальной школы, 12 процентов средней и около 25 процентов студентов вузов развивающихся стран¹². Для региона характерно и более высокое относительно других развивающихся стран развитие отдельных элементов инфраструктуры образования. Экономический рост и изменения структуры промышленности требуют не только количественное, но и, главное, качественное развитие образования.

В изменившихся условиях специалисты ЮНЕСКО и ЭКЛАК разработали новую стратегию развития образования в Латинской Америке и назвали ее «Образование и знания – стержень преобразований производительных сил на основе равенства возможностей и социальной справедливости». В ней изложены основные теоретические подходы, долгосрочные цели и конкретные задачи, поставленные перед регионом в преддверии нового столетия. Программа-максимум новой стратегии – «создать в ближайшее десятилетие такие условия для распространения образования, профессиональной подготовки и научно-технического прогресса, которые сделали бы возможной трансформацию производительных сил на базе прогрессирующего социального равенства»¹³. Эксперты ЭКЛАК считают, что Латинская Америка сможет построить гражданское, истинно демократическое общество и стать полноправным членом высокообразованного и компетентного в научном отношении сообщества лишь при условии, если в самое ближайшее время образование, наука и технологические новации станут главным составляющим ее экономической стратегии.

Предложенная ЭКЛАК политика в сфере образования включает следующие направления:

- достижение общественного компромисса по вопросу ускоренного развития сферы образования, профессиональной подготовки и науки;
- преодоление отчуждения, наблюдающегося между системой подготовки кадров и областью научных прикладных исследований;
- усиление административной ответственности за деятельностью образовательных учреждений;
- повышение роли преподавателей как активных участников реформы, создание условий для их профессионального роста;
- обеспечение массового доступа к «культурному кодексу современности» и стимулирования творческого подхода к реализации этой задачи;
- активизация международного сотрудничества и обмена опытом в осуществлении реформ в области образования.

Среди разнообразных мер по реализации новой стратегии в области образования – усиленное его финансирование, обеспечение профессионального совершенствования и социальной защиты преподавательских кадров, активизация регио-

¹² Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: на «повестке дня сегодня» // Латинская Америка. 1996. № 4.

¹³ Ермольева Э.Г. Общее и особенное в географии современной культуры стран Латинской Америки // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1992. Вып. 12.

нальной и международной интеграции в области образования. Инструментами интеграции в образовательной сфере могут быть: разработка единой образовательной политики в интеграционных группировках; выработка единых образовательных стандартов; создание многонациональных образовательных организаций и систем информации, сети дистанционного обучения, фондов по финансированию мероприятий в сфере образования; разработка совместных программ и проектов; формирование региональных рынков знаний; обмен опытом в области подготовки кадров, а также обмен преподавателями и студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеев, А.И. Об учете территориального фактора при измерении уровня обслуживания населения [Текст] / А.И. Алексеев, М.В. Бобкова, А.А. Ткаченко // Вестник МГУ. – Сер. География. – 1981. – № 5.
2. Беляев, В.П. Вопросы образования: сложность и многообразие [Текст] // Латинская Америка. – 1986. – № 4.
3. Беляев, В.П. Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития [Текст]. – М. : Наука, 1971.
4. Бразилия: реформы и прогресс. – М. : ИЛА РАН, 1997.
5. Высшая школа Латинской Америки [Текст] / под ред. В.А. Кузьмищева. – М. : Наука, 1972.
6. Доклад о положении дел за 1999 год [Электронный ресурс] / ЮНЕСКО. – URL : <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001133/113351R.pdf>
7. Ермольева, Э.Г. Образование в Латинской Америке: на «повестке дня сегодня» [Текст] // Латинская Америка. – 1996. – № 4.
8. Ермольева, Э.Г. Общее и особенное в географии современной культуры стран Латинской Америки [Текст] // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – 1992. – Вып. 12.
9. Лиферов, А.П. Глобальное образование – путь к интеграции мирового образовательного пространства [Текст]. – Рязань : РГПУ, 1997.
10. Лиферов, А.П. Интеграционный потенциал образовательных систем крупнейших регионов мира (типология, сравнительный анализ) [Текст]. – Рязань : РГПУ, 1997.
11. America Latina y la Educacion [Text]. – La Habana, 1967, 1970.
12. CEPAL. Panorama social en America Latina. – Santiago de Chile, 1994.
13. Educacion y conocimiento: eje de la transformacion productiva cor. eguidad [Text] / CEPAL – UNESCO. – Santiago de Chile, 1992.
14. UNESCO. Proyecto principal de educacion [Text] // America Latina Boletin trimestral. – Santiago de Chile, 1982.
15. UNESCO. Statistical YEARBOOK [Text], 1997.

О.Я. Yaroslavtseva

THE CURRENT STATE OF HIGHER EDUCATION IN LATIN AMERICA AND ITS DEVELOPMENT PERSPECTIVES

The article centers on the current state of higher education in Latin America and its historical and cultural peculiarities, which are predetermined by social-economic factors of the development of the area, by national identification and the perspectives of internationalization

and integration at the sub-regional, regional, territorial, and global levels. Speaking about the development perspectives of Latin America's higher education, one can say that the area has considerable education potential. Latin America's active participation in integration means that more and more countries will be able to modernize their higher education.

Latin America, higher education, integration, education potential.

УДК 1(03)

Н.А. Блохина

**ПИТЕР СТРОСОН О КАНТИАНСКИХ ОСНОВАНИЯХ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ**

На основе двух поздних статей британского философа Питера Стросона (1919–2006) показано, что он, оставаясь верным своей концепции дескриптивной метафизики, считал, что Иммануил Кант являлся предтечей аналитической метафизики в выработке концептуальных средств, но мы скажем, что и в форме методологических устремлений.

аналитическая философия, дескриптивная метафизика, метафизический и эмпирический реализм, концептуальная схема.

В середине XX столетия британский философ Питер Стросон (1919–2006) привлек к себе внимание тем, что после длительного периода в истории аналитической философии, характеризовавшегося падением интереса к метафизике и попытками ее элиминации, вернулся к традиционной метафизической проблематике и вместе с тем остался в пределах философии анализа. Единственно возможным предметом философии Стросон признавал анализ языка. Как представитель Оксфордской школы лингвистического анализа, он считал, что таким языком может быть только обыденный язык. На этом сходство Стросона с философами-аналитиками того времени заканчивалось, поскольку для Стросона язык был интересен не сам по себе, а теми онтологическими и гносеологическими выводами, которые следовали из его анализа.

Стросон ставил перед собой поистине кантовские задачи – исследовать возможности познания. Исходя из анализа обыденного языка, философ надеялся выявить самые общие черты концептуальной схемы нашего знания и с помощью этой схемы пробиться к внеязыковой структуре бытия. Ранее предпринятые шаги по искоренению метафизики, по мнению Стросона, не удались, и аналитики должны, считал он, создать новый тип метафизики, свободной от недостатков

всех предыдущих метафизик. Новый тип метафизики Стросон назвал дескриптивной (описательной)¹.

Философ предпринял несколько попыток реализации своей программы дескриптивной метафизики. Первая попытка была осуществлена в книге «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики», увидевшей свет в 1959 году. В «Индивидах» дается самый радикальный вариант дескриптивной метафизики. Второй ее вариант, но в менее категоричных и более традиционных формулировках, был представлен в книге «Пределы смысла. Заметки о кантовской “Критике чистого разума”» (1966). После критики, которой были подвергнуты «Индивиды», для британского философа внутренняя связь его учения с учением Канта стала более значимой, и потому способом совершенствования дескриптивной метафизики он выбрал сопоставление ее с трансцендентальной философией Канта, что и было сделано в «Пределах смысла».

В нашей статье нет цели по рассмотрению эволюции стросоновской дескриптивной метафизики в «Индивидах» и «Пределах смысла» и по интерпретации в них философии Канта. В отечественном философском сообществе эта работа проделана в кандидатской диссертации Т.Н. Панченко², а также в исследованиях В.Н. Брюшинкина и В.А. Чалого³, А.Л. Золкина⁴, Л.Б. Макеевой⁵, Е.Н. Сухановой⁶ и некоторых других исследователей. В центре нашего внимания будет проблема кантовского деления мира на мир вещей самих по себе и мир явлений и влияния данной метафизической установки на взгляды некоторых выдающихся философско-аналитиков. Все эти проблемы можно свести к вопросу о кантовских основаниях метафизики в аналитической философии. Этому посвящены две статьи британского философа, написанные в поздний период его творчества.

Проблема реализма и a priori

В статье «Проблема реализма и a priori» (1994) Стросон рассматривает только два значения реализма из множества, как он отмечает, существующих. Оба из них касаются одного и того же вопроса: как природа реальности связана с познавательными и интеллектуальными возможностями человека, то есть что собой представляют вещи сами по себе и что, в принципе, мы о них знаем или как их понимаем⁷. Это метафизический и эмпирический реализм.

¹ Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого ; под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009. С. 8.

² Панченко Т.Н. Критический анализ концепции «дескриптивной метафизики» Питера Стросона : дис ... канд. филос. наук. М., 1980.

³ Брюшинкин В.Н. Питер Стросон и его метафизика. Послесловие / В.Н. Брюшинкин, В.А. Чалый // Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. С. 296–308.

⁴ Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века : автореф. ... д-ра филос. наук. Тула, 2005.

⁵ Макеева Л.Б. Рецензия // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 182–185.

⁶ Суханова Е.Н. Дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии : автореф. ... канд. филос. наук. Томск, 2008.

⁷ Strawson P.F. The problem of realism and the a priori // Entity & Identity and Other Essays. N.Y. : Oxford University Press, 1997. P. 244–251.

Большинство философов, отмечает Стросон, отвергают так называемый метафизический (или, возможно, трансцендентный) реализм или не видят в нем никакого смысла. Согласно данной разновидности реализма реальность, в существование которой мы верим, в принципе выходит за грань нашего понимания и знания, она непознаваема. Эти философы в своем большинстве называют себя реалистами, но квалифицируют свой реализм как «внутренний», или «человеческий» (Х. Патнэм), или «научный» (У. Куайн). Они могут даже позаимствовать у Канта название для своей концепции – «эмпирический» реализм, хотя Кант по иронии судьбы, считает Стросон, разделяет позицию «эмпирического реализма» и одновременно демонстрирует приверженность строгой форме метафизического реализма. При этом свою позицию Кант называет трансцендентальным идеализмом.

Как известно, Кант признавал два вида познавательных способностей у человека – чувственную интуицию и дискурсивный интеллект, каждый из которых предполагает существование априорных форм: пространства и времени на уровне чувственности и категорий на уровне рассудка и разума. Стросон считает, что для теории познания Канта нет необходимости в признании существования реальности за пределами опыта, она не нуждается в концепции метафизического или трансцендентального реализма.

Стросон согласен с Кантом в том, что категории рассудка и разума носят априорный характер, чего нельзя сказать о пространстве и времени. Он повторяет свое обоснование эмпирического происхождения пространственно-временных характеристик объектов материального мира, которое он излагал в ряде опубликованных ранее работ⁸. Суть этого обоснования сводится к тому, что подведение объектов чувственной интуиции под одну и ту же категорию подразумевает их раздельное физическое существование. И поскольку эти объекты имеют пространственно-временные характеристики, из этого следует, что пространство и время принадлежат самим объектам: именно пространство и время предоставляют уникальную *возможность для различения материальных объектов*. Объекты могут отличаться друг от друга разными способами, но именно пространственная и/или временная локализация делает предметы различимыми, что позволяет считать пространство и время объективными характеристиками этих предметов. Стросон делает вывод: «то, что является необходимым условием любого эмпирического суждения, само не является продуктом какого-то такого суждения, то есть априорным»⁹. Таким образом, когда Кант говорит об априорности форм чувственной интуиции, он делает это безосновательно. Создается впечатление, размышляет Стросон, что Кант допускает бытие существ, имеющих другую конституцию, для которых явления будут казаться иными, чем

⁸ Subject and Predication. L. : Methuen, 1974. P. 15–16 ; Sensibility, Understanding and Synthesis // Kant's Transcendental Deductions / ed. by E. Forster. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 72 ; Kant's New Foundations of Metaphysics // Metaphysik nach Kant. Stuttgart, Klett-Cotta, 1988. P. 160–161; Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 54–56.

⁹ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori. P. 247.

нам, потому что их априорные формы чувственности могут отличаться от наших. Получается, заключает Стросон, что мы никогда не узнаем, какова реальность сама по себе.

Понимание рассудочного познания и результатов чувственной интуиции у Канта иное. Он не допускает мысли о возможности наличия существ, чей интеллект дискурсивен, как и наш, но отличается от него своими априорными формами. Для Канта логика является универсальной и «вполне законченной и завершенной» отраслью знания¹⁰. Считая чувственную интуицию и дискурсивное (логическое) мышление взаимно дополняющими друг друга в познании реальности, Кант допускал существование у человека еще одной познавательной способности – *интеллектуальной интуиции* как вполне самостоятельной и не нуждающейся в чувственной интуиции. Интеллектуальная интуиция имеет дело не просто с явлениями вещей, а с вещами самими по себе. Признавая интеллектуальную интуицию, Кант не находит в этом никакого противоречия. Как и при рассмотрении чувственного познания он допускает существование особого мира объектов, отличного от того мира, о котором мы что-то знаем.

Но соединяет ли Кант две версии реализма – реализм метафизический и реализм эмпирический? Стросон дает на этот вопрос отрицательный ответ и предлагает два обоснования этого «нет», противоположных по своему характеру. При первом – никакой сверхчувственной (ноуменальной) реальности, помимо познаваемой (феноменальной), не существует. Мысль о вещах самих по себе является не мыслью о вещах иного порядка, чем те, которые познаваемы. Вещи сами по себе рассматриваются в полном отрыве от условий их познания. При таком обосновании победу одерживает эмпирический реализм. Доводом в его пользу является кантовское убеждение, что человеческое познание имеет свои границы, которые оно не может преодолеть. Несправедливо упрекать Канта в тавтологии: мы можем знать только то, что можем знать. Тогда нам пришлось бы проигнорировать блестящую и чаще всего убедительную демонстрацию необходимых структурных особенностей человеческого познания, которые сделали первую «Критику» уникальным философским исследованием, поясняет Стросон¹¹.

Второе обоснование концентрирует внимание на доктрине существования сверхчувственного мира вещей, не имеющего ни пространственного, ни временного измерения. Эта доктрина подкрепляется многими высказываниями Канта из «Критики чистого разума». В сверхчувственном мире вещей имеют место определенные, оказывающие воздействие на мир явлений квази-каузальные отношения. *Квази-каузальными* они являются потому, что категория каузальности применима только в сфере явлений, имеющих временное измерение. Квази-каузальные отношения порождают *появление* организованного во времени человеческого опыта, того, что *является* как пространственно и каузально организо-

¹⁰ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; прим. Ц.Г. Арзаканяна. М. : Мысль, 1994. С. 14.

¹¹ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori. P. 249.

ванным миром объектов, отличным от их опытного восприятия¹². При таком обосновании позиции Канта победу одерживает трансцендентальный реализм, поясняет Стросон, в то время как эмпирический терпит поражение.

Может показаться, говорит философ, что мы стоим перед выбором двух интерпретаций кантовской онтологии. *Или* реальными являются вещи, существующие во времени и пространстве, включая нас самих и наш организованный во времени опыт, и вещи сами по себе являются теми же самыми вещами, только рассматриваемыми в отвлечении от условий нашего познания – когнитивно пустыми формами без содержания, *или же* единственной реальностью является сверхчувственный мир вещей самих по себе (или ноуменов), не имеющих временного и пространственного измерения, и только *являющихся*, чтобы быть чем-то еще. Однако Стросон предлагает не быть столь категоричными в таком разделении.

Первая интерпретация онтологии Канта нуждается, как минимум, в дополнении, что вещи сами по себе, рассматриваемые в отвлечении от условий познания, могут содержать нечто, о чем мы ничего не можем знать. Но это дополнение вряд ли является уступкой, которая серьезно заставит задуматься сторонника эмпирического реализма: он может ответить, что, если даже что-то и находится за пределами наших познавательных способностей, для нас оно не имеет никакого значения.

Вторая интерпретация кантовской онтологии требует более серьезной оценки. Если существующие на сверхчувственном уровне квази-каузальные отношения вызывают явления, если вещи реально *являются* нам в пространственном и временном облике, тогда, по-видимому, сам глагол «являться» должен содержать в себе временную конструкцию: то есть эти проявления должны *на самом деле происходить* во времени. Альтернативой будет утверждение: невременный мир может быть только для *трансцендентального* субъекта. Но при таком повороте мысли все становится попросту непостижимым. Таким образом, в ходе нашего рассуждения напрашивается вывод, что проявления, а именно упорядоченные во времени наши репрезентации или восприятия, на самом деле происходят во времени, в то время как то, что мы вынуждены представлять как тела, находящиеся в пространстве, в реальности ничего не значат без этих репрезентаций. Выходит, что разница между идеализмом Канта и идеализмом Беркли не столь разительна, как полагал сам немецкий философ.

Ни в одной из предложенных интерпретаций кантовского ответа на вопрос о природе реальности и ее познаваемости вывод не очевиден, хотя и ясно, что ни в одной из этих интерпретаций мы не наблюдаем, считает Стросон, простой комбинации двух вариантов реализма – метафизического и эмпирического.

И, наконец, еще одно необходимое замечание. Хотя очевидно, что при любой интерпретации кантовской критической философии мы, как эмпирические существа, безвозвратно отсечены от какого-либо *знания* о вещах самих по себе, однако то, что отсекает от нас вещи сами по себе, не является, с точки

¹² Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori. P. 249.

зрения Канта, непреодолимым. Реальность как бы предлагает нам не информацию, но моральный императив, а с этим и кое-что еще, а именно разновидность надежды и даже веры. И как бы мало эти мысли нам ни говорили, а эти мысли были важны для самого Канта, кажется ясным, насколько вообще что-то может быть ясным в этой темной области, заключает Стросон¹³.

Стросоновский анализ кантовского деления мира на ноуменальный и феноменальный проясняет для нас то, что понять их сосуществование или, как говорит Стросон, соединить реализм метафизический и реализм эмпирический не удастся. И думается, что это закономерный итог расширительного толкования Стросоном круга сущностей, которые Кант называл вещами самими по себе. Для Канта это всего лишь Бог, мир и душа. Неудивительно, что аналитические средства так и не позволили объяснить того, как мир ноуменов проявляется в мире феноменов: разные варианты стросоновской интерпретации сделать это не позволяют. Удивительно другое – окончание статьи, где Стросон ведет речь о подаваемом из мира вещей самих по себе «моральном императиве», вселяющем «надежду и даже веру». Возможно, интеллектуальная интуиция британского философа вела его к тому единственному решению, что те вещи, которые Кант относил в ноументальным, никогда не превратятся в явления и будут всегда постигаться только интеллектуальной интуицией.

Если все же попытаться посмотреть глазами Стросона на проблему, как природа реальности связана с познавательными возможностями человека, то ответ на него содержится в следующей статье британского философа. В ней показано, каким образом философы-аналитики восприняли и развили идею Канта о познании, опираясь на его метафизические допущения.

Новые кантианские основания метафизики

Статью «Новые кантианские основания метафизики» (1987) Стросон начинает с тезиса, что та философская традиция, в которой он сам работает, если не полностью, то во многом базируется на метафизических допущениях кантовской философии. Коперниканская революция, которую совершил Кант в теории познания, заложила основы современных подходов в эпистемологии, причем это не значит, оговаривается Стросон, что доктрина *трансцендентального идеализма* была воспринята аналитической философией полностью. Правильнее будет сказать, что некоторые *аспекты* этой доктрины остаются до сих пор живыми, процветающими и даже доминирующими в работах философов XX столетия, пишущих на английском языке¹⁴.

Революционная идея Канта, согласно которой не наши знания должны соответствовать познаваемым объектам, а объекты должны соответствовать нашим знаниям, чтобы быть познаваемыми, теперь уже не кажется шокирующей. Причина новой оценки идеи Канта заключается в том, что постепенно приходит понимание того, что задача метафизики состоит не в выработке конкрет-

¹³ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori. P. 251.

¹⁴ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics. P. 232–243.

ных подходов к исследованию, а в формировании общей познавательной концептуальной схемы. Объекты исследования должны удовлетворять каким-то общим формальным условиям, чтобы стать доступными для нашего познания. Полное абстрагирование от некоторых формальных оснований, делающих вещи объектами познания, и стремление постичь вещи такими, какими они являются в реальности, исследователям осуществить не удастся.

Если изложенная идея является характерной чертой идеализма, то большинство учений современной аналитической философии, замечает Стросон, являются идеалистическими. Однако надо помнить, уточняет он, что все эти учения в той или иной степени будут отличаться от кантовского. Для демонстрации данного положения Стросон обращается к работам таких философов, как Томас Нагель, Хилари Патнэм, Дональд Дэвидсон, Уиллард ван Орман Куайн, Людвиг Витгенштейн и Майкл Даммит.

Томас Нагель во «Взгляде ниоткуда» (1986) разделяет позицию Канта только отчасти. Человек, как природное существо, стремится преодолеть преграду субъективности и постичь реальность такой, какая она есть сама по себе. Однако в отличие от Канта Нагель убежден, что такая задача выполнима и человек в какой-то мере способен ее решить. Вещи сами по себе могут выйти за пределы своих проявлений или категорий человеческого познания. Такую позицию Нагель считает реалистической, подчеркивая ее отличие от позиции многих других современных философов, которых он относит к лагерю идеалистов. Идеалистами для него являются Витгенштейн и Дэвидсон и в какой-то степени Куайн, Патнэм, большинство американских прагматистов, а также Даммит. Отличительной чертой по Нагелю, объединяющей взгляды этих философов, является то, что все они «урезают» универсум до размеров того, что укладывается в прокрустово ложе человеческого понимания или человеческого дискурса. *Существовать* – значит быть понятным или понимаемым нами. Однако можно ли считать данное положение кантианским?

Хилари Патнэма Стросон рассматривает как представителя американского прагматизма. Разделяя общую позицию этого течения, согласно которому истинной является всякое знание, которое так или иначе соответствует достижимым человеком целям и достаточным для человеческого познания условиям, Патнэм тем самым отвергает позицию «метафизического реализма», а свою называет позицией «внутреннего», или «эмпирического», реализма. В этом, считает Стросон, Патнэм повторяет Канта. В дальнейшем свою онтологическую позицию Патнэм именуется «человеческим реализмом».

Онтологические установки Дональда Дэвидсона по большому счету не отличаются от установок Патнэма, хотя он использует другие термины для описания своей позиции. Для Патнэма характерны термины, связанные с условиями познания или с занимаемой исследователем точкой зрения; для Дэвидсона же характерны термины, связанные с языком понимания. Дэвидсон считал, что у нас не может быть концептуального знания реальности, если мы не можем описать эту реальность в терминах понимаемого нами языка, не может быть понятия истины, если мы не можем выразить ее в предложениях, переводимых

в такие предложения, которые мы можем понять. Здесь видно влияние на него «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: границы *нашего* языка являются границами *нашей* мысли и, следовательно, границами *нашего* мира¹⁵.

Для взглядов Уилларда ван Ормана Куайна характерно, что он крайне ограничивает то, что доступно человеческому познанию. Он считает существующим лишь то, что вмещается в рамки *человеческого понимания*, то, что возможно описать средствами физических или биологических теорий.

Последняя работа Людвиг Витгенштейна «О достоверности» (1969), опубликованная много лет спустя после его смерти, является, по мнению Стросона, углублением и детализированным изложением афоризмов 5.6 и 5.61 «Логико-философского трактата». Детализация заключается в разработке условий осмысленного (значимого) дискурса, который должен обеспечиваться единством лингвистических практик реального или потенциального сообщества, практик, которые в свою очередь образуют часть форм человеческой жизни. Стросон замечает, что в цитируемых им выше афоризмах 5.6 и 5.61 он намеренно изменил фразу Витгенштейна «*мой язык*» на «*наш язык*», а его фразу «*мой мир*» на «*наш мир*», чтобы подчеркнуть коллективный характер человеческого познания и знания.

В работе «О достоверности» следует подчеркнуть еще одну идею Витгенштейна. Философ упоминает разновидность предложений, которые «имеют форму эмпирических пропозиций», но которые на самом деле эмпирическими не являются, поскольку они не производны от опыта. Однако эти предложения образуют «основу всех операций с мыслями (с языком)». Они образуют «картину мира», которая является «субстратом всякого моего исследования и утверждения» или «лесами наших мыслей», «элементом, в котором аргументы имеют свою жизнь»¹⁶. Витгенштейн не уточняет характеристик этих пропозиций, однако из смысла его замечаний следует, что в их число входят пропозиции, в которых речь идет о существовании физических объектов и их каузальной согласованности. Из того, как Витгенштейн описывает эти пропозиции, их можно отнести к разряду, как сказал бы Кант, *синтетических* априорных суждений. Сам Витгенштейн их так не называл, а лишь отмечал, что данные пропозиции нельзя отнести ни к апостериорным, ни к логически (или аналитически) гарантированным. Он не считал необходимым обосновывать их сущность, он только говорил, что они образуют картину мира и являются наследуемым нами фоном, позволяющим отличить истину от лжи.

Во всем этом, говорит Стросон, есть приглушенные кантовские мотивы. Их можно назвать приглушенными, а можно преобразованными. Если у Витгенштейна имеется явная отсылка к человеческому сообществу, к согласованию высказываний, у Канта она только подразумевается, поскольку он говорил о «человеческой точке зрения»¹⁷.

¹⁵ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics. P. 234.

¹⁶ Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы / сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 335.

¹⁷ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics. P. 235.

У Майкла Даммита мы находим новые интересные вариации кантовской метафизики, продолжает Стросон. Даммит считает, что существует множество предложений (*propositions*), смысл которых нам совершенно понятен, но о которых мы не можем с уверенностью сказать, являются они истинными или ложными. Нам не позволяют это сделать существующие на сегодняшний день познавательные возможности, лишаящие нас предмета рассмотрения. Такую, разделяемую им самим позицию Даммит называет антиреализмом. Однако, по мнению Стросона, Даммит, как и другие из уже упомянутых философов, воздерживается от того, чтобы именовать себя идеалистом. Из этого следует, что значение, с точки зрения Даммита, может выходить за пределы наших познавательных способностей, а вот судить по нему, какими вещи являются объективно, мы не можем. Приходящая на ум параллель между Даммитом и Кантом, считает Стросон, заключается в трактовке Кантом математических антиномий. Как Кант отвергал тезис и антитезис антиномии, так и Даммит считает невозможным судить об истинности или ложности предложения. Стросон считает, что утверждение о том, что одно из противоположных суждений должно быть корректным, основывается у обоих философов на ошибочном допущении, что наше знание объективных фактов может превышать наши познавательные возможности.

И, конечно, добавляет Стросон, параллель между двумя философами можно провести лишь отчасти: если Кант считает оба противоположных суждения антиномии ошибочными, то Даммит полагает, что ни об одном из них нельзя сказать, является оно истинным или ложным.

Приведенный обзор позволяет судить, что отличными от взглядов большинства упомянутых философов являются взгляды Нагеля. Согласно реализму Нагеля природа вещей, как частично познаваемая, все же выходит за пределы того, что человек может обнаружить или даже почувствовать в опыте. Это позиция метафизического реализма. Взгляды остальных философов лучше отнести к «внутреннему», или «человеческому», реализму, который сопоставим с «эмпирическим» реализмом Канта. «Это такой реализм, чьи объекты должны как минимум согласовываться с общими и формальными условиями, присущими любому возможному человеческому знанию о них»¹⁸. Даммит, добавляет Стросон, идет как будто немного дальше эмпирического реализма, но не намного.

«Так насколько же близки взгляды этой когорты философов взглядам Канта?» – повторяет ранее сформулированный вопрос Стросон. Даже если согласиться, что перечисленные философы приняли коперниканскую революцию, совершенную Кантом в гносеологии, как их взгляды соотносятся с доктриной трансцендентального идеализма? Сам Стросон придерживается точки зрения, что философы, о которых шла речь, в той или иной степени разделяют позицию трансцендентального идеализма Канта. Основанием такого мнения для него служит то, что немецкий философ признавал существование

¹⁸ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics. P. 236.

априорных форм чувственной интуиции, рассудка и разума, а также проводил границу между миром вещей самих по себе и миром явлений¹⁹. Влияние Канта разнообразно, не всегда завершено, иногда носит искажающий его идеи характер. Но это влияние налицо. «Трудно, по крайней мере для меня, представить другого философа Нового времени, чье влияние, каким бы отсроченным или опосредованным оно ни было, имело бы равное значение», – заканчивает свое рассуждение о влиянии кантовской метафизики на философов аналитического движения Питер Стросон²⁰.

Основная идея статьи Питера Стросона «Новые кантианские основания метафизики», выраженная уже в названии, вряд ли вызовет возражения. Стросон выбрал только один вектор влияния философии Канта на аналитическую философию, который оказался ему ближе. Речь идет о трансформации концепции Канта о существовании ноуменального и феноменального миров и о границах человеческого знания в концепцию познания как взаимодействия концептуальной схемы и опытного знания. И в целом он прав в своих оценках.

Но нам хотелось бы отметить еще один вектор влияния Канта на философов-аналитиков. Аналитическая философия, как наследница традиции классической рационалистической философии, является продолжательницей кантовской философии по смыслу вопрошания. Можно сказать, что она стала своеобразным завершением классической философской эпистемологии и метафизики в целом. Если философия Нового времени занималась поиском предельных оснований знания в терминах эмпиризма или рационализма, а позже в философии Иммануила Канта в форме синтеза эмпирического и рационального, то аналитическая философия сделала акцент на средствах выражения предельных оснований знания в языке и теории его изучения – лингвистике. Для философов Нового времени важен вопрос: «Что я могу знать?» Для философа-аналитика интересен другой вопрос: «Как ясно и непротиворечиво я могу выразить языковыми средствами то, что я могу знать?» Парменидовский проект «широкой аргументации от мысли и языка к миру в целом», по определению Б. Рассела, получает в аналитической философии логическое завершение: язык рассматривается как предельная субстанция анализа бытия и познания. Американский исследователь Ганс Слуга размышляет: «По-видимому, существует естественный прогресс в философии от метафизики через эпистемологию к философии языка... Сначала философы думали о мире, затем о путях познания мира. Наконец, они обратили внимание на способ, которым такое познание выражается»²¹.

¹⁹ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics. P. 237–243.

²⁰ Там же. P. 243.

²¹ Цит. по: Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М. : Ин-т философии РАН, 1996. С. 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва, Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии [Текст] // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. – М. : Ин-т философии РАН, 1996.
2. Брюшинкин, В.Н. Питер Стросон и его метафизика. Послесловие [Текст] / В.Н. Брюшинкин, В.А. Чалый // Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого ; под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009. – С. 296–308.
3. Витгенштейн, Л. О достоверности [Текст] // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева ; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1.
4. Золкин, А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века [Текст] : автореф. ... д-ра филос. наук. – Тула, 2005.
5. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / пер. с нем. Н. Лосского ; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М. : Мысль, 1994.
6. Макеева, Л.Б. Рецензия [Текст] // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – Рец. на кн.: П.В. Стросон. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. – Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009. – С. 182–185.
7. Панченко, Т.Н. Критический анализ концепции «дескриптивной метафизики» Питера Стросона [Текст] : дис. ... канд. филос. наук. – М., 1980.
8. Стросон, П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики [Текст] / пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого ; под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009.
9. Суханова, Е.Н. Дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии [Текст] : автореф. ... канд. филос. наук. – Томск, 2008.
10. Strawson, P.F. Subject and Predication [Text]. – L. : Methuen, 1974.
11. Strawson, P.F. Kant's new foundations of metaphysics [Text] // Metaphysik nach Kant. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1988.
12. Strawson, P.F. Sensibility, understanding and synthesis [Text] // Kant's Transcendental Deductions / ed. by E. Forster. – Stanford : Stanford University Press, 1989.
13. Strawson, P.F. Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy [Text]. – Oxford : Oxford University Press, 1992.
14. Strawson, P.F. Kant's new foundations of metaphysics [Text] // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. – N.Y. : Oxford University Press, 1997.
15. Strawson, P.F. The problem of realism and the a priori [Text] // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. – N.Y. : Oxford University Press, 1997.

N.A. Blokhina

PETER STRAWSON ON KANTIAN THEORY OF ANALYTIC METAPHYSICS

The paper analyzes two latest articles by Peter Strawson, a British philosopher (1919–2006), and shows that he, being true to his theory of descriptive metaphysics, believed I.Kant

to be the forerunner of analytical metaphysics due to the latter's work on conceptual tools and, we may add, methodology.

Analytical philosophy, descriptive metaphysics, metaphysical and empirical realism, conceptual schemes.

УДК 172.12

С.Г. Рюмин

ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНСТВА МОРАЛИ И ПРАВА ДЛЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Статья посвящена проблеме единства морали и права в творчестве И.А. Ильина. Показана значимость и актуальность философского наследия И.А. Ильина для развития гражданского общества и правового государства.

мораль, право, Ильин И.А., правовое государство, гражданское общество.

Проблемы правового государства, гражданского общества, отношений граждан и государства весьма важны и актуальны особенно на современном этапе развития России. Именно поэтому такое значение имеет единство морали и права в решении вопросов, возникающих в связи с этими проблемами. Особый интерес в этом контексте представляют труды И.А. Ильина.

Здоровое государство не может существовать без полноценного государственного правосознания. На рубеже XX–XXI веков, когда все более актуальной становится идея правового государства, проблема правосознания приобретает особое значение, ибо лишь здоровое правосознание обеспечивает существование истинно правового государства и лишь в правовом государстве может полноценно развиваться нормальное правосознание. Важность последнего для жизни государства отмечал еще русский философ Иван Александрович Ильин: «Государственный образ мыслей есть разновидность правосознания; этим уже сказано все основное»¹. Он полагал, что право и государство создаются для внутреннего мира и действуют именно через правосознание, в государстве соединяются правовое и духовное начала, ибо однородность духовной жизни, совместность духовного творчества и общность духовной культуры составляют «подлинную основу всякого государственного единения».

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 4. С. 260.

Государство по И.А. Ильину определяется тем, что оно есть «положительно-правовая форма родины, а родина есть его творческое, духовное содержание»².

И.А. Ильин отвергал формальное понимание государства, уничтожающее в душах основные начала гражданственности. В этом случае люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась лишь к внешне законным, оторванным от внутреннего мира поступкам, а внешний порядок обеспечивается любыми средствами, в том числе насилием, страхом, корыстью. При таком подходе имеет значение лишь внешнее соблюдение человеком государственного порядка, повиновение и внесение налогов, остальное – неважно. Формальное понимание государственной жизни разрушает единство морали и права, и государство тогда трактуется как строй внешней, а не внутренней жизни. Этим оно отрывается от правосознания и вырождается, ибо сводится к произволу со стороны узкого круга правящих лиц, превращаясь для остальных граждан в чуждую им систему принуждения. И.А. Ильин считал пагубной мысль, будто государство может достойно существовать, механически регистрируя своих подданных, устанавливая для них повинности, но не превращая их в граждан, участвующих сознанием, волею и действием в жизни страны. Он связывал государственное правосознание с нравственным развитием личности: правильно понятое государственное правосознание не враждебно нравственно доброй воле, но принимает ее цель и служит ее задачам³.

Такие идеи созвучны высказываниям Р.Г. Апресяна, который полагает, что тоталитарное государство не может «признать правомочной самостоятельную активность граждан»; тоталитарное государство основано на покорности населения. Именно наследием тоталитаризма объясняется то, что «на гребне демократической революции в России во власть устремились люди, видевшие в ней исключительно средство личного обогащения». Этим же объясняется противодействие всех ветвей постсоветской государственной власти «нестесненному развитию частного предпринимательства и гражданской инициативы»⁴. Таким образом, в этом плане идеи И.А. Ильина созвучны современным концепциям.

Осмысление проблем правового государства и гражданского общества особенно актуально в процессе становления и развития отношений между государством и нарождающимся гражданским обществом. Правовым является государство, управляемое посредством установленного закона, призванного защищать граждан от произвола государственного лица (правителя, чиновника и т.п.) или корпоративно организованной группы лиц, даже если этот произвол официально оформлен. Правовое государство означает власть не просто закона, но закона, гарантирующего исполнение прав человека. «Государство из соображений необходимости и рассудка», как именовал его Г.В.Ф. Гегель, или, выражаясь современным языком, правовое государство

² Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 258.

³ Там же. С. 260.

⁴ Апресян Р.Г. Гражданское общество // Гражданское участие. Ответственность, сообщество, власть. М., 1997. 111 с. С. 11.

наделяет правами человека независимо от того, кто он, каковы его возможности и происхождение. Эксперимент тоталитарного марксистско-ленинского социализма потерпел поражение потому, что К. Маркс не понял значение этого принципа права и в поисках революционных путей осуществления свободы пошел фактически по пути ликвидации равенства людей перед законом.

Гражданское общество оформляется как система гражданских прав и свобод, а его развитие может быть представлено как история борьбы за их расширение и закрепление. Успешность гражданского общества обеспечивается системой неполитических институтов: общественных объединений, средств массовой информации, местных органов самоуправления, церкви, профсоюзов. Основным инструментом, ограничивающим государственную власть, выступает система права, закреплённого в законодательстве. Взаимно упорядочивая индивидуальные и общественные интересы, гражданское общество противостоит не только всевластию государства, но и анархии.

В России идеи свободной личности долгое время не существовало: не личность, а государство в XIX веке начало преобразовывать традиционное русское общество в гражданское. Процесс построения гражданского общества под эгидой государства нашел свое отражение в русском либерализме, отличающемся от западного варианта. Данная особенность была отмечена еще такими представителями отечественного либерализма, как К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, по мнению которых, помимо «уличного» оппозиционного либерализма, существует и более подходящий для России охранительный (конструктивный) либерализм, готовый сотрудничать с властью для успешного проведения реформ⁵. Правовое государство основано на признании человеческой личности – духовной, свободной, полномочной, управляющей собою в душе и в делах, то есть на лояльном правосознании. Традиция развития гражданского общества не вопреки государству, а совместно с ним отражена у И.А. Ильина под названием «свободная лояльность»⁶, что означает борьбу за гражданские права и свободы при соблюдении существующих законов. Гражданин должен добровольно применять законы государства, стараться правильно их понимать и исполнять.

Еще Г.В.Ф. Гегель, из учения которого многое почерпнул И.А. Ильин, полагал, что через право формируются условия свободы человека, ее границы фиксируются в правовых пределах. Свобода отличается от произвола тем, что фиксируется в рамках права: «Будь лицом и уважай других в качестве других лиц»⁷. Дальнейшее развитие свободы человека осуществляется в сфере индивидуальной морали и в сфере нравственности, включающей семью, гражданское общество, государство. В гражданском обществе имеет место столкновение частных интересов и только государство способно примирить существующие противоречия, создать необходимые условия свободы личности, обеспечить правовую свободу граждан; лишь в обществе человек становится индивидом и реализует свою внутреннюю свободу на основании внешней свободы, гаран-

⁵ Росман И.М. Философия истории. Рязань : РЗИ(ф) МГУКИ, 2003. 122 с. С. 78–82.

⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 224.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с. С. 98.

тированной государством. Наличие идеи государства Гегель констатирует лишь у развитых европейских государств современной ему эпохи, являющихся конституционными монархиями, в которых реализована христианская идея свободы (обычно в варианте протестантизма), достигнуты личная независимость и равенство всех перед законом, учреждены представительство и конституционное правление, то есть имеются черты правового государства. Государство в концепции Гегеля рассматривается как воплощение идеи права и организации свободы, где аппарат политического господства введен в правовое русло.

Идеи И.А. Ильина перекликаются с мнением Г. Рормозера, который пишет: «Гегель вышел победителем из великой всемирно-исторической схватки с Марксом»⁸. Как отмечает Г. Рормозер, в отличие от Маркса Гегель опасался того, что общество может превратиться в абсолют и тогда человек оказался бы вправе быть лишь тем, кем ему позволит быть общество. Это гегелевское опасение подтвердил ход истории.

Известно, что К. Маркс подверг критике идеи Гегеля, его философию права, теорию обретения свободы на основе права, концепцию частной собственности, семьи, гражданского общества, государства. Этим идеям К. Маркс противопоставил теорию материалистического понимания истории, учение об общественно-экономических формациях и о законе соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, доктрину о неизбежности пролетарских революций и переходе человечества к коммунизму, то есть обществу социального равенства, в котором не будет государства, частной собственности, права. И.А. Ильин критически отнесся к марксистским идеям, полагая, что воплощение их на практике опирается на «централизм, диктатуру и террор», при этом массы должны беспрекословно подчиняться партийной верхушке⁹.

Критика марксизма И.А. Ильиным обусловлена его неприятием тоталитарных идей. Так, В.И. Ленин утверждал: «Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»¹⁰. По мнению Ленина, «только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, – некого в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения»¹¹. В подтверждение этой мысли В.И. Ленин ссылаясь на слова Ф. Энгельса, полагавшего, что пролетариат нуждается в государстве «не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, – не будет государства»¹².

В России в конце XIX – начале XX века философы и правоведы, стоявшие на позициях либерализма, выступали против одностороннего подчинения права политике. Б.А. Кистяковский полагал, что право должно действовать независимо от господства любых политических направлений: «Право, по самому своему

⁸ Рормозер Г. Кризис либерализма. URL : http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/philosbook_22dec2006_1969.rar

⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 223.

¹⁰ Ленин В.И. Государство и революция. М. : ГИПЛ, 1959. 142 с. С. 124.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 85.

существу, стоит над партиями». Признание законности борьбы за свой классовый интерес всегда и всеми средствами, как отмечал И.А. Покровский, вело к отрицанию нормативного значения права и устранению его как инстанции, стоящей над частными сиюминутными интересами¹³. Отрицание значения права в угоду концепции классовой борьбы давало идеологическую основу для замены прав человека «революционным правосознанием», что фактически означало произвол и насилие. Русские либералы осознавали, что интерпретация общественной жизни как борьбы классов вела к игнорированию интересов личности, ее прав и свобод, поэтому в борьбе с марксистской идеологией отстаивали правовую природу государства, доказывали теоретическую несостоятельность и практическую опасность отказа от правового строя как от «буржуазного».

Будучи представителем либеральной школы права, И.А. Ильин выступал против абсолютизации концепции борьбы классов, ибо классовый интерес как таковой есть «частное вождение, и потому он не подлежит удовлетворению». Он полагал, что отстаивать надо лишь те интересы, которые суть общенародные и государственные, а всякий необоснованный классовый интерес рассматривал как проявление противогосударственной алчности, которое должно быть отклонено. Необоснованный классовый интерес может политически победить, но «победа» подготовит только разложение государственного правосознания в стране и превратится неминуемо в опасность и для государства в целом, и для самого «победившего» класса. Попытка одного класса победить и подавить все остальные классы обречена на неудачу, так как из этого не выйдет ничего, кроме «расстройства жизни, всеобщего обнищания, культурного разложения и бесконечной гражданской войны»¹⁴.

Истинная политика, по мнению И.А. Ильина, не служит частным и личным интересам определенного лица, группы или класса. Он полагал, что «истинная политика» отклоняет все частные вождения, так как она возникает не из конкурирующих своекорыстий и классовой борьбы, которая есть не что иное, как «прикровенная гражданская война»¹⁵, а из солидарности и взаимности, на основе идеи целого, народного единства, родины; она считается с духом, со справедливостью, с естественным правом. И.А. Ильин отвергал классовую вражду и партийные междоусобицы. Он считал необходимым, чтобы гражданин отождествлял себя со своей родиной, принял интерес своего государства и все справедливые интересы сограждан.

И.А. Ильин отрицал трактовку государства как механизма принуждения, ибо видел в государстве «орган духовной солидарности». Он считал, что «истинная политика» означает не партийные притязания, ложь и интриги, но подъем правосознания к постижению патриотических целей и к разрешению подлинно государственных задач, ибо каждый из граждан должен принять свое государство правосознанием как живое духовное единство культуры, власти и ис-

¹³ Кистяковский Б.А. Наши задачи // Юридический вестник. 1913. № 1. С. 11 ; Покровский И.А. Перуново заклатье // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 448–450.

¹⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 235–236.

торической судьбы. Именно развитое правосознание позволяет связать воедино понятие родины и государственно-правовые институты. Большое правосознание не в состоянии поддержать единство родины и государства, которое требует внутренне крепкого и неколеблющегося правосознания¹⁶.

По мнению И.А. Ильина, политические партии не должны делиться по принципу личного, группового или классового интереса, ибо они должны служить не отдельным лицам, не группам и не классам, а родине, народу, государству. В процессе выборов электорат должен руководствоваться интересами сверхличными, сверхклассовыми, государственными, всенародными. Избирателя же, как правило, волнуют частные интересы партии, класса. Правильно сформулированные вопросы должны звучать следующим образом: «В чем нуждается родина? в чем состоит благо моего народа в целом? какие справедливые интересы моих сограждан, принадлежащих ко всем социальным классам, я могу и должен отстаивать как солидарные, общие и всенародные? как можно было бы упрочить органическое единство моего государства на основах христианско-братской солидарности?»¹⁷. Таким образом, И.А. Ильин порицал узкопартийный, классовый подход, полагая, что частный интерес социальной группы не должен идти во вред общегосударственным интересам.

По классификации Н.П. Полторацкого, И.А. Ильин по своим убеждениям являлся русским либеральным консерватором¹⁸, при этом никогда не состоял ни в одной политической партии. Питая симпатии к монархии, он в то же время обвинял русских монархистов в том, что они не уберегли все то лучшее, что было в российской монархии, и сами явились одной из причин ее крушения. «Престол обязывает», – эта формулировка подчеркивает взаимные обязательства власти и общества. Убеждение, что «царь существует для страны, для государства, для нации, а не страна для царя», православный монархист И.А. Ильин выстрадал. Он подчеркивал, что монархизм, предпочитающий царя родине, «не есть политическая добродетель»: он столь же нелеп, как тезис ожесточенного демократа: «пусть моя страна станет демократией хотя бы ценою собственной гибели»¹⁹.

По мнению И.А. Ильина, именно формальная демократия с ее внутренней пустотой и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом как «уродливая реакция на болезненное преувеличение», как «тирания, возникающая из распада», как рабство, на которое обречен тот, кто не сумел найти «духовно-верную меру свободы». И.А. Ильин не был противником демократии, но считал бессмысленным переходить «исключительно во имя доктрины»²⁰ к демократической форме

¹⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 252.

¹⁷ Там же. С. 253.

¹⁸ Ковалев В.А., Цыганков Д.Б. Диалог on-line: Иван Ильин и альтернативы нашего политического будущего. URL : <http://politex.info/content/view/281/40/>

¹⁹ Ильин И.А. О монархии и республике // Собр. соч. Т. 4. С. 415–576. С. 43 ; Ильин И.А. Наши задачи // Там же. Т. 2. С. 56 ; Ильин И.А. О монархии и республике. С. 566–567.

²⁰ Ильин И.А. О монархии и республике. С. 456–475, 567, 59.

правления, не имея к этому ни исторического навыка, ни культуры, ни правосознания. Он полагал, что слабая власть погубит Россию, ввергнет ее в коррупцию, гражданскую войну.

И.А. Ильин отличал сильную власть от тоталитарной (например, власти большевиков): сильная власть самодержавна, но не деспотична. Отличительной чертой новой монархии, которая должна возродиться, по мнению И.А. Ильина, является сильный центр, децентрализующий все, что только возможно децентрализовать без опасности для единства России. Особый акцент он делал на исходившие от самодержавия реформы, отсюда его высокая оценка деятельности Петра I, Александра II, Александра III, Николая II, П.А. Столыпина. Отмечая стремление российской государственной власти в конце XIX века содействовать формированию гражданского общества, более широкому участию народа в жизни государства, развитию института частной собственности, он считал, что основные направления политики самодержавия конца прошлого века не противоречили, а соответствовали ведущим положительным тенденциям общественно-политического и экономического развития. Он писал, что России грозило не самодержавие трона, а «разнуздание народа», над которым работали революционные партии; опасность лежала в неукрепшем массовом правосознании: «страшна была не реакция, а революция»²¹.

И.А. Ильин был не столько монархистом, сколько антиреспубликанцем. Он полагал, что именно переход к республике положил начало краху самой России, а республика большевистского образца ничего общего не имела с демократией; по мнению философа, Россия на современный ему исторический период не созрела для республиканизма.

Анализируя взгляды И.А. Ильина на монархию, можно отметить, что, хотя многие западноевропейские страны успешно продвинулись по пути развития правового государства и гражданского общества, будучи конституционными монархиями, остается неясным вопрос: каким же образом самодержавная монархия может на практике сочетаться с развитием прав и свобод? Мыслитель так и не дал ответа на этот вопрос – его труд «О монархии и республике» остался незаконченным. Выразим свое сомнение относительно возможности такого сочетания. Более вероятным могло быть развитие России по пути правового государства в рамках конституционной монархии. Но история не терпит сослагательного наклонения – России пришлось пройти свой исторический путь, где коммунистический тоталитаризм сыграл роковую роль. Воззрения И.А. Ильина не означают отрицания демократии, но являются предпосылкой к более глубокому изучению проблемы гражданского правосознания.

Отношения государства и гражданина в учении И.А. Ильина характеризуются следующим образом: в сердце настоящего гражданина государственный интерес и его личный интерес пребывают в состоянии живого неразложимого тождества. Такое положение вещей вовсе не означает, что у гражданина не

²¹ Ильин И.А. О монархии и республике. С. 70.

должно быть личных интересов. От человека не требуется полного отречения от себя во имя государственных дел, как это происходит при тоталитарных режимах. Сознательная личность руководствуется здоровым гражданским правосознанием, поэтому такой гражданин не будет совершать поступков, идущих во вред всему обществу и государству в целом, не возьмется шпионить в пользу другого государства, не будет заниматься взяточничеством и т.д. Гражданин, принимая интерес своего государства как собственный, тем самым испытывает духовно-верный и справедливый интерес каждого из сограждан как свой интерес, ибо такой интерес включен в интерес всего государства в целом. Здоровый гражданский патриотизм базируется на тождестве: «Мое дело есть дело моей родины и моего государства». Таким образом, все вредное родине и государству «не может стать моим делом», а дело народа и государства настолько важно, как если бы оно касалось «меня самого и моей судьбы»²².

Правовое государство явилось важным этапом в расширении свобод индивида и общества. Однако в своем классическом либеральном варианте концепция правового государства делает акцент на формальном правовом равенстве, не затрагивая проблем достижения фактического, социально-экономического равноправия граждан, поэтому после Второй мировой войны она была дополнена концепцией социального государства, стремящегося к обеспечению достойных условий существования всех граждан. Достигается это с помощью перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев, проведения политики занятости, охраны труда, развития общедоступного образования, здравоохранения²³.

Российские либералы, как отмечает В.В. Шелохаев²⁴, отличались от западных рационалистов тем, что придерживались православных представлений, влиявших на характер их идеологии. Поэтому либералы в России выделялись своеобразной системой мировоззренческих, нравственных ценностей, сочетавшихся с особым взглядом на права и свободы личности.

Русский либерализм вынашивал те идеи, которые звучали еще у Д.С. Милля и отразились в современной концепции социального либерализма. Право согласно таким убеждениям призвано не только охранять свободу личности, но и, регулируя материальные условия, обеспечить для каждого человека возможность достойного существования. Доктрина государства невмешательства сменилась более широкими представлениями о его социальных функциях. П.И. Новгородцев подчеркивал: «Во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование»²⁵. Эти идеи развива-

²² Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 245–246.

²³ Семенов А.В. Политология в определениях, схемах, таблицах. Рязань : РРИ(ф) МГУКИ, 2004. 224 с. С. 38–41.

²⁴ Цит. по: Шелохаев В.В. Социальный комфорт личности // Родина. 2006. № 10. С. 2–4.

²⁵ Новгородцев П.И., Покровский И.А. Право на достойное человеческое существование. Социально-философские этюды. СПб., 1911. С. 6.

лись и в творчестве И.А. Ильина, полагавшего, что гражданин, отождествляя себя с государством, не только жертвует, но и приобретает. Это выражается в том, что каждый гражданин пользуется своими «священными и неотчуждаемыми правами свободы и защитой своих частных, имущественных прав». Жизнь гражданина и национальная независимость защищаются армией, государство занимается социальными вопросами «начиная от школы и кончая железными дорогами, начиная от государственного страхования трудящихся и кончая призрением нетрудоспособных». И.А. Ильин считал, что никто не должен быть исключен из государственной системы социальной защиты, в то же время все должны иметь возможность трудиться, реализуя свободную, творческую инициативу, каждый гражданин должен быть уверен, что он защищен и найдет справедливость и помощь со стороны государства; в то же время каждый должен быть самостоятелен. Таким образом, государство должно внушать гражданам «живую уверенность в том, что в его пределах господствует живая христианская солидарность»²⁶.

Государство говорит каждому из своих граждан: «Не только ты служишь, и тебе тоже служат». Служение граждан состоит в отречении и жертвенности. Если у гражданина есть духовно-верный и справедливый интерес, то он должен быть принципиально признан и защищен государством, ибо интерес государства состоит именно из всех духовно-верных и справедливых интересов его граждан. В социальном государстве отношения между интересами государства и интересами граждан находятся в гармоническом единстве: «Не только ты один желаешь быть здоровым, получать образование, иметь работу, не подвергаться эксплуатации, иметь пособие по болезни, пользоваться скорым, правым и милостивым судом и т.д.; в этом заинтересован весь твой народ и твое государство в целом»²⁷. При этом государство поддерживает гражданина в частных интересах, если они обоснованы и справедливы: выгодным кредитом, установлением опеки над несовершеннолетними, обеспечением земельного надела, содействием в разрешении конфликтов. И.А. Ильин писал: «Ты не только средство для государства; ты в то же время – его живая цель»²⁸.

И.А. Ильин был сторонником монархии, однако часть его идей созвучна современной концепции правового государства и гражданского общества: он рассуждал о взаимной ответственности государственной власти и общества, о необходимости верховенства права, о свободе и моральной ответственности личности, о необходимости социального государства. Он считал, что государство, издающее непонятные, несправедливые и нежизнеспособные законы, подрывает доверие к власти, сеет произвол и коррупцию, расшатывает свою прочность. Злободневно звучит мысль И.А. Ильина об ответственности государства и политиков перед обществом: «Каждый нищий в стране есть не просто неудачливый бедняк, но живая язва народной и государственной жизни. Каждый безработный, каждый беспризорный есть национальное бедствие. Каждый безгра-

²⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 248.

²⁷ Там же

²⁸ Там же.

мотный есть всенародная опасность. Каждый противообщественный эксплуататор есть всенародный вредитель. Каждый ростовщик требует государственного обуздания. Каждое попоранное право есть пробел или разрыв в общей сети правопорядка»²⁹. Таким образом, И.А. Ильин высказывает актуальную мысль о необходимости социального государства.

Государство по И.А. Ильину не только материальный, но и духовный организм, который не может существовать без духовных основ: «Государство не есть внешняя вещь среди вещей, и бытие его не имеет материально-телесного характера, хотя природный и хозяйственный «субстрат» его и материален, а личный состав его ведет телесное существование». В основе его лежит духовная связь, предназначенная для того, чтобы жить в душах и создавать в них мотивы для правильного поведения. И.А. Ильин говорит о необходимости единения людей на основе развитого правосознания и желания укреплять естественное право: «Государство по своей основной идее есть духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властно утверждающих естественное право в братском, солидарном сотрудничестве»³⁰. Будучи православным мыслителем, И.А. Ильин видел идеал в христианском государстве, являющемся также социальным, то есть основанным на духе народа и не противостоящим гражданам, но служащим необходимым условием их самореализации и свободы в различных сферах. Он полагал, что было бы ошибочным, исходя из отдельных примеров неправильных поступков государственных деятелей, заявлять о неприемлемости государства для христианского сознания и утверждать, что государство есть изобретение и орудие «диавола»³¹, видеть в государстве лишь систему насилия, организацию безнравственного притеснения слабых сильными. Подобный подход, по мнению И.А. Ильина, или обнаруживает полное отсутствие здорового правосознания, или же сознательно вводит в заблуждение темных людей. Он не призывал идеализировать исторически сложившиеся государства, но в то же время считал недопустимым отвергать идею государства, не постигнув ее глубокой сущности. Верно понятая государственная политика, утверждал философ, воспитывает людей в духе христианского учения, поэтому настоящее здоровое государство есть светлое и благое начало в истории человечества и насаждение здорового государственного правосознания поможет вывести его на путь духовного обновления. При этом духовная солидарность граждан между собою составляет основу государства и политики. Это означает, что государство надо понимать как «живую систему братства, прямо соответствующую духу евангельского учения»³². Исходя из этого, И.А. Ильин приходит к выводу, что верная установка личного правосознания сводится к следующему: гражданин принимает все интересы и задачи государства как свои собственные, тем самым принимая «каждый духовно-

²⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 249.

³⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. С. 276.

³¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 244.

³² Там же. С. 245.

верный и справедливый интерес каждого из своих сограждан»³³. Если частный интерес гражданина духовно верен и справедлив, то это уже не просто частный интерес, это субъективное естественное право, а значит и всенародный интерес и задача самого государства. В этом состоит сущность здорового государственного настроения и правосознания.

Государство, по мнению И.А. Ильина, не должно опускаться до частного интереса отдельного лица, но на основе здорового правосознания призвано сделать справедливый интерес гражданина интересом всего государства. В этом заключается выполнение государством, которое становится «орудием всеобщей солидарности и гражданского братства»³⁴ своего духовного призвания. Тем самым И.А. Ильин подчеркнул важность гражданского правосознания, позволяющего верно решить нравственные и правовые коллизии, возникающие в отношениях между гражданином и государством. Анализ этих проблем в философском наследии русского философа приобретает особую важность и актуальность на современном этапе развития гражданского общества и становления правового государства в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Апресян, Р.Г. Гражданское общество [Текст] // Гражданское участие. Ответственность, сообщество, власть. – М., 1997. – 111 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст]. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
3. Ильин, И.А. Наши задачи [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 2. – 496 с.
4. Ильин, И.А. О монархии и республике [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 415–576.
5. Ильин, И.А. О сущности правосознания [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 149–414.
6. Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 45–148.
7. Ильин, И.А. Понятие права и силы [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 5–44.
8. Ильин, И.А. Путь духовного обновления [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 39–284.
9. Ильин, И.А. Путь к очевидности [Текст] // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 3. – С. 381–560.
10. Кистяковский, Б.А. Наши задачи [Текст] // Юридический вестник. – 1913. – № 1. – С. 11.
11. Ковалев, В.А. Диалог on-line: Иван Ильин и альтернативы нашего политического будущего [Электронный ресурс] / В.А. Ковалев, Д.Б. Цыганков. – Режим доступа : <http://politex.info/content/view/281/40/>

³³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 245

³⁴ Там же. С. 245, 254, 249.

12. Ленин, В.И. Государство и революция [Текст]. – М. : ГИПЛ, 1959. – 142 с.
13. Новгородцев, П.И. Право на достойное человеческое существование [Текст] / П.И. Новгородцев, И.А. Покровский // Социально-философские этюды. – СПб., 1911. С. 6.
14. Покровский, И.А. Перуново заклътье [Текст] // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 448–450.
15. Рормозер, Г. Кризис либерализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/philosbook_22dec2006_1969.rar
16. Россман, И.М. Философия истории. – Рязань : Изд-во РЗИ(ф) МГУКИ, 2004. – 224 с.
17. Семенов, А.В. Политология в определениях, схемах, таблицах [Текст] / Ряз. заоч. ин-т Моск. гос. ун-та культуры. – Рязань, 2003. – 122 с.

S.G. Rumin

**THE IMPORTANCE OF THE UNITY OF LAW AND MORALITY
FOR A STATE GOVERNED BY THE RULE OF LAW AND CIVIL SOCIETY
AS REFLECTED IN I.A.ILYIN'S PHILOSOPHY**

The paper deals with the problem of the unity of law and morality in I.A.Ilyin's works. The paper shows the importance and topicality of I.A.Ilyin's philosophical heritage for the development of civil society and a state governed by the rule of law.

morality, law, I.A.Ilyin. state governed by the rule of law, civil society.

УДК 008

Е.Н. Суворкина

**СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА
КАК МОДЕЛЬ АВТОНОМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЕТСТВА**

В статье представлены авторские варианты моделей автономной реальности детства. Показано, что такая модель, как субкультура детства, способна в большей степени полно и разносторонне показать социокультурную природу детства, раскрыть особенности картины мира ребенка, проанализировать обыденную и специализированную практику детства с точки зрения теории культуры.

детство, субкультура детства, культурология, дети, теория культуры

Феномену детства наиболее точное определение с социокультурной точки зрения, по нашему мнению, было дано И.С. Коном: «...мир детства... автономная социокультурная реальность, своеобразная субкультура, обладающая своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями»¹. Принимая во внимание данное определение, мы считаем необходимым обозначить и рассмотреть возможные модели автономной реальности детства.

Первая модель. И. Демакова в своих исследованиях указывает на такой феномен, как «пространство детства», что мы считаем правомерным принять в качестве одной из возможных моделей автономной реальности детства. По ее мнению, «пространство детства – социокультурное явление, отражающее социальные реалии времени, страны, государственного и общественного устройства, культуры»². В это пространство она включает семь, как мы бы назвали, «субпространств». Заметим, что в нашем дальнейшем исследовании мы будем часто оперировать понятиями, имеющими в своем составе приставку «суб-». (В категориальном аппарате И. Демаковой термин-неологизм «субпространство» отсутствует; она оперирует такими понятиями, как «мир», «пространство», «среда», «атмосфера»). Мы считаем необходимым ввести в данном случае единый термин для обозначения подпространства (субпространства), поскольку, употребляя понятия «пространство» и «среда» как синонимичные, И. Демакова акцентирует внимание на том, что эти понятия не идентичны). Обозначим семь подпространств-субпространств, исходя из концепции И. Демаковой: «природный мир», «социальная среда», «культурная среда», «семейная атмосфера», «образовательная среда», «информационная среда», «пространство чувств»³.

С нашей точки зрения, определение «пространство детства», данное И. Демаковой, может охарактеризовать одну из возможных моделей автономной реальности детства, которое, однако, требует уточнения: пространство детства – социокультурное явление, развернутое в пространственно-временной системе координат и отражающее взаимообусловленность и взаимозависимость отношений Мира Взрослых и Мира Детей, а также социокультурную природу феномена детства.

Вторая модель. Следующая возможная модель автономной реальности детства может быть обозначена нами как «субойкумена детства», которая является частью более широкого и объединяющего по принципу «пирога» понятия «ойкумена детства», а «ойкумена детства» в свою очередь является частью такого целого, как «ойкумена».

Понятие «ойкумена» В.Г. Ерохин трактует как «обжитый, освоенный человеком мир»⁴. В данном случае под понятием «человек» следует иметь в виду

¹ Кон И.С. Ребенок и общество. М. : Академия, 2003. С. 63.

² Демакова И. Гуманизация пространства детства // Народное образование. 2001. № 4. С. 167–172 ; С. 168.

³ Там же. С. 168–169.

⁴ Человек в мире культуры / под ред. В.Г. Ерохина ; РГПУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2000. Ч. 1. С. 109.

все человечество, которое на протяжении длительного времени и на обширной территории Земли осваивало мир.

Если проецировать данное определение на введенное нами понятие «ойкумена детства», учитывая условие частности последнего по отношению к целому, то обнаружим: ойкумена детства – это Мир, обжитый и освоенный неким количеством детей всей планеты Земля. Иными словами, ойкумена детства – это мир детства. Заметим, однако, что при доминирующей позиции ребенка в этом мире (ребенок является активным создателем, преобразователем этого мира) роль и место взрослого необходимо также принимать во внимание. Взрослый может обеспечить защиту мира детства (законодательная база); кроме того, он является активным создателем этого мира (индустрия детства – производство различных товаров и услуг для детей), который осваивается и преобразовывается детьми уже как вторичный этап.

Третье, более узкое понятие, которое мы примем за одну из потенциальных моделей автономной реальности детства, – «субойкумена детства».

Понятие «субэкумена» Г.С. Померанц трактует как «устойчивую коалицию культур, связанных единой вселенской религиозно-философской традицией»⁵. В соответствии с этим он выделял несколько культурных субэкумен: западный христианский мир, мусульманский мир, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока.

Рассматривая феномен детства, мы, во-первых, не будем принимать во внимание данную градацию, поскольку ни одна из выделенных Г.С. Померанцем культурных субэкумен не включает характеристики и особенности российской культуры, которая по данной градации оказывается полностью исключенной. В связи с этим мы считаем правомерным введение такой культурной субэкумены, как славянско-православный мир. Территориально рассмотрение этой субэкумены можно сузить до анализа российско-православного мира.

Во-вторых, исследуя феномен детства, мы считаем правомерным несоблюдение узкоспециализированной интерпретации понятий, входящих в состав вышеобозначенного определения дефиниции «субойкумена». Касательно понятия «религия» следует внести некоторые коррективы. Введенную нами новую культурную субэкумену мы обозначили как «российско-православную», что автоматически идентифицирует религию этой субэкумены как православие. Но заметим, что согласно Конституции Российской Федерации ни одна из религий не может быть государственной: Россия – многоконфессиональная страна, в которой действует свобода вероисповедания. Применительно непосредственно к феномену детства сущностное содержание понятия «религия» требует еще больших корректив. Религиозной традицией, общей для всех детей, но несущей обязательную региональную и временную окраску, следует считать в данном случае не какую-либо конкретную религию или совокупность религий, а само сущностное содержание этого феномена: следование общим идеям, которые

⁵ Культурология. XX век : словарь / сост. С.Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 453.

характерны для детского сообщества и которые определяются идентичностью детского мировосприятия, мировоззрения, картины мира. В связи с последним замечанием, мы сочли необходимым изменить название субэкумены, поскольку именно эта религиозная традиция является объединяющей для детей разных религий в российском социокультурном пространстве. Таким образом, можно говорить о субойкумене российского детства как о потенциальной модели автономной реальности детства.

В отношении вопроса единой философской традиции Т.Д. Попкова предлагает рассмотреть пять философско-антропологических аспектов детства: антропологическая онтология детства, антропологическая аксиология детства, антропологическая гносеология детства, антропологическая праксиология детства, экзистенциальная антропология детства⁶. Обобщить результаты анализов каждого из аспектов можно, используя цитату Т.Д. Попковой: «Бытие ребенка – это мир человека, мир культуры как ценностной системы, созданной совокупным опытом человечества, заключающих в себе глубинные гуманистические смыслы, через которые раскрываются потенции будущей личности в саморазвитии, самоутверждении и общении с другими людьми»⁷.

Таким образом, субойкумена детства, и в частности «субойкумена российского детства», как новая, разработанная нами культурная субойкумена является потенциальной моделью автономной реальности детства. Аргументом в пользу этого служит то, что мы можем видеть единую религиозно-философскую традицию (действующую в социокультурном пространстве России), которая является одной из важнейших характеристик исследуемой модели реальности детства.

Третья модель. Третий вариант возможной автономной реальности детства, по нашему мнению, следует обозначить как «субэтнос». Заметим, что понятие «субэтнос» употребляется нами в данном случае в метаконтексте, но на основе сущностного содержания термина, принятого в этнологии.

Рассмотрим в первую очередь значение более широкого термина – «этнос». В.Г. Крысько определяет этнос как «исторически сложившуюся достаточно устойчивую общность людей, обладающую единым языком и культурой, а также общим самосознанием»⁸. Проецируя феномен «этнос» на детство, можно условно считать приемлемым обозначение совокупности детей в данном метаконтексте как этнос. Заметим, что ряд ученых не рассматривают такое обозначение как условное, а принимают его как обоснованное и используют в научных исследованиях. В частности, И.С. Кон вводит понятие «этнография детства»⁹, а А.А. Белик использует понятие «этнология детства», которое он определяет как «всю совокупность знаний о детстве как феномене культуры»¹⁰.

⁶ Попкова Т.Д. Философско-антропологические аспекты детства. URL : <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=60134> (дата обращения: 3.07.2012).

⁷ Там же.

⁸ Крысько В.Г. Этническая психология. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2004. С. 73.

⁹ Кон И.С. Ребенок и общество. С. 3.

¹⁰ Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М. : РГГУ, 1998. С. 112.

Возможно ли обозначить данную совокупность более широким и сложным понятием – нация? По определению В.Г. Крысько, «нация – большая социальная группа, высший этап развития этноса, представляющий собой определенную, чрезвычайно сплоченную общность людей, характеризующуюся единством территории, языка, культуры, черт национальной психики, а также очень тесными экономическими связями»¹¹. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая также считают, что «нация – исторический тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, которая складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры, психологического склада и этнического самосознания»¹². Необходимо заметить, что по отношению к детям нельзя признать наличие тесных устойчивых экономических и политических связей, и, следовательно, недопустимо обозначение совокупности детей через более сложное понятие «нация». Таким образом, мы принимаем этнос за исходное широкое обозначение данной совокупности, поскольку в таком метатексте этнос – это группа детей, говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни (детские игры, детский фольклор, детский юмор, детское философствование, словотворчество, декоративно-прикладная деятельность, наделение прозвищами сверстников, религиозные представления), хранимых и освященных традицией (детский правовой кодекс, детская магия и мифотворчество).

Важно заметить, что в структуре этноса, наряду с другими единицами, этнологи выделяют такую единицу, как субэтнос. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая определяют субэтнос как «этническую систему, возникающую внутри этноса и отличающуюся своими хозяйственными, бытовыми, культурными и другими особенностями»¹³.

Если субэтнос – это этническая система, возникающая внутри этноса, значит правомерно предположить в контексте данной работы, что структурным компонентом этноса – группы детей, говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией, выступает субэтнос – общность детей внутри этноса, объединенных общим самосознанием и совокупностью общих хозяйственных, бытовых, культурных и других особенностей, которые отличны от особенностей этноса, но не взаимоисключают их, а дополняют и расширяют и являются их логическим продолжением. Одним из таких субэтносов может выступать субэтнос русских детей как структурная единица внутри этноса – дети. Субэтнос детей может формироваться в рамках народа, этноса, нации, перенимая его название или этноним (самоназвание), что позволяет говорить о наличии большого количества субэтносов детей.

¹¹ Крысько В.Г. Этническая психология. С. 74.

¹² Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М. : Академия ; Высшая школа, 2000. С. 292.

¹³ Там же. С. 295.

Так, можно говорить о субэтнотности мордовских детей. В свою очередь мордва как этнос включает два субэтнота – мокша и эрзя, что в свою очередь дает основание говорить о субэтнотности моршанских и субэтнотности эрзянских детей.

Но такое разграничение четко прослеживалось еще в конце XIX – начале XX века, что успел зафиксировать на своих фотографиях Макар Евсевьевич Евсевьев. Как пишет П.Ю. Соколова, «М.Е. Евсевьев создал первую коллекцию фотоснимков мордвы, ставшую визуальной энциклопедией этноса»¹⁴. Особое место в этой коллекции занимают детские образы: «На фотографиях представлены мордовские дети разного возраста: грудные дети, на руках у мамы или же старшей сестры; те, кто уже умеет ходить (чаще всего босиком), цепляясь за мамино платье или ухватившись за протянутую руку...»¹⁵. Это визуализация субэтнотности мордовских детей конца XIX – начала XX века. Но М.Е. Евсевьев стремился зафиксировать не только в целом мордовских детей, но еще и показать разницу между мокшанскими и эрзянскими детьми.

Заметим, что концепцию субэтнотности как структурной единицы внутри этноса (дети), которую мы вывели логическим путем, получила свое самостоятельное развитие в науке. С.М. Лойтер пишет: «Дети как самостоятельный субэтнос в рамках различных этносов мира оказываются носителями, хранителями и создателями своей субкультуры, которая определяется наличием своей “картины мира”»¹⁶.

Важно заметить, что в этнологии существует и понятие «суперэтнос», которое А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая определяют следующим образом: «этническое образование, сложившееся из нескольких основных этнических общностей, но обладающее этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждая из таких общностей в отдельности»¹⁷. А.С. Кармин дает аналогичное определение: суперэтнос – это метаэтническая общность, образованная из разных этносов, которые вовлечены в какой-либо общий социально-исторический процесс¹⁸. Как видим, понятие суперэтнос исследуется на метауровне и в определенной степени является синонимом понятия субэкумена (суб-экумена), представленного во второй модели, поскольку наблюдается однотипность выделенных единиц. Напомним, что Г.С. Померанц выделял, в частности, такие субэкумены, как западный христианский мир, мусульманский мир и др.; А.С. Кармин приводит аналогичные примеры суперэтнота – мусульманский, христианский, славянский и др.¹⁹. Но если у Г.С. Померанца связующим элементом субэкумены выступала единая религиозно-философская традиция, то для суперэтнота этот элемент будет лишь одним из многих объ-

¹⁴ Соколова П.Ю. Образ мордовского ребенка в фотографиях М.Е. Евсевьева. URL : <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=72607> (дата обращения: 3.07. 2012).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лойтер С.М. Изучение детского фольклора. URL : <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=59510> (дата обращения: 3.07. 2012).

¹⁷ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. С. 87.

¹⁸ Культурология / под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. М. : Юрайт, 2011. С. 297.

¹⁹ Там же. С. 297.

единяющих этносы факторов. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая обозначают их в рамках такого определения «суперэтнос», как «этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникающих одновременно в одном регионе, связанных идеологически, экономически и политически»²⁰. Поскольку применительно к детству невозможно говорить об идеологических, политических и экономических связях, следовательно, не является допустимым выделение такой категории, как суперэтнос детства, в то время как выделение субэкумены детства в тех же культурно-территориальных областях допустимо, что было доказано при рассмотрении второй модели.

Таким образом, потенциальную модель автономной реальности детства правомерно рассматривать через носителей этой реальности – детей, которые выступают как «этнос», тогда как, в частности, русские дети выступают в качестве подчиненной общности, трансформированной нами в «субэтнос». В свою очередь модели «нация» и «суперэтнос» оказались неприемлемыми относительно категории детства в силу отсутствия идеологических, экономических и политических связей.

Четвертая модель. Четвертый вариант автономной реальности детства можно обозначить как «субкультура детства». Следует отметить, что данное понятие и аналогичное ему «детская субкультура» имеют место в научной среде в отличие от трех вышеобозначенных моделей, хотя и вызывающее со стороны некоторых исследователей ряд претензий и нареканий.

Но прежде проанализируем более общее понятие «субкультура».

Согласно мнению П.С. Гуревича, субкультура – «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами»²¹. Заметим, что П.С. Гуревич, говоря об автономности, закрытости, об особой системе правил и моральных норм внутри субкультурных образований культуры, проводит сравнительную параллель с этносом²², что подтверждает правомерность существования разработанной нами третьей модели, носителями которой являются дети как этнос. Вместе с тем такая модель, как субкультура детства, наиболее полно отражает особенности автономной реальности детства.

Е.Г. Соколов считает, что «субкультура – особая форма культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами, стандартами поведения»²³. Данное определение понятия «субкультура» мы примем как базисное.

В свою очередь С.Ю. Митрофанова отмечает, что «употребление термина «субкультура» применительно к культуре детства не совсем уместно, поскольку важный признак субкультуры – добровольность ее принятия – в данном случае отсутствует. Однако мы считаем возможным использовать этот термин в контексте тех концепций, авторы которых применяют его для характеристики культуры

²⁰ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. С. 295.

²¹ Культурология. XX век. С. 450.

²² Там же. С. 451.

²³ Там же. С. 546.

детства, стараясь подчеркнуть определенную степень ее автономности»²⁴. Обозначенный признак субкультуры – добровольность, на наш взгляд, не указывается и в вышеприведенных определениях «субкультуры».

Кроме того, в современном мире выделяют различные виды субкультур: этнические субкультуры, корпоративные, религиозные, возрастные. Первая и последняя субкультуры не имеют этого признака, ибо нельзя выбрать этническую принадлежность или возраст, тогда как профессию и религию выбрать можно. Но все четыре вида социокультурных образований являются автономными, суверенными целостными внутри господствующей культуры с определенным кодексом правил и моральных норм, что позволяет определить их как субкультуры.

Мы считаем, что дети действительно имеют собственную культуру, отличную от взрослой и являющуюся самоценной, а термин «субкультура» имеет объективный подход в употреблении, поскольку ему дана четкая и конкретная интерпретация.

Е.Г. Соколов особо акцентирует внимание на том, что «в любой исторической эпохе наряду с магистральной, официальной и политически поощряемой культурой существуют различные подкультуры, которые могут весьма существенно отличаться от ортодоксальных»²⁵. В качестве одного из примеров он рассматривает мир детства, «открытие» которого было необходимо, чтобы понять, что мир детей и мир взрослых ощутимо отличаются друг от друга. На относительную целостность и вместе с тем неоднородность культуры любой эпохи также указывает и П.С. Гуревич, приводя в пример противопоставление детской и взрослой культур²⁶.

Рассмотрев позиции «за» и «против» относительно существования термина «субкультура» и выделения автономной культуры детства, мы считаем правомерным и доказанным в рамках возрастной классификации субкультур существование такого социокультурного феномена, как субкультура детства.

По мнению В.В. Абраменковой, «детская субкультура – в широком значении – все, что создано человеческим обществом для детей и детьми; в более узком – смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития»²⁷.

Субкультура детства представляет собой возможную и наиболее приемлемую, с нашей точки зрения, модель автономной реальности детства, которая создается (если использовать концепцию В.В. Абраменковой), во-первых, самими детьми и, во-вторых, для детей взрослыми. Это в свою очередь определяет двухуровневость структуры субкультуры детства.

²⁴ Митрофанова С.Ю. Концептуализация основных подходов к изучению детства в социологии. URL : <http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication28/> (дата обращения: 3.07.2012).

²⁵ Культурология. С. 278.

²⁶ Культурология. XX век. С. 450–451.

²⁷ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2000. С. 92.

Таким образом, смоделированные нами потенциальные модели автономной реальности детства – субпространство детства, субойкумена детства, субэтнос детства, субкультура детства – в разной степени жизнеспособны и приемлемы. Но, основываясь на вышеприведенном анализе моделей, мы считаем, что именно субкультура детства способна в большей степени полно и разносторонне показать социокультурную природу детства, раскрыть особенности картины мира ребенка, проанализировать обыденную практику детства с точки зрения теории культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре [Текст]. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2000. – 416 с. – (Серия «Библиотека школьного психолога»).
2. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур [Текст]. – М. : РГГУ, 1998. – 241 с.
3. Демакова, И. Гуманизация пространства детства [Текст // Народное образование. – 2001. – № 4. – С. 167–172.
4. Кон, И.С. Ребенок и общество [Текст]. – М. : Академия, 2003. – 336 с.
5. Крысько, В.Г. Этническая психология [Текст]. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2004. – 320 с.
6. Культурология [Текст] / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М. : Юрайт, 2011. – 566 с.
7. Культурология. XX век. Словарь [Текст] / сост. С.Я. Левит. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 640 с.
8. Лойтер, С.М. Изучение детского фольклора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=59510> (3 июля 2012 г.).
9. Митрофанова, С.Ю. Концептуализация основных подходов к изучению детства в социологии [Электронный ресурс] / Центр изучения молодежи «ПОКОЛЕНИЯ.NET». – Режим доступа : <http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication28> (3 июля 2012 г.).
10. Попкова, Т.Д. Философско-антропологические аспекты детства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60134> (3 июля 2012 г.).
11. Садохин, А.П. Этнология [Текст] / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М. : Академия ; Высшая школа, 2000. – 304 с.
12. Соколова, П.Ю. Образ мордовского ребенка в фотографиях М.Е. Евсеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=72607> (3 июля 2012 г.).
13. Человек в мире культуры [Текст] / под ред. В.Г. Ерохина ; РГПУ им. С.А. Есенина. – Рязань, 2000. – Ч. 1. – 248 с.

E.N. Suvorkina

CHILDREN'S SUBCULTURE AS A MODEL OF AUTONOMOUS REALITY

The article presents the author's models of children's autonomous reality. It proves that such a model as children's subculture can provide comprehensive data on the socio-cultural nature of childhood, reveal children's worldviews, analyze childhood through the prism of culture.

childhood, children's subculture, culturology, children, theory of culture.

ИСТОРИЯ

УДК 947

О.Е. Сафонова

ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе документов Рязанского государственного архива рассматривается процесс возникновения и развития просветительных, научных и здравоохранительных объединений (светского характера) в Рязанской губернии с конца 80–90-х годов XIX века до 1914 года. Особое внимание уделено анализу количественного состава объединений, их финансового состояния и основных форм деятельности.

губернатор, добровольные объединения, просветительство, Рязанская губерния, устав

Одним из важнейших направлений работы неполитических общественных объединений российской провинции на рубеже XIX–XX веков было просветительное. В Рязанской губернии просветительной деятельностью в разной степени занимались практически все добровольные общества, но лишь немногие из них ставили просветительство своей главной целью. Данная категория общественных организаций была самой малочисленной на рассматриваемой территории и почти не встречалась в чистом виде. С одной стороны, это объяснялось особенно жестким контролем местной власти над самым «опасным» в политическом отношении видом самодеятельности с учетом географического соседства региона со столицей, с другой – сравнительной пассивностью самого населения губернии в просветительном движении, обусловленной общей аграрной ориентированностью рязанцев.

На безучастное отношение жителей губернии к делу просвещения указывали, прежде всего, сами представители рязанской общественности. Например, этой проблеме была посвящена статья «Письма из провинции», опубликованная в центральной прессе¹. Автор под псевдонимом Чужой рассказывал

¹ Образование. 1898. № 9. С. 41–44.

о просветительном движении в России, и в Рязани в частности: «Отличительной чертой переживаемого нами времени служит оживление в области народного образования. В какой бы глухой уголок нашего отечества вы ни заглянули, вы везде заметите, что вопросы народного образования интересуют все слои общества. Они трактуются и на земских, и городских собраниях, о них говорят и частные лица, которые, группируясь в кружки, устраивают и общественные библиотеки-читальни, и воскресные школы, и чтения и т. п. И во всем этом движении частная инициатива играет видную, если не сказать, первую роль... Не миновало это движение и нашего города, который до этого времени, несмотря на близость такого умственного центра, как Москва, спал непробудным сном, как и большинство русских провинциальных городов»². Однако, анализируя отношение рязанского общества к этому движению, Чужой указывает: «Отношение это нельзя назвать ни доброжелательным, ни недоброжелательным, так как каждое новое начинание вызывает сочувственные разговоры, но не более того. Лучшим доказательством этому может служить то, что и в библиотеке, и в городских, и в тюремных чтениях участвуют одни и те же лица, и количество их не превышает десятка»³.

О слабом развитии просветительской деятельности рязанских добровольных объединений свидетельствует обзор организаций данного типа по уездам⁴, составленный в 1895 году в ответ на требование Министерства внутренних дел⁵. В результате проверки близкое по представленным в запросе критериям объединение обнаружилось лишь в одном уезде, о чем сообщалось местными властями: «...в Касимовском уезде частных обществ, комитетов и т. п. учреждений, имеющих целью содействие развитию народного образования или грамотности, вообще нет, исключая существующих в г. Касимове с 1894/95 года Воскресных праздничных чтений, которые открыты с разрешения епархиального начальства. Устава точно выработанного нет; чтения ведутся по книжкам и брошюрам, разрешенных для подобных чтений в истекшем 1894 г. <...> Чтения были 1) религиозно-нравственного содержания – 10, 2) исторического – 6, 3) литературного – 4 и 4) по мировоззрению – 4»⁶. Основную роль в организации чтений играли преподаватели духовного училища.

Необходимо также отметить, что местные чиновники часто путали общества преимущественно просветительной направленности с благотворительными обществами сферы образования. Поэтому и отчеты из уездов, отправляемые в ответ на запросы Министерства внутренних дел о просветительных организациях, в большинстве случаев содержали перечисление именно филантропических объединений. О подобной ошибочной классификации, в частности, говорилось в циркуляре № 34 от 8 декабря 1903 года министра внутренних дел В.К. Плеве рязанскому губернатору в связи с передачей просветительных

² Образование. 1898. № 9. С. 41.

³ Там же. С. 44.

⁴ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 3. Д. 3601. Л. 5–20.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 19.

обществ в ведение Министерства народного просвещения: «В устранении дальнейших недоразумений по сему предмету, я признаю необходимым сообщить... что только существующие в губерниях под различными наименованиями, преследующие преимущественно просветительные цели общества попечения о народном образовании (например, «Общество распространения в народе грамотности или образования», «Общество попечения о начальном образовании», «Общество для содействия распространению народного образования», «Общество бесплатной народной библиотеки», «Общество попечения о народных школах», «Общество устройства народных чтений» и т.п.) подлежат передаче в Министерство народного просвещения... все же прочие общества, имеющие отношение исключительно к учащимся и преследующие цели благотворительные, остались по-прежнему в ведении Министерства внутренних дел...»⁷. Таким образом, министром четко разграничивались два типа общественных объединений.

Примечательно, что продолжением этой разъяснительной переписки между центром и губернией стало письмо директора народных училищ Рязанской губернии рязанскому губернатору с резолюцией: «...очевидно, что ни одно из девяти обществ, уставы коих были присланы ко мне Вашим Превосходительством, не должно подлежать передаче в ведение Министерства народного просвещения»⁸. Данный факт может свидетельствовать либо о полном отсутствии просветительных организаций на рассматриваемой территории, либо (что более вероятно) опять же о неумении местного начальства выделить общества просветительской ориентации в общей массе добровольных организаций губернии.

В целом же все рязанские просветительные организации рубежа XIX–XX веков можно условно разделить на три категории: учебно-просветительные, научно-просветительные и просветительно-развлекательные (кроме того, параллельно существовала отдельная большая группа просветительных объединений исключительно церковного ведомства). К сожалению, сохранившиеся о них сведения в большинстве случаев носят фрагментарный характер, что не дает возможности подробно проследить их историю. Особое место среди региональных научно-просветительных объединений занимает Рязанская ученая архивная комиссия, деятельность которой довольно широко представлена в трудах рязанских историков⁹, в связи с чем не предполагается рассматривать ее в настоящей работе.

⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3854. Л. 22.

⁸ Там же.

⁹ См. напр.: Попов И.П. Создание Рязанской ученой архивной комиссии // Два века рязанской истории. Рязань, 1991. С. 84–87; Синельникова Т.П. Деятельность Рязанской губернской архивной комиссии по созданию исторического архива // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988. С. 89–94; Толстов В.А. Рязанская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции : автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 23 с.; Чекурин Л.В. А.И. Черепнин – руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX – начале XX в. Рязань, 1981. С. 101–119; и др.

Несмотря на отсутствие четкой официальной статистики по рязанским просветительным обществам, в архивных документах и местной прессе Рязанской губернии конца XIX – начала XX века периодически встречаются упоминания об открытии (или прошении об учреждении) того или иного просветительского кружка или общества.

Так, в 1891 году неудачную попытку организовать просветительное объединение в Рязанской губернии предприняли учредители Общества распространения грамотности и полезных знаний в Рязанской губернии¹⁰: они столкнулись с сопротивлением местных властей, которые после тщательного рассмотрения устава Общества отклонили его по формальным причинам.

Рязанскому губернатору 28 октября 1894 года было подано прошение дворян Скопинского уезда об утверждении устава еще одного подобного объединения – «Общества для содействия распространению народного образования в г. Скопине и его уезде»¹¹. В прилагаемом к письму проекте устава говорилось, что для достижения главной цели объединения, заявленной в его названии, общество содействует учреждению начальных школ и школ грамоты для детей, воскресных школ для взрослых; снабжает учащихся книгами, учебными принадлежностями, одеждой и обувью; учреждает при школах библиотеки для учащихся и педагогов; устраивает общежития для приходящих учащихся; выдает пособия учащим в случае болезни или несчастных случаев, а также за особые успехи в учебе; устраивает чтения при школах для детей и взрослых и т.д.¹². Данное прошение с пометкой губернатора «на заключение» было передано директору народных училищ, но дальнейшую судьбу объединения проследить не удалось.

А 28 января 1898 года был утвержден устав Общества вспомоществования школам грамоты Касимовского уезда Рязанской губернии. Этому событию предшествовала длительная переписка учредителей с местными органами власти и, как результат, многочисленные исправления в проекте устава¹³, хотя впервые прошение об его утверждении было подано еще в 1893 году¹⁴.

Среди учредителей данного объединения преобладали представители духовенства (члены Касимовского отделения Епархиального училищного совета) и земства. Необходимо отметить, что такая попытка со стороны православных церковных деятелей усилить свое влияние на население уезда, что особо подчеркивалось организаторами в переписке с чиновниками, в данном деле не являлась случайностью, так как в Касимовском уезде исторически были сильны позиции мусульманства¹⁵. К тому же активное участие церкви в деле народного образования (особенно в провинции) всячески поощрялось обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым и было одним из важнейших пунктов его политики.

¹⁰ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3282. Л. 1, 4.

¹¹ Там же. Д. 3569. Л. 1.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Д. 3500. Л. 9, 15.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 15.

По замыслу организаторов, объединение должно было «способствовать религиозно-нравственному просвещению населения в пределах Касимовского уезда»¹⁶. Практическим воплощением идеи являлась материальная помощь школам грамоты с целью их более широкого распространения в данной местности.

Эта помощь (единовременная или постоянная) заключалась в пособиях учителям, обеспечении школ книгами, учебниками и канцелярскими принадлежностями; устройстве школьных библиотек, ремонте школьных зданий и мебели. Кроме того, общество имело право открывать школы грамоты, церковно-приходские и другие школы, если «явится к тому неотложная необходимость и позволят средства общества».

Членство в обществе ограничивалось общими для всех добровольных просветительных объединений исключениями (несовершеннолетние, учащиеся учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера, находящиеся на действительной военной службе, а также ограниченные в правах по суду). Состав участников делился на действительных членов (ежегодный взнос составлял 2 рубля), сореовнователей (1 рубль в год), пожизненных (единовременное пожертвование не менее 100 рублей) и почетных (за особые заслуги). Почетными членами объединения являлись глава Рязанской епархии, рязанский губернатор, губернский и уездный предводители дворянства, директор народных училищ и ректор духовной семинарии¹⁷.

Средства общества образовывались из членских взносов, частных пожертвований (денежных и материальных), сборов по специально выпускаемым правлением общества книжкам, прибыли от публичных мероприятий (концертов, спектаклей, лекций и т.д.), доходов от имущества и капиталов.

Но, судя по данным рязанского архива, развернуть широкую деятельность объединению так и не удалось. В 1903 году, спустя пять лет с момента открытия, в составе общества насчитывалось 12 человек, а общий капитал общества при отсутствии расходного (только неприкосновенный и запасной) составил 123 рубля 34 копейки¹⁸. Более того, в отчете за этот год вообще не содержится свидетельств о каких-либо действиях общества по достижению заявленных в уставе целей – отсутствуют записи в графах «расход» и «приход», нет сведений о выплате пособий и организации материальной помощи школам.

Наряду с перечисленными объединениями, появлялись и организации, которые более конкретно обозначали свою цель: 6 октября 1910 года, как следует из журнала Рязанского губернского по делам об обществах присутствия, в канцелярию губернатора было подано прошение от тридцати жителей города Рязани и Рязанского уезда об утверждении проекта устава Общества основания среднего учебного заведения для детей обоого пола в селе Спас-Клепики Рязанской губернии и уезда¹⁹.

¹⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 61.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 62–63.

¹⁹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 870. Д. 5. Л. 18.

Общество ставило своей целью: 1) открыть среднее учебное заведение смешанного типа в селе Спас-Клепики; 2) содействовать распространению в уезде среднего образования путем учреждения библиотек, читален, музеев и книжных складов, организации выставок по предметам общего образования, открытия школ и курсов отдельных предметов в объеме программы средних учебных заведений, а также музыкальных, художественных, ремесленных и т. п.; 3) способствовать правильному физическому развитию детей путем устройства учебной гимнастики, игр, прогулок и пр.²⁰.

В отличие от Скопинского и Касимовского объединений, Клепиковское общество предполагало получать средства из более широкого круга источников. Помимо членских взносов, частных пожертвований и доходов от публичных мероприятий, оно рассчитывало на пособия местных органов власти и самоуправления, а также на часть денег из взносов платы за ученье²¹.

Таким образом, на примере вышеописанных просветительных объединений прослеживалась общая тенденция – постепенный переход от масштабных и «общепросветительных» организаций к более локальным и узкоспециальным. Этому в большой степени способствовало требование органов власти о предельной конкретизации уставов и регламентации работы добровольных объединений с целью упрощения административного контроля над деятельностью последних и формирования «управляемой» общественной инициативы в традиционно «опасной» просветительной области.

Что касается объединений просветительно-развлекательной направленности, то к ним относились попечительства (общества) о народной трезвости, начавшие активно появляться в Российской империи с середины 90-х годов XIX века с проведением реформы о казенной продаже вина. Это были объединения полуадминистративного, полуобщественного характера, находившиеся под контролем Министерства финансов. Устав центрального попечительства был утвержден 20 декабря 1894 года²² и провозглашал своей целью отвлечение населения от пьянства путем устройства чтений и бесед о вреде спиртных напитков и обеспечение приятного досуга вне питейных заведений. С этой целью открывались библиотеки, читальни, чайные. Сеть организаций попечительства, во главе которых стояли уездные и губернские комитеты, охватывала территорию всей Российской империи.

Рязанское попечительство о народной трезвости появилось лишь в январе 1901 года – почти одновременно с введением в действие на территории губернии Положения о казенной продаже питей²³. Объединение состояло из губернского комитета, осуществлявшего общее руководство, и 12 уездных во главе с уездными предводителями дворянства. Сразу после утверждения устава по указанию губернатора были избраны участковые попечители

²⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 870. Д. 5. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. С. 117.

²³ Отчет о деятельности Рязанского попечительства о народной трезвости за 1901 г. Рязань, 1903. С. 3.

и члены-соревнователи от земских органов и других ведомств и учреждений губернии. Таким образом, социальный состав попечительств включал преимущественно дворян, интеллигенцию (учителей, врачей и т. д.) и священнослужителей.

На первом же этапе попечительством были открыты чайные с библиотеками-читальнями в Данкове, Егорьевске, Касимове, Михайлове, Ряжске, Скопине и двух поселениях Михайловского уезда. Были организованы народные чтения в Михайлове и Касимове, устроена сцена в Касимове, на которой ставили спектакли, проводили музыкальные и танцевальные вечера. Кроме того, комитеты попечительства на закрепленной за ними территории оказывали денежную помощь частным обществам трезвости. В отчетных документах отмечалось, что пассивность в первоначальный период проявляли лишь Пронский и Сапожковский комитеты²⁴.

В целом основные принципы и условия работы местных попечительств были одинаковые. Средства попечительств составлялись из членских взносов, пособий от губернского комитета, доходов от чайных, столовых, ночлежных приютов, книжных складов и увеселительных мероприятий; основные расходы шли на содержание заведений и организацию публичных мероприятий.

Особым интересом со стороны молодого поколения пользовались библиотеки и читальни попечительства. Именно дети и подростки составляли основную массу посетителей этих заведений. Причем наибольший спрос был на книги литературного и духовно-нравственного содержания. Кроме того, попечительство выписывало периодические издания – «Вестник трезвости», «Вокруг света», «Московский листок», «Кормчий», «Русский паломник», «Русская земля» и др.

Комитеты попечительства были инициаторами такой формы просветительской работы, как народный дом, особенно популярный среди низших слоев населения, о чем можно судить, например, по данным о деятельности народного дома в Касимове: при нем работала дешевая столовая, которую в 1904 году посетили 12 433 человека; действовала бесплатная библиотека-читальня, насчитывавшая в 1904 году 2 719 томов и 600 абонентов (286 мещан, 139 крестьян, 120 разночинцев, 40 представителей духовенства, 15 дворян); устраивались народные чтения, посещаемость которых в 1904 году составила 4 075 человек, причем в основном посещались чтения со «световыми картинками»; в зимние месяцы действовал ночлежный приют на 112 мест; имелась юридическая контора для оказания беднякам дешевой юридической помощи и т. д.²⁵

Пример народного дома в Касимове еще раз доказывает, что из множества направлений просветительской деятельности наиболее востребованным у населения было, прежде всего, развлекательное. И именно на такую деятельность в большей степени были ориентированы казенно-общественные попечительства

²⁴ Отчет о деятельности Рязанского попечительства о народной трезвости за 1901 г. С. 5–6.

²⁵ Рязанский вестник. 1905. 21 авг. № 47. С. 2.

о народной трезвости, чья работа во многом была схожа с работой досуговых обществ народных развлечений.

Наряду с организациями попечительства, существовали многочисленные общества и кружки трезвости исключительно частного характера, учреждаемые на одинаковых с другими добровольными общественными объединениями основаниях (например, в Зарайском уезде таких параллельно действовавших обществ было 8²⁶), а также общества трезвости чисто религиозной направленности (при церквях).

Одним из самых известных частных объединений было Рязанское общество трезвости, открытое 19 мая 1900 года²⁷. Решив общие организационные вопросы, Общество развернуло активную деятельность по устройству собственных заведений. С 1900 года по 1 апреля 1901 года при обществе работала дешевая чайная на Сенной площади, 14 ноября 1901 года на Московской улице рядом с базаром открыта публичная библиотека-читальня (на ее оснащение почетный член И.А. Салтыков пожертвовал 1 000 рублей) с новой чайной. Впоследствии читальня была объединена с народной библиотекой, располагавшейся в уездной земской управе. В среднем читальню ежедневно посещало около 20 человек²⁸.

Для проведения летних развлекательных мероприятий общество арендовало сад вместе с находящимися там постройками Рязанского общества сельского хозяйства. После ремонта (на субсидии губернского Комитета попечительства о народной трезвости), оснащения сцены и устройства танцевальной площадки здесь начали организовывать спектакли и гулянья (так, в 1901 году театральной комиссией общества было поставлено 32 спектакля²⁹).

В зимний период для развлечения публики устраивались литературно-музыкальные вечера, чтения с «туманными» картинками, спектакли и т. д. Кроме того, обществом был открыт каток в саду губернского земства.

Общество давало рязанцам возможность приобщиться к культурной жизни столицы. Правлением нередко организовывались выступления артистов московской русской оперы и императорских московских театров³⁰.

Среди других форм просветительно-развлекательной деятельности, характерных для Рязанского общества трезвости, можно выделить публичные лекции, выставки (очень часто сельскохозяйственной направленности), народные чтения, лотереи.

Одна из самых главных забот правления – увеличение доходов и укрепление материальной базы общества. Несмотря на довольно крупные денежные обороты, объединение с трудом поддерживало баланс между доходами и расходами. Особенно остро это проявлялось на начальном этапе существования: в 1901 году приход средств составил 8 669 рублей 23 копейки (247 рублей – членские взносы; 2 000 рублей – субсидия уездного Комитета попечительства

²⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3994. Л. 195.

²⁷ Отчет правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. (2-й год). Рязань, 1902. С. 1.

²⁸ Там же. С. 8–9.

²⁹ Там же. С. 13.

³⁰ Там же. С. 11.

о народной трезвости; 4 858 рублей 20 копеек – доход от увеселительных мероприятий и заведений; 175 рублей 39 копеек – пожертвования и пр.), а расход составил 8 229 рублей 52 копейки (траты на организацию мероприятий и содержание заведений)³¹.

В первый год существования объединения количество его членов составило 89 человек, а к 1 января 1902 года возросло до 99 человек: 3 – почетных члена, 32 – члена-учредителя, 60 – действительных, 4 – члена-соревнователя³².

Просветительной, научной и здравоохранительной деятельностью занималось Общество рязанских врачей, открывшееся 17 октября 1874 года. Целью общества было объединение врачей Рязани и Рязанской губернии для обмена опытом, а также решения научных и практических вопросов, касающихся медицины. Учредителями добровольной организации были 7 врачей: П.В. Стародубский, К.П. Асеев, В.А. Мартынов, П.Н. Екимецкий, И.К. Яроцкий, В.А. Вандаковский и П.А. Модестов. Первое заседание прошло в конце сентября 1875 года на квартире одного из членов – провизора К.Я. Баниге. В состав первого правления вошли: П.В. Стародубский – президент, П.Н. Екимецкий – вице-президент, В.А. Мартынов – секретарь, И.К. Яроцкий – казначей-библиотекарь³³.

К сожалению, сведений о начальном этапе работы объединения (до 1881 года) практически не осталось. По свидетельству современников, в этот период общество, помимо обсуждения научно-медицинских вопросов, являлось «центром, к которому администрация обращалась за разъяснением общих санитарно-медицинских вопросов, напр. об устройстве бесплатной врачебной помощи во время холерной эпидемии, о разработке наставлений для народа, о мерах дезинфекции и т. п.»³⁴. Известно также, что в это время при обществе была открыта амбулаторная лечебница, просуществовавшая около четырех лет.

Во второй половине 70-х годов XIX века в деятельности общества наступил продолжительный перерыв, среди причин которого – Русско-турецкая война, уход из жизни президента общества П.В. Стародубского и др. Работа объединения возобновилась только в 1881 году. Членами общества было избрано новое правление, президентом стал земский врач Павел Николаевич Екимецкий. С 1881 по 1883 год было проведено 17 заседаний с обсуждением различных санитарно-медицинских вопросов³⁵.

Новшеством стало издание первых трудов под названием «Протоколы заседаний Общества рязанских врачей за 1881, 1882 и 1883 гг. с приложениями»³⁶. Издательская практика стала постоянной, и к 1908 году объединение выпустило 10 томов «Трудов». Кроме того, с 1903 года общество участвовало в ежегодном

³¹ Отчет Правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. С. 34.

³² Там же. С. 5.

³³ Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования. Рязань, 1908. С. 84.

³⁴ Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897. С. 37.

³⁵ Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования. С. 85.

³⁶ Там же. С. 86.

объединенном издании «Обзора деятельности русских медицинских обществ и губернских съездов земских врачей»³⁷.

Свидетельством возросшей активности объединения было увеличение количества его участников. Так, в 1889 году в обществе состояло 37 членов, в 1890 году – их число возросло до 48 человек, а в 1898 году в составе объединения насчитывалось уже 73 врача. Такой резкий скачок количественного состава произошел за счет пополнения иногородними членами.

Отличительной чертой внутренней организации общества являлось наличие множества специальных комиссий по отдельным санитарно-медицинским вопросам, например: аптечная, по защите населения от холеры, по борьбе с эпидемией брюшного тифа, по очистке реки Трубежа от нечистот, по постройке разного барака и т. д., а также по организационным вопросам, например, для выработки проекта нового устава общества, для систематизации библиотеки общества, для разработки программы публичных чтений.

Годовое количество заседаний общества колебалось от 6 до 17 и зависело, в частности, от эпидемиологической ситуации в губернии. Например, в 1892–1893 годах, когда рязанцы переживали эпидемию холеры, общество рязанских врачей имело более десятка экстренных заседаний по данному вопросу³⁸.

Что касается финансовой деятельности объединения, то она была не столь удачной. Основу средств общества составляли членские взносы и проценты с капиталов. При открытии общества ежегодные взносы участников объединения составляли 5 рублей, с 1881 года – 10 рублей, с 1882 года – снова 5 рублей, а с 1888 года – 3 рубля³⁹. Разница между доходами и расходами, как правило, была небольшой, а иногда и с отрицательным балансом. Так, в 1897 году в кассу объединения поступило 48 рублей 17 копеек, а израсходовано было 120 рублей 42 копейки. Таким образом, расход превысил приход на 71 рубль 75 копеек⁴⁰.

Траты финансовых средств общества включали: административно-хозяйственные расходы, единовременные пособия семьям умерших членов общества, взносы на содержание санатория в Ялте, отчисления на капитал имени Штилинга для воспитания девочек-сирот членов общества врачей, на благотворительность (помощь голодающим, на устройство дома имени Н.Н. Пирогова в Москве, членские взносы на ученые общества и т. д.).

Из-за хронического недостатка средств общество не могло открывать специальные медицинские учреждения. Удалось организовать лишь временную амбулаторную лечебницу, а также временные курсы для подготовки сестер милосердия (открыты в 1904 году для 28 слушательниц)⁴¹.

В 1904–1907 годах общество рязанских врачей испытывало большие затруднения (за этот период прошло только 10 заседаний⁴²), завершившиеся

³⁷ Там же. С. 90–91.

³⁸ Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1891–1893 гг. Рязань, 1893. С. 7.

³⁹ Там же. С. 93–94.

⁴⁰ ГАРО. Ф. 5. Стол 4. Оп. 5. Д. 2225. Л. 6–7.

⁴¹ Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования. С. 91–92.

⁴² Там же. С. 91.

с принятием 4 июня 1908 года нового устава Рязанского медицинского общества, и торжественной передачей функций от одной организации другой на очередном собрании ⁴³.

Новое объединение явилось преемником старого, но его целевая направленность значительно расширилась. Рязанское медицинское общество в своей деятельности делало упор на научную (теоретическую и практическую) разработку вопросов, относящихся к области медицины, а также личного и общественного здравоохранения. В обществе регулярно читались лекции, делались доклады по медицине. К концу 1911 года объединение рязанских врачей издало труды за предыдущие три года существования уже нового общества. В дальнейшем издательская деятельность была им продолжена. А в марте 1913 года стараниями участников общества была открыта амбулатория для туберкулезных больных на Соборной улице ⁴⁴.

В качестве почетных членов общества числились профессор Пастеровского института И.И. Мечников, профессора русских университетов И.П. Павлов и В.А. Мартынов, швейцарский ученый Ф.Ф. Эрисман (Фридрих Гульдрейх).

Постоянного капитала у организации не было. Текущие нужды покрывались за счет сравнительно небольших членских взносов – 3 рубля в год. В 1912 году в составе общества насчитывалось 82 действительных члена и 1 соревнователь ⁴⁵.

Наряду с медицинским Обществом в Рязани существовало Общество врачей Рязанского губернского земства, сфера деятельности и членская база которого была более ограниченной. Оно начало работу 11 апреля 1909 года и имело целью «подготовку для Рязанского земства сведующих и практически опытных в больничной работе фельдшеров и фельдшеров-акушеров» ⁴⁶.

В общество принимались врачи и провизоры, состоявшие на службе в Рязанском губернном земстве. К 1911 году в составе объединения насчитывалось 14 человек. Председателем был избран Г.И. Федоров.

В сентябре 1910 года обществом была открыта фельдшерско-акушерская школа, куда принимались окончившие четыре класса гимназии (годовая плата составляла 70 рублей), а в 1911 году объединением земских врачей были организованы двухлетние курсы по уходу за холерными больными ⁴⁷.

Большую научно-методическую работу развернул Рязанский общественно-педагогический кружок, открывшийся накануне Первой мировой войны. Его появление было связано с беспрецедентным подъемом общественно-педагогического движения в Российской империи в конце XIX – начале XX века.

По свидетельству участников объединения, «начало организации кружка было положено бывшим преподавателем гимназии Н.Н. Зелятрова Я.Р. Эргард-

⁴³ Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. С. 10.

⁴⁴ Рязанская жизнь. 1913. 2 февр. № 28. С. 2.

⁴⁵ Там же. 1912. 4 янв. № 3. С. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

том, который сумел организовать небольшую ячейку горячо сочувствующих появившейся идее. Из жизни группы... вырос кружок»⁴⁸. Учредителями нового добровольного общества стали руководители рязанских учебных заведений: В.П. Екимецкая, Н.Н. Зелятров, Н.Н. Шамонин, И.Н. Борисов, Н.Н. Борисов, Я.В. Кеткович, В.В. Александров.

Устав кружка был утвержден в начале декабря 1913 года. Согласно уставу целью общества являлось «изучение учебно-воспитательного дела и содействие его надлежащей постановке в г. Рязани на началах взаимодействия между школой, семьей и обществом и доставление своим сочленам и их семействам приятного и удобного места для отдыха»⁴⁹.

Реализацию задуманного предполагалось осуществлять через самые разнообразные формы деятельности: проведение собраний членов с обсуждением докладов по теории и практике воспитания и обучения; организацию комиссий для разработки специальных вопросов; устройство лекций, образовательных экскурсий, выставок и научно-литературно-эстетических вечеров для членов общества; учреждение библиотек и читален, облегчение доступа для желающих к новинкам педагогической литературы; устройство музея и мастерской наглядных пособий для учителей; проведение лекций, чтений, бесед и экскурсий для учащихся; оборудование территорий для физического развития детей; организацию учреждений для занятий искусствами; издание брошюр, книг и трудов общества и др.⁵⁰.

Членами кружка по рекомендации двух членов объединения могли быть лица обоего пола, «интересующиеся учебно-воспитательным делом и сочувствующие целям кружка». Таким образом, устав позволял становиться участником объединения не только учителям, но и широкому кругу «посторонних» – родителям, представителям интеллигенции и др. Членский взнос составлял 3 рубля в год.

Первое собрание нового общества под председательством В.Ф. Эмана состоялось 18 января 1914 года в здании гимназии В.П. Екимецкой. Был избран управляющий орган – совет кружка, а также обозначены три основных направления деятельности: 1) работа специалистов в секциях по разным дисциплинам (к 1914 году действовало 7 секций), подготовка рефератов и докладов по научным вопросам, разработка методов внеклассной работы; 2) изучение психологии детей и их индивидуальных особенностей; 3) повышение общего уровня культуры педагогов через организацию бесед и дискуссий по общефилософским и литературным темам⁵¹.

Работа кружка с самого начала пошла очень интенсивно. Почти каждую неделю проходили собрания секций. За первые четыре месяца (с января по ап-

⁴⁸ Рязанская жизнь. 1914. 19 янв. № 15. С. 3.

⁴⁹ Устав Рязанского общественно-педагогического кружка. Рязань, 1914. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 3–4.

⁵¹ Годовой отчет совета рязанского общественно-педагогического кружка за 1914 г. Рязань, 1915. С. 87–88.

рель) было проведено более 40 секционных и три общих собрания, на которых обсуждались главным образом научно-педагогические вопросы.

Однако деятельности общества не дала развернуться Первая мировая война. Многие члены кружка (в частности, А.П. Сперанский) ушли на фронт, другие включились в работу по организации помощи воинам.

Стремление к профессиональной консолидации с просветительной целью охватило и специалистов технического направления, ставшего особенно популярным в конце XIX – начале XX века. Так, в 1900 году рязанскому губернатору было подано прошение об утверждении устава рязанского технического кружка. Инициаторами создания объединения выступили инженеры-техники машиностроительного завода Ново-Александровской слободы и работники Рязанско-Уральской железной дороги. По их замыслу кружок должен был объединить техников Рязани и Рязанской губернии с целью общения, устройства технических бесед и технической библиотеки для своих членов. Учредители предполагали, что впоследствии кружок превратится в отделение Российского Императорского технического общества⁵².

Для достижения поставленных целей кружок согласно уставу имел право проводить технические беседы и доклады; заниматься разрешением технических вопросов по просьбе учреждений и частных лиц; устраивать библиотеки с литературой по техническим вопросам; организовать кассу взаимопомощи для участников кружка; помогать своим членам в поиске работы; проводить технические опыты и исследования⁵³. Состоять в обществе могли только лица мужского пола.

Просветительная направленность деятельности кружка заставила рязанского губернатора отправить секретные запросы рязанскому и пронскому уездным исправникам с требованием проверить учредителей на политическую благонадежность и представить в кратчайшие сроки сведения об их личности, служебном и общественном положении⁵⁴.

В результате проведенного расследования выяснилось, что почти все учредители состоят на службе в правительственных учреждениях и вполне благонадежны⁵⁵. Об этом губернатор в свою очередь известил министра внутренних дел с комментарием, что данные лица «действительно в состоянии осуществить проектированный ими кружок»⁵⁶. Однако, несмотря на положительное заключение рязанской администрации, кружок по невыясненным причинам так и не состоялся, о чем рязанский полицмейстер доложил губернатору два года спустя⁵⁷.

Узкоспециальную научно-практическую направленность имели разнообразные сельскохозяйственные общества: агрономические, животноводческие,

⁵² ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3786. Л. 4.

⁵³ Там же. Л. 22.

⁵⁴ Там же. Л. 4–5.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

⁵⁷ Там же. Л. 21.

птицеводческие, промысловые, поэтому условно их тоже можно отнести к просветительным. Они получили довольно широкое распространение на территории Рязанской губернии в силу ее традиционного аграрного характера и находились в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. По данным исследователей, в Российской империи на рубеже XIX–XX веков насчитывалось менее 400 подобных объединений⁵⁸, в Рязанской губернии – чуть больше десяти (до 1910 года).

Все региональные сельскохозяйственные общества в зависимости от критерия можно разделить на несколько видов: 1) по профильному критерию – объединения широкой направленности (например, Зарайское общество сельского хозяйства⁵⁹) и отраслевые (Рязанское общество голубеводства⁶⁰); 2) по территориальному – объединения, распространявшие деятельность по всей губернии (Рязанское губернское общество пчеловодства⁶¹), на несколько уездов (Зарайское общество пчеловодства⁶²), на уезд или на отдельный населенный пункт; 3) по административному – филиальные отделения общероссийских обществ (Рязанское отделение Императорского общества козоводства⁶³, Рязанский отдел Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства⁶⁴) или самостоятельные рязанские объединения (Зарайское общество пчеловодства) и пр.

Следует отметить, что интенсивность появления этих организаций в Рязанской губернии в разные периоды была неодинаковой: до 1900 года возникло 5 сельскохозяйственных обществ, с 1900 по 1904 год – 1, с 1905 по 1909 год – 7, в 1910–1914 годах – 59⁶⁵. Таким образом, к началу Первой мировой войны на территории губернии действовало уже 72 сельскохозяйственных общества (без учета кредитных и ссудосберегательных товариществ), из них 61 – объединения общего характера, 11 – специальные (отраслевые).

Распределение обществ сельского хозяйства по уездам также было неравномерным. Больше всего их насчитывалось в Рязанском (21), Касимовском (12), Сапожковском (9) и Спасском уездах (7); меньше – в Егорьевском (2), Зарайском (2), Скопинском (1) и Пронском (1)⁶⁶. Следует учесть, что цифры по Рязанскому району включали также отделы центральных и губернских обществ, действовавших на территории всего Рязанского края.

Неоднородность среди рязанских сельскохозяйственных обществ наблюдалась и в количественном составе. При этом число их членов редко превышало

⁵⁸ Довженко И. Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 207.

⁵⁹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 375–383.

⁶⁰ Там же. Д. 3962. Л. 5.

⁶¹ Устав Рязанского губернского общества пчеловодства в г. Рязани. Рязань, 1916.

⁶² ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4047. Л. 2.

⁶³ Рязанская жизнь. 1912. 3 янв. № 2. С. 3.

⁶⁴ Обзор двадцатипятилетней деятельности Рязанского отдела Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства. Рязань, 1916.

⁶⁵ Вестник Рязанского губернского земства. 1917. № 1. С. 43.

⁶⁶ Там же. С. 44–45.

100 человек и было характерно лишь для 5–6 организаций губернии, наиболее распространенными были объединения из 25–50 участников.

Руководящим органом сельскохозяйственных обществ был совет во главе с председателем. К сожалению, ввиду отсутствия сведений выяснить сословную принадлежность руководства данных объединений не представилось возможным. Известно лишь, что во главе советов 8 рязанских обществ сельского хозяйства стояли представители духовенства, 4 – учителя, 4 – агрономы, 1 – земский начальник, 1 (Савинское сельскохозяйственное общество) – профессор Сергей Сергеевич Салазкин, в будущем – министр народного просвещения Временного правительства. Председатели 47 сельскохозяйственных организаций, по данным рязанского архива, относились к неопределенной категории «прочие лица» (крестьяне, помещики и пр.)⁶⁷.

Величина годовых членских взносов составляла от 50 копеек до 5 рублей⁶⁸. Следует заметить, что плата в 1 рубль и более для крестьян была, безусловно, высокой и являлась значительным препятствием для расширения количества участников сельскохозяйственных обществ за счет представителей данной категории населения. Поэтому в некоторых обществах вводилась дифференцированная система членских взносов: одна – для крестьян, другая – для прочих лиц.

Различались общества сельского хозяйства и по количеству своих учреждений. Из более чем 70 объединений начала XX века 29 – не имели таковых или не представили сведения о них, 6 владели одним учреждением, 8 – двумя, 5 – тремя, 13 – четырьмя, 4 – пятью, 6 – шестью, 3 – семью, 1 – восемью. Среди этих учреждений преобладали прокатные и зерноочистительные пункты (36), случные пункты (28), показательные опытные поля и участки (20), библиотеки (24), сельскохозяйственные склады (14) и т. д. В меньшей степени в губернии были представлены сельскохозяйственные школы (2) и курсы (3), периодические сельскохозяйственные издания (3), показательные пасеки (3) и плодовые питомники (1) и т. д.⁶⁹.

Целью агрокультурных объединений являлось развитие и совершенствование сельского хозяйства (или его отдельной отрасли – животноводства, птицеводства, козоводства и т. д.) в районе своей деятельности (губернии или уезда). К основным формам работы этих обществ относилось: изучение условий ведения хозяйства (или развития определенной отрасли) в конкретной местности и разработка рекомендаций для повышения его эффективности, распространение сельскохозяйственных знаний среди населения с помощью чтения лекций и докладов, проведение сельскохозяйственных опытов (селекционных, с удобрениями и т. д.), устройство сельскохозяйственных библиотек, организация передвижных и стационарных выставок (по животноводству и птицеводству) с последующим награждением участников, закупка сельхозпродукции у крестьян по льготным ценам, посредничество при приобретении орудий труда и машин для аграриев, сдача сельскохозяйственной техники в аренду, бесплатная раздача се-

⁶⁷ Вестник Рязанского губернского земства. 1917. № 1. С. 47.

⁶⁸ Там же. С. 48.

⁶⁹ Там же. С. 49–50.

мян, племенных животных и птиц сельскому населению, открытие племенных случных пунктов, издание своих трудов и т.д.

Тем не менее, каждое сельскохозяйственное общество Рязанской губернии (даже в рамках одной специализации) имело свою собственную функциональную ориентацию: теоретическую или практическую, спортивно-развлекательную или научную, просветительную или производственно-бытовую. Например, члены Зарайского общества пчеловодства стремились повысить уровень образованности крестьян в области пчеловодства и оказывали помощь в сбыте продукции; Рязанский отдел Всероссийского общества птицеводства и Рязанское отделение Императорского общества козоводства в большей степени были ориентированы на селекционную работу и проведение выставок; Рязанское общество поощрения рысистого коннозаводства занималось преимущественно устройством спортивно-развлекательных мероприятий – конных бегов и скачек и т. д.

Близкими по структуре, роду и принципам деятельности к сельскохозяйственным объединениям были охотничьи и рыболовные общества, занимавшиеся просветительной, промыслово-развлекательной и природоохранительной работой и тоже находившиеся в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ.

В 1898 году в Рязани был открыт отдел Императорского общества правильной охоты. Объединение, как указывалось в беседе корреспондента местной газеты с председателем общества К.Л. Ширинкиным (1911–1914), своей целью ставило организацию в Рязанской губернии правильной охоты, истребление хищных зверей и охранение полезных животных⁷⁰.

Привилегированный характер общества подчеркивался довольно высокими ежегодными членскими взносами: для действительных членов – 30 рублей, членов-любителей – 15 рублей. Отсюда и преобладание в составе объединения представителей двух наиболее материально обеспеченных сословий – дворян и купцов. В 1911 году в обществе насчитывалось 70 человек (45 действительных и 25 любителей)⁷¹. Во главе объединения стоял совет.

Помимо членских взносов и пожертвований, касса общества пополнялась за счет штрафов и платы за охоту, а основные расходы включали платежи за аренду угодий (объединение пользовалось примерно 150 тысячами десятин в Рязанском, Спасском и Касимовском уездах) и жалованье сторожам (в 1911 году – 7 человек).

Общество вело серьезную борьбу с браконьерством, подняло вопрос об искусственном разведении вымирающей дичи, о признании некоторых угодий заповедными.

Новое самостоятельное общество охотников открылось в городе Егорьевске 15 декабря 1904 года. Это объединение уделяло внимание не только основным вопросам охотничьего производства, но и стремилось решить множе-

⁷⁰ Рязанская жизнь. 1911. 31 дек. № 26. С. 3.

⁷¹ Там же.

ство прикладных задач в смежных с ним областях, например, улучшение пород охотничьих собак, изучение и описание животных края, устройство тренировок по стрельбе и т. д.⁷²

Следует заметить, что Рязанское и Егорьевское объединения были наиболее крупными и известными, но помимо них на территории губернии действовало еще несколько более мелких (по охвату и количеству членов) охотничьих обществ и кружков.

Нельзя не сказать и о Рязанском обществе любителей рыболовства, устав которого был зарегистрирован 12 мая 1909 года. Среди членов-учредителей (всего 23 человека) – представители дворян, купцов и военных во главе с полковником Н.М. Острянским и князем А.Н. Оболенским. Организационная структура и устав данного объединения были очень схожи с таковыми Егорьевского общества охоты. Целью объединения являлось: 1) предоставлять своим членам возможность правильной и удобной рыбной ловли; 2) принимать меры к улучшению способов ведения рыбного хозяйства, распространению сведений о рыболовстве и рациональном содержании прудов и озер с целью предохранения рыбы от гибели, устройству выставок, конкурсов, публичных лекций, выдачу поощрительных аттестатов, похвальных отзывов, жетонов, дипломов и проч.; 3) устраивать заводы для искусственного разведения рыбы; 4) содействовать правительству в деле охранения рыбы от незаконных способов ловли⁷³.

Для достижения поставленных целей общество покупало и брало в аренду рыбные угодья, наблюдение за которыми осуществляли избранные из числа членов общества контролеры.

Стараниями правления у общества к 1911 году уже были собственная пристань и лодки на Оке, а также на Уржинском и Великом озерах. Численность членского состава к этому времени возросла до 50 человек. Эффективно шла борьба с браконьерством. По предписанию губернатора при содействии полиции обществом были уничтожены заграждения из кольев (заколы), устраиваемые крестьянами в притоках Оки во время нереста. Кроме того, благодаря усилиям членов объединения было организовано наблюдение за размером клеток в рыболовных снастях и введен запрет на продажу на базарах маломерной рыбы, что препятствовало истощению рыбных ресурсов и способствовало развитию рационального рыболовства в губернии⁷⁴.

Из представленной характеристики промысловых обществ видно, что эти объединения в большей степени занимались практической деятельностью по своей специализации (спортивно-охотничьей и природоохранительной), и в меньшей – просветительной работой с населением губернии.

Просвещение населения было одной из задач и для различных творческих объединений – литературно-музыкально-драматических обществ и кружков, а также для очень схожих с обществами трезвости добровольных организаций

⁷² ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3928. Л. 22.

⁷³ Устав Рязанского общества любителей рыболовства. Рязань, 1909. С. 3.

⁷⁴ Рязанская жизнь. 1912. 3 янв. № 2. С. 3.

сферы досуга – обществ устройства народных развлечений. Однако основное внимание этих объединений было направлено на обеспечение приятного общения и культурного времяпрепровождения для их участников и посетителей.

Подводя общий итог изучению деятельности общественных объединений в Рязанской губернии на рубеже XIX–XX веков, следует отметить, что, несмотря на разную степень осуществления ими просветительной деятельности, можно судить о значительном вкладе добровольной организованной инициативы в развитие рязанской науки, повышение уровня медицинского обслуживания населения, а также распространение среди рязанцев полезных знаний в области сельского хозяйства и охраны природных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО) [Текст]. – Ф. 4. – Оп. 870. – Д. 5 ; Ф. 5. – Оп. 3. – Д. 3282, 3500, 3569, 3601, 3786, 3854, 3910, 3928, 3962, 3994, 4001, 4047 ; Ф. 5. – Стол 4. – Оп. 5. – Д. 2225.
2. Годовой отчет совета рязанского общественно-педагогического кружка за 1914 г. [Текст]. – Рязань, 1915.
3. Обзор двадцатипятилетней деятельности Рязанского отдела Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства [Текст]. – Рязань, 1916.
4. Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования [Текст]. – Рязань, 1908.
5. Отчет о деятельности Рязанского попечительства о народной трезвости за 1901 г. [Текст]. – Рязань, 1903.
6. Отчет правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. (2-й год) [Текст]. – Рязань, 1902.
7. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1891–1893 гг. [Текст]. – Рязань, 1893.
8. Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. [Текст]. – Рязань, 1912.
9. Устав Рязанского губернского общества пчеловодства в г. Рязани [Текст]. – Рязань, 1916.
10. Устав Рязанского общества любителей рыболовства [Текст]. – Рязань, 1909.
11. Устав Рязанского общественно-педагогического кружка [Текст]. – Рязань, 1914.
12. Вестник Рязанского губернского земства [Текст]. – 1917. – № 1.
13. Рязанский вестник [Текст]. – 1905. – № 47.
14. Рязанская жизнь [Текст]. – 1911. – № 26 ; 1912. – № 2, № 3 ; 1913. – № 28 ; 1914. – № 15.
15. Образование [Текст]. – 1898. – № 9.
16. Довженко, И.Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение [Текст] // Историческая география России. XII – начало XX в. – М. : Наука, 1975. – С. 207–217.
17. Иконников, В.С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890) [Текст]. – Киев, 1892. – 36 с.

18. Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии России [Текст]. – Н. Новгород : Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. – 118 с.
19. Максимов, Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения [Текст]. – СПб., 1903. – 137 с.
20. Нейдинг, И. Медицинские общества в России [Текст]. – М., 1897. – 83 с.
21. Попов, И.П. Создание Рязанской ученой архивной комиссии [Текст] // Два века рязанской истории. – Рязань, 1991. – С. 84–87.
22. Проходцов, И. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии в первое двадцатипятилетие (1884–1909 г.) [Текст] // Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909 гг.). – Рязань, 1911. – С. 1–25.
23. Селиванов, А.В. Об основании и первых шагах деятельности Рязанской ученой архивной комиссии [Текст] // Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909 гг.). – Рязань, 1911. – С. 1–33.
24. Синельникова, Т.П. Деятельность Рязанской губернской архивной комиссии по созданию исторического архива [Текст] // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во второй половине XIX века. – Рязань, 1988. – С. 89–94.
25. Толстов, В.А. Рязанская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции [Текст] : автореф. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2003. – 23 с.
26. Чекурин, Л.В. А.И. Черепнин – руководитель Рязанской ученой архивной комиссии [Текст] // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX – начале XX в. – Рязань, 1981. – С. 101–119.

О.Ye. Safonova

THE EDUCATION ASSOCIATIONS OF THE RYAZAN PROVINCE IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The paper is based on the documents of the State archive of the Ryazan region. It centers on the formation and development of secular educational, scientific, and medical associations in the Ryazan province of the late 19th – early 20th centuries. The paper analyzes the number of associations, their financial welfare, their major activities.

governor, voluntary associations, government, Ryazan province, regulations

УДК 9(42)+947

А.И. Минаев

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РАДИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Радикальная политическая мысль России середины XIX века уделила большое внимание изучению проблем британского парламентаризма. В целом для нее был характерен критический подход к парламентскому строю в Великобритании и особенно к половинчатому и непоследовательному реформизму. Пытаясь выработать методы изменения социально-экономического строя России, ликвидации ее самодержавной системы, представители этого направления не считали возможным применение британского опыта преобразований к отечественной действительности и склонялись к более решительной, революционной стратегии.

Россия, Великобритания, середина XIX века, политическая мысль, радикализм, конституционализм, парламентаризм, реформизм, избирательное право.

Критический подход к проблемам британского парламентаризма и возможности использования внутривнутриполитического опыта этой страны в России был характерен для отечественных революционеров-демократов. Политическая позиция А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского и других в отношении анализа государственной структуры Великобритании выражала общие подходы, сложившиеся в русле декабристских традиций изучения европейской истории и социальных структур. Вслед за декабристами революционеры-демократы середины XIX века, размышляя о судьбах России, ее будущем государственном строе, внимательно изучали европейский конституционализм, анализировали его британский вариант. При этом они опирались на сложившиеся в социально-политической мысли Европы просветительские традиции в отношении Великобритании, идущие от Джона Локка (1632–1704), Шарля Монтескье (1689–1755) и других просветителей.

Вместе с тем русские радикалы анализировали британские конституционные и парламентские структуры и институты в условиях, которые принципиально отличались от эпохи европейского Просвещения. Для них были важны прагматические задачи, связанные с их общественно-политической борьбой за реформирование социально-экономической структуры России. Революционеры-демократы отлично понимали, что в условиях крушения российского крепостничества страна неизбежно окажется перед альтернативным выбором своего нового пути развития, новых форм государственного строя.

В целом для А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева было характерно критическое в большей или меньшей степени отношение к буржуазной демократии и парламентаризму. Так, например, Николай Александрович Добролюбов (1836–1861), выражая свои взгляды на этот счет, писал: «Европа... превратилась теперь в “говорильню”, как перевел бы покойный Шишков слово “парламент”»¹.

Однако, даже исповедуя подобные взгляды, склоняясь к неизбежности революции в условиях России, обойти своим вниманием британский парламентаризм XIX века, давший наиболее яркий пример государственно-правовых пре-

¹ Добролюбов Н.А. Из Турина // Полн. собр. соч. : в 6 т. М., 1941. Т. 5. С. 78.

образований ненасильственного характера, удержавший страну в рамках конституционного порядка, они не могли.

Предваряя анализ взглядов видных представителей радикального направления общественной мысли России середины XIX века на обозначенный предмет, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на общее преобладание негативных оценок британского парламентаризма, у каждого из них обнаруживаются свои нюансы. Спектр мнений на этот предмет достаточно широк – от умеренно критического у А.И. Герцена и Н.П. Огарёва до крайне негативного у Н.А. Добролюбова.

Проблемы британского парламентаризма XIX века внимательно изучал Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889). В связи с этим большой интерес представляют его ежемесячные обзоры «Политика», публиковавшиеся в журнале «Современник» в 1859 году, и некоторые публицистические статьи.

Интерес Н.Г. Чернышевского к британскому парламентаризму был вызван, как и у других радикалов, стремлением найти метод преобразований в собственной стране. Абсолютную монархию Романовых Н.Г. Чернышевский считал реакционной формой государственного правления. Отсюда неслучайно внимание Н.Г. Чернышевского к Великобритании – стране, в которой в первой половине XIX века были сделаны первые шаги на пути буржуазно-демократических преобразований, связанные, прежде всего, с парламентской реформой 1832 года.

Великобритания середины XIX века представлялась многим современникам страной классических демократических свобод. Из всех западноевропейских государств именно она вызвала наибольшие симпатии русских либералов, которые видели в ней страну с государственным устройством, достойным подражания. Подобная идеализация британской конституции идейными противниками демократов, не желавшими замечать ее ограниченного характера, заложенных в ней противоречий, явного несоответствия буржуазному по своей сути социально-экономическому развитию Великобритании середины XIX века, заставляла Н.Г. Чернышевского полемизировать с ними, критиковать их преклонение перед государственным строем стран Запада. «Всякая ложь вредна, – писал он. – Зачем нам оставаться в фактической уверенности, будто бы Западная Европа – земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?»².

Н.Г. Чернышевский рассматривал историю Великобритании первой половины XIX века в русле общеевропейского развития, показывая при этом тесную взаимосвязь между событиями, происходившими на континенте и на Туманном Альбионе. «Со времени падения Наполеона, – писал он, – два раза Западная Европа подвергалась общему изменению, и оба раза переворот на материке совпал с великими реформами в английских учреждениях»³. Н.Г. Чернышевский обращал внимание на то, что революция 1830 года во Франции ускорила парла-

² Чернышевский Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство // Избр. экон. произв. М., 1948. Т. 1. С. 97.

³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника» // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 6. С. 15.

ментскую реформу 1832 года, а европейским революциям 1848 года предшествовала отмена хлебных законов в 1846 году.

Такую близость во времени между событиями Н.Г. Чернышевский считал отнюдь не случайной и объяснял ее общей буржуазной направленностью исторического процесса в континентальной Европе и в Великобритании, а также взаимовлиянием их общественных настроений. «Состояние общественного мнения в Англии имеет такую громадную силу над общественным мнением континента, что горячее настроение английской жизни к радикальным переменам служит значительным подкреплением для таких же настроений на материке и, наоборот, Англия теперь так связана с континентом, что господствующее на нем стремление отражается на англичанах»⁴.

В силу тесной связи с предметом данного исследования небезынтересна концепция исторического прогресса в целом, предложенная Н.Г. Чернышевским. В ее основу им был положен закон так называемой «физической смены поколений», для которой, по его мнению, необходимо около пятнадцати лет. «Чтобы совершилось в обществе что-нибудь важное, новое, – отмечал он, – нужно большинству общества составиться из новых людей, силы которых не изнурены участием в прежних событиях, мысли которых сложились уже на основании достигнутого их предшественниками результата, надежды которых еще не обрезаны опытом»⁵. Подобные представления о движущих силах исторического прогресса являются поверхностными, идеалистическими. Безусловно, человеческий фактор, роль отдельных личностей оказывают влияние на поступательное развитие общества, однако доминантой социальных и политических изменений, особенно на этапе окончательного утверждения капиталистических отношений, который в Великобритании пришелся на первую половину XIX века, являлись факторы социально-экономические. Подобные воззрения Н.Г. Чернышевского вызвали преждевременное ожидание новой парламентской реформы в Великобритании в 1859 или 1860 годах⁶.

Возвращаясь к оценке Н.Г. Чернышевским британского парламентаризма середины XIX века, подчеркнем, прежде всего, ее последовательно критический характер. Британцы, по его мнению, к этому времени при всей «...прочности своих важных приобретений» еще далеко не достигли совершенства в своем общественно-политическом устройстве, и было «...в их жизни много чрезвычайно важных вопросов, еще не получивших удовлетворительного решения»⁷.

Обращаясь к парламентаризму начала XVIII века, Н.Г. Чернышевский показывал его ограниченный характер. Нижняя палата, не говоря уже о палате лордов, представляла собой сосредоточение аристократических интересов. «В палате общин, – писал Н.Г. Чернышевский, – из десяти членов девятеро назначаются вовсе не нацией, а несколькими лордами и обязаны подавать голо-

⁴ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16–17.

⁷ Там же. С. 83.

са, как прикажут им хозяева»⁸. Подобное «народное» представительство не могло выражать интересов всей нации.

В XVIII веке британский парламент, за которым стоял лишь узкий слой земельной аристократии, по мнению Н.Г. Чернышевского, являлся наиболее слабым и неэффективным звеном государственного механизма страны. «...Ни министры королевы Анны, – писал он, – ни министры Георга I не хотят подчиняться парламенту, а, напротив, или подкупают его, или, если не удастся подкупить, просто-напросто не слушают его и распоряжаются государственными делами как сами хотят»⁹. Подобное пренебрежение к парламенту в Великобритании со стороны исполнительной власти и отсутствие у него претензий на повышение своего политического статуса в XVIII веке можно объяснить тем, что в то время между двумя ветвями государственной власти, аристократическими по своему характеру, практически не было явных противоречий, которые могли бы осложнить взаимоотношения между ними.

Начало XIX века являло примерно ту же картину. Как отмечает Н.Г. Чернышевский, «в 1820 году праправнук, начинающий жить, находит свою родину во власти обскурантов и реакционеров, давно уже господствующих в ней»¹⁰. После окончания Наполеоновских войн ситуация в Великобритании начинает меняться. Бурное развитие промышленного производства, экономический подъем порождают социально-политические противоречия, которые частично могли быть разрешены посредством парламентской реформы, расширяющей избирательный корпус страны. По образному выражению Н.Г. Чернышевского, «...избыток угнетения пробуждает нацию от долгой политической дремоты, и возникает стремление к реформам»¹¹. Результатом этого «пробуждения» и стала парламентская реформа 1832 года.

Первая парламентская реформа носила половинчатый, компромиссный характер. Главной ее задачей являлось достижение между земельной аристократией и буржуазией прочного союза, направленного против широких народных масс страны, заметно активизировавшихся в предреформенные годы. На эту ее важнейшую особенность указывал Н.Г. Чернышевский, писавший, что реформа, «...необходимость которой чувствовалась по крайней мере уже лет сорок...», была проведена в «...жалком размере». «Палата общин, – подчеркивал он, – по-прежнему осталась представительницей почти одного только аристократического интереса; не только простолюдины не приобрели доступа в нее своим депутатам, но и среднее сословие, которое в Англии богаче, просвещеннее и многочисленнее, нежели где-нибудь, почти не имело в ней голоса...»¹².

Последствием реформы 1832 года стало перенесение центра тяжести в парламенте в палату общин, которая после расширения социального состава электората стала казаться британцам выразительницей интересов более широких

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

слоев общества, чем это было прежде. Данное обстоятельство подмечал и Н.Г. Чернышевский. Лордов, которые формально не представляли никого, кроме самих себя, поскольку они назначались в верхнюю палату короной, он называет палатой, «...хорошо чувствующей не слишком большую важность свою»¹³.

Н.Г. Чернышевский отмечал, что, несмотря на серьезные изменения избирательного права, проведенные в ходе реформы 1832 года, она оставила палату общин по-прежнему во власти тори и виггов, которых он называл «истинными владыками Англии»¹⁴. Только к концу 50-х годов XIX века, по его мнению, оформилась независимая от них «партия, служащая представительницей среднего сословия»¹⁵, в которой стали вновь преобладать реформаторские настроения.

Н.Г. Чернышевский подробно останавливался на тех устаревших институтах избирательного права Великобритании, которые, по его справедливому мнению, подлежали неременному упразднению, что должно было послужить делу демократизации парламентского строя. Именно борьба вокруг них определяла долгие годы формально-юридический аспект развития парламентаризма в стране. Он указывал также на продолжительность срока полномочий палаты общин. По старинным обычаям продолжительность одного и того же парламента не ограничивалась и зависела только от воли короля. По закону парламент не мог пережить только смерти того короля, при котором он был избран. При Карле II (1660–1685) работа одного из парламентов, на что обращал внимание Чернышевский, продолжалась 17 лет. При Вильгельме III (1689–1702) по статуту, называвшемуся трехгодичный закон (Triennial act), было установлено, что один и тот же парламент не может действовать более трех лет, и именно на этот срок стали избирать членов палаты общин. В середине XIX века согласно закону, принятому еще при Георге I (1714–1727), срок полномочий каждого парламента ограничивался семью годами (Septennial act). Сократить срок действий парламента могла, как и прежде, только смерть короля. Сторонники преобразований требовали сокращения этого срока. Н.Г. Чернышевский объяснял их требование тем, что в XVIII веке назначение огромного большинства членов палаты общин зависело от лордов и частая смена парламентов не способствовала самостоятельности депутатов, «...которые только долгим сроком выборов избавлялись от произвола своих патронов»¹⁶. Такое положение продолжалось до реформы 1832 года, которая, увеличив представительство от городов, ввела в палату общин значительное число независимых от патронов депутатов. Н.Г. Чернышевский отмечал, что, несмотря на эти положительные изменения, на избрание большинства депутатов все еще оказывали влияние лендлорды или избрание проходило «просто по их назначению». «Новая реформа, – писал он, – намерена положить конец этому введением тайной баллотировки и другими изменениями. <...> Тогда большинство палаты общин будет состоять из людей истинно незави-

¹³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 176.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 38.

симых, и более частые выборы будут принуждать их соотноситься не с желаниями каких-нибудь патронов, как было прежде, а с потребностями их избирателей, также делающимися независимыми от патронства, т. е. быть верными представителями общественного мнения»¹⁷. Н.Г. Чернышевский вспоминал о чартистах, которые первым пунктом из шести своей знаменитой Народной хартии провозглашали ежегодные выборы палаты общин. Таким образом, сокращение сроков полномочий парламента, введение тайного голосования за кандидатов, по справедливому мнению Н.Г. Чернышевского, должны были способствовать демократизации палаты общин.

Другую задачу Н.Г. Чернышевский видел в введении равных по числу избирателей округов: «Если в одном округе избирателей одна тысяча, а в другом десять тысяч, то второй округ должен выбирать десять депутатов, а первый только одного»¹⁸. В Великобритании, как было показано выше, в середине XIX века представительство в парламенте от разных территорий было распределено крайне неравномерно. «...Избирательные округа назначают известное число депутатов, – писал Чернышевский, – вовсе не по пропорции к числу своего населения, как во всех европейских государствах и в Америке, а просто каждый округ... выбирает известное число депутатов, одно и то же в самых маленьких и в самых больших округах»¹⁹.

Н.Г. Чернышевский обращал внимание и на то обстоятельство, что в графствах голоса избирателей, получавших ежегодный доход в размере 50 фунтов стерлингов с арендованных земель, находились под жестким контролем крупных землевладельцев. «Почти вся земля в Англии, – отмечал он, – сосредоточена, как известно, в руках нескольких сот аристократов, и эти немногочисленные богатые землевладельцы назначают всех, так называемых депутатов графств, то есть почти две пятых части всего числа депутатов, составляющих палату общин»²⁰.

Представительство от городов в середине XIX века, как известно, также было далеким от совершенства, что не осталось незамеченным Н.Г. Чернышевским. В Великобритании сохранялись еще города с числом избирателей менее 500 в каждом и «...эти 59 городов, имея всего 20 076 избирателей и всего населения не более 373 000, посылают в парламент 89 депутатов, между тем как Ливерпуль, один, имеющий большее число жителей и избирателей, нежели все они вместе, назначает только двух депутатов»²¹.

По мнению Н.Г. Чернышевского, введение равных избирательных округов имело двоякую цель: «...во-первых, уменьшить зависимость палаты общин от аристократических землевладельцев, и без того уже имеющих слишком значительную долю в законодательной власти по своему званию членов палаты лор-

¹⁷ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 39.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же. С. 40–41.

дов. Во-вторых, уничтожить странную неравномерность числа депутатов с числом населения в разных избирательных округах»²².

Еще один ярко выраженный недостаток избирательного права Н.Г. Чернышевский связывал с условиями, необходимыми для избрания в парламент. Он справедливо замечал, что обязанность члена палаты общин, «действительно исполняющего свой долг», отнимает чрезвычайно много времени, «поэтому необходимым дополнением к другим преобразованиям является назначение жалования членам палаты общин». Эта мера помогла бы стать депутатами многим людям «...без состояния, но дорожающим своей независимостью»²³.

Выделив эти вопиющие противоречия избирательного права Великобритании середины XIX века, Н.Г. Чернышевский подвел весьма неутешительный итог: в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии насчитывается около 7 миллионов взрослых мужчин, из них до сих пор только одна шестая часть пользуется правом подавать голос на выборах²⁴. Тогда же, в 1859 году, Н.Г. Чернышевский отмечал назревшую необходимость новой реформы избирательного права, указывал, что все реформаторские силы – «...хартисты, радикалы и манчестерская школа» – солидарны в том, чтобы «каждый взрослый англичанин без всякого различия состояния сделался избирателем»²⁵.

Недостатки британского парламентского строя, со всей очевидностью выявившиеся к середине XIX века, с точки зрения Н.Г. Чернышевского, объяснялись его средневековыми основами, которые в течение длительного времени оставались неизменными. «Английские учреждения сложились так давно, – подчеркивал он, – что многое в них от изменения обстоятельств утратило смысл... вошло в рутину»²⁶. Немаловажную роль в сохранении старых конституционных обычаев, по его мнению, играл консерватизм большинства британцев, привыкших созерцать свои государственно-правовые институты в неизменном виде. Н.Г. Чернышевский обращал внимание, например, на то, что подача голосов на выборах за того или иного кандидата посредством записи имен кандидатов в реестр ведет свое начало с тех времен, когда баллотировки еще не знали. «Теперь лучшее (тайная подача голосов. – А.М.) отвергается потому, что привыкли к прежнему хорошему, образовавшемуся в дурное с течением времени»²⁷.

Н.Г. Чернышевский, рассматривая британский парламентаризм середины XIX века, отнюдь не питал иллюзий, что в случае устранения формальных его недостатков парламент станет подлинно народным представительством. Он критически относился к парламентской системе в целом и, очевидно, не видел перспектив для ее возможного утверждения в России. Основой политической власти буржуазии в странах Западной Европы Н.Г. Чернышевский считал ее экономическое могущество. По его мнению, участие в парламенте представителей от

²² Там же. С. 41.

²³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 42.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же.

трудящихся не могло дать им реальной политической власти, поскольку не было подкреплено экономической состоятельностью. «Дело не в том, – писал он, – представлено ли формальными условиями влияние на государственную жизнь; дело в том, находится ли сила иметь такое влияние; если она находится, то она обнаружит свое действие, каковы бы ни были формальные условия»²⁸.

Суммируя взгляды Н.Г. Чернышевского на проблему, отметим, что он дал всестороннюю обоснованную критику британского парламентаризма середины XIX века, вскрыл его ограниченность. «Мнение народа и решение парламента – две различные вещи, очень часто нимало не сходные при нынешней системе выборов и нынешнем распределении депутатов», – писал Н.Г. Чернышевский о британском парламенте, вынося приговор его сущности²⁹.

Сквозь призму своего критического осмысления парламентаризма в целом, негативного отношения к непоследовательному, половинчатому буржуазному реформизму Н.Г. Чернышевский предстает как сторонник более радикальных, революционных методов преобразования государственного строя и общества.

Изучение взглядов на британский парламентаризм крупнейшего представителя русской революционно-демократической мысли XIX века Александра Ивановича Герцена (1812–1870) нуждается в новых подходах. В советской историографии этот вопрос освещался односторонне. А.И. Герцен был представлен последовательным критиком как буржуазной демократии в целом, так и ее британского варианта³⁰. Однако, по нашему мнению, его воззрения на эту проблему отличались сложностью и многогранностью.

Действительно, в работах А.И. Герцена часто встречаются негативные оценки государственно-правовой системы Великобритании. «Парламентское правление... – писал он, – самое колоссальное беличье колесо в мире. Можно ли величественно стоять на одном и том же месте, придавая себе вид торжественного марша, как оба английских парламента?»³¹. А.М. Шапиро отмечал, что А.И. Герцен выделил «...такие черты, свойственные английскому парламентаризму, как лицемерие, лживость и формальность, подчеркнув, что буржуазная демократия пытается выдать форму за сущность»³². И это замечание представляется вполне обоснованным.

Вместе с тем у А.И. Герцена мы обнаруживаем конструктивные оценки британских государственных и правовых институтов, которые не вписывались в односторонний подход советских историков. Так, мыслитель противопостав-

²⁸ Чернышевский Н.Г. Нынешние английские виги // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 403.

²⁹ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 142.

³⁰ Мелентьев Ю.С. Революционная мысль России и Запад (русские революционеры-демократы о капитализме и буржуазной демократии). М., 1966 ; Шапиро А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. // Ученые записки. Выпуск исторический / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1960. Т. 68. С. 157–169 ; Инукирвели Г.З. А.И. Герцен – критик буржуазной демократии // Советское государство и право. 1952. № 4. С. 48–55 ; и др.

³¹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. 10. С. 128.

³² Шапиро А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. С. 162.

лял конституционную законность британского государственного строя и судопроизводства беззакониям бонапартистской диктатуры во Франции. По его мнению, «...два краеугольных камня всего английского быта: личная независимость и родовая традиция – для француза почти не существуют»³³. Француз не видит «...той суровой мощи, которую народ этот отстоял свои права, того упрямства, вследствие которого из англичанина можно все сделать, льстя его страстям, – но не раба, веселящегося галунами своей ливреи, восхищающегося своими цепями, обвитыми лаврами»³⁴. Для француза непонятны те основы, на которых покоится британское государство, в частности, «...мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся...»³⁵.

Более того, мы находим у А.И. Герцена глубоко уважительное отношение к многовековому «зданию» британской конституции, превосходящему своей прочностью «причесанный кодекс» Наполеона. Имея в виду воображаемого француза, оказавшегося в Великобритании, А.И. Герцен писал: «Он теряется в несметном разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелести, поэзии, смысла в самом разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревцами и с полицейскими садовниками на каждой аллее»³⁶.

В то же время А.И. Герцен полагал (и с этим нельзя не согласиться), что британское государство, в котором был заложен положительный многовековой опыт борьбы за ограничение произвола власти по отношению к собственникам, отнюдь не выражал интересы всего народа. Между властью и широкими массами, лишенными собственности, лежала непреодолимая пропасть. Разбирая книгу Дж. Ст. Милля «О свободе» А.И. Герцен указывал на то, что в Англии «...самое правительство по той мере мощно, по какой оно служит органам господствующей среды и понимает ее инстинкт»³⁷. Саму же эту «господствующую среду» здесь «...составляет среднее сословие»³⁸.

А.И. Герцен считал, что дальнейший прогресс британского парламентаризма связан с активностью народа, который выступал за политическое равноправие с аристократией и буржуазией. В случае, если народные массы не добьются желаемого, перспективы внутривнутриполитического развития Великобритании представлялись А.И. Герцену весьма мрачными. Он обоснованно разделял опасения Дж. Ст. Милля о том, что при неблагоприятном для трудящихся исходе внутривнутриполитической борьбы в стране может установиться неограниченный диктат государства над своими подданными деспотического, «китайского» образца при сохранении видимости парламентаризма и буржуазной демократии. «Если народ и в Англии будет побит, – писал А.И. Герцен, – как

³³ Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. С. 30.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 63.

³⁸ Там же.

в Германии во время крестьянских войн, как во Франции в Июньские дни, – тогда Китай, пророчимый Стюартом Миллем, не далек (имеется в виду возможный деспотизм власти по отношению к английскому обществу. – А.М.). Переход в него делается незаметно, не утратится... ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*»³⁹.

Таким образом, А.И. Герцен, будучи величайшим мыслителем, не мог не признать ценность и уникальность британского парламентаризма, ставшего плодом многовекового развития государства, но вместе с тем, критикуя современное ему состояние политических институтов этой страны, считал необходимым их дальнейшую демократизацию, движущей силой которой должны были стать трудящиеся массы.

Заметное место проблемы развития британского парламентаризма занимают в творческом наследии друга и соратника А.И. Герцена Николая Платоновича Огарёва (1813–1877). Анализ государственной структуры Великобритании у него был тесно связан с анализом исторического развития страны. «Английская конституция, – писал он, – в самом деле представляет тот *состав*, в который Англия выработалась всей своей исторической жизнью...»⁴⁰.

Н.П. Огарёв показал исторический путь формирования британского парламентаризма начиная с XIII столетия вплоть до XIX века. Он обращал внимание на то, что со времени принятия Великой хартии вольностей в 1215 году главные бароны (*barones majores*) отличались от меньших баронов (*barones minores*) родом поземельной собственности и формой приглашения на заседания парламента. К меньшим баронам присоединились представители городов (*burgesses*), число которых в парламенте по мере социального развития Англии все увеличивалось⁴¹. Тем, что в Англии выработалось «два представимых элемента» – «собственность феодальная, поземельная, неотчуждаемая, и собственность приобретенная...»⁴², Н.П. Огарёв и объяснял возникновение двухпалатного парламента. Первый элемент обусловил появление охранительной, опирающейся на старые традиции и отношения верхней палаты – палаты лордов, второй – более динамичной, восприимчивой к меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям палаты общин, «...палаты людей, имеющих всякого рода свободную отчуждаемую собственность, следовательно, выбираемых в представительство теми, которых собственность не ниже установленного ценза»⁴³.

Н.П. Огарёв справедливо полагал, что поступательное развитие парламентаризма способствовало поступательному развитию всей государственно-правовой системы. «Парламентаризм, – писал он, – рос рука об руку с ростом обычно-

³⁹ Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. С. 67.

⁴⁰ Огарёв Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и земский собор // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 613.

⁴¹ Там же. С. 613–614.

⁴² Там же. С. 614.

⁴³ Там же.

го права, упрочением неприкосновенности лица, независимости судебных учреждений...»⁴⁴.

Н.П. Огарёв показал всю глубину той трансформации, которая охватила государственный механизм Великобритании в XIX веке и нашла свое наиболее яркое выражение в парламентских реформах, способствовавших вовлечению буржуазии в управление страной. «В сущности, и в Англии... власть принадлежит буржуазии, – подчеркивал он, – то есть тому среднему сословию, которое, разжившись за счет народа, опрокинуло феодализм, а само отделилось от народа»⁴⁵. Для Н.П. Огарёва совершенно очевидно, что первыми плодами совместной борьбы трудящихся и буржуазии за свое политическое равноправие, против монополии аристократии на власть в стране воспользовалось только «третье сословие», предавшее своих недавних союзников и разделившее власть со своим недавним противником – аристократией. Все это наглядно продемонстрировала реформа 1832 года.

Вслед за деятелями европейского Просвещения Н.П. Огарёв считал чрезвычайно важным государственным принципом принцип разделения властей, который он находил в должном объеме в британской конституции. Им был проанализирован путь формирования принципа разделения властей в его британском варианте. Оценивая роль королевской власти в государственном строе Великобритании середины XIX века, Н.П. Огарёв отмечал, что королевская власть, уступая все более усиливающемуся в результате проводимых преобразований парламентаризму, свелась к роли «центральной управы королевства, исполнительной власти, подчиненной парламенту»⁴⁶. Оставаясь по форме конституционной монархией, страна фактически получила правление кабинета, который нес политическую ответственность за свои действия перед палатой общин. В этом и нашло свое выражение разделение властей, выгодно отличавшее Великобританию от государств с неограниченной властью монарха. «Таким образом, выросла из состава целой исторической жизни конституция олигархо-буржуазной республики с монархическими формами»⁴⁷.

Как революционер-демократ, Н.П. Огарёв обращал особое внимание на роль народных масс в процессе становления конституционных форм в Великобритании, выделяя при этом роль среднего сословия. «Английская конституция, вышедшая из английской революции, была делом буржуазии, работавшей долго... против феодализма и монархической власти, и английская конституция, несмотря на камеру лордов и некоторые средневековые формы, есть правление страны посредством буржуазного парламента»⁴⁸. Таким образом, оставаясь верным своим взглядам, Н.П. Огарёв именно революции XVII столетия отводил

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Огарёв Н.П. Ответ на письмо малороссийского помещика // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 327.

⁴⁶ Огарёв Н.П. Расчистка некоторых вопросов. С. 614.

⁴⁷ Там же. С. 615.

⁴⁸ Огарёв Н.П. Ответ на «Ответ «Великорусу» // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 542.

важнейшую роль в длительном процессе формирования британской демократии и парламентского строя, а реформы XIX века при этом оставлял в тени.

Считая британскую демократию порождением буржуазной революции, Н.П. Огарёв вместе с тем не мог не видеть ее ограниченности. Эта ограниченность, по его мнению, определялась самим характером английской революции и последовавшей за ней индустриализацией страны. Разорение британских крестьян и формирование мануфактурного, а вслед за ним промышленного пролетариата наложило свой отпечаток на британское государство, особенно на его судебную-правовую систему. По мнению Н.П. Огарёва, она стала наиболее характерным выражением социального неравенства и социальной несправедливости, которые невозможно было упрятать за великолепным внешним фасадом британского государства. Он отмечал, что бедный человек был не в состоянии даже начать отстаивать свое право в суде. Суд и правосудие существуют в Великобритании только для меньшинства, поскольку суд присяжных стоит очень дорого и назначается только для самого небольшого числа дел. Сами присяжные избираются из числа собственников, и несобственник может ожидать «...не суда, а только осуждения». Покупка судебных, административных и даже военных мест, которая в других странах является преступлением, здесь признается законной⁴⁹.

Н.П. Огарёв критически оценивал современный ему социально ограниченный британский парламентаризм. Он отлично понимал, что британский парламент – это парламент землевладельцев и буржуазии: «...интересы собственников дошли до того развития, что парламент, их представитель, сделался формальным собранием»⁵⁰. Такая оценка очень созвучна с мнением Н.Г. Чернышевского. Вместе с тем Н.П. Огарёв отмечал, что уже первая парламентская реформа, проведенная в Великобритании в 1832 году, была крупным шагом вперед на пути демократизации британского парламента и формирования демократического народного представительства.

Таким образом, подход Н.П. Огарёва к оценке британского парламентаризма нельзя считать однозначным. Он скорее позитивно оценивал потенциальные возможности, заложенные в парламентской системе, чем действительное социально-политическое состояние Великобритании в середине XIX века.

Другой представитель радикального направления общественной мысли России Н.А. Добролюбов главной социально-экономической причиной изменений британского парламентаризма, начатых реформой 1832 года, справедливо считал бурное развитие капитализма, результатом которого стало то, что «...среднее сословие выдвигалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией»⁵¹.

⁴⁹ Огарёв Н.П. Русские вопросы. Крестьянская община // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 148–149.

⁵⁰ Там же. С. 149.

⁵¹ Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Собр. соч. : в 9 т. М., 1962. Т. 4. С. 21.

Экономическое процветание британской буржуазии, способствовавшее росту ее политических амбиций, стало реальностью, после того как «...в конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта. (...) Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового двигателя, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы»⁵². Для Н.А. Добролюбова, как последовательного материалиста, были важны именно социально-экономические предпосылки внутривнутриполитических изменений в Великобритании XIX века.

Бурное развитие капитализма в конце XVIII – начале XIX века привело к неминуемому столкновению буржуазии с земельной аристократией, являвшейся до этого монополистом в управлении страной. На это указывал Н.А. Добролюбов: «Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности Англии. С одной стороны, была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой – капитал и индустриальные стремления»⁵³. При этом революционер-демократ Н.А. Добролюбов связывал начало внутривнутриполитического брожения в Великобритании и с влиянием Великой французской революции, развитие событий по варианту которой было совершенно неприемлемо для британского правящего класса. «...Аристократия, – писал он, – была ужасно встревожена демократическими тенденциями французской революции и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось в Англии»⁵⁴.

Н.А. Добролюбов отмечал, что по мере развития капитализма начались активные миграционные процессы, вызванные оттоком разорившихся британских крестьян в крупные промышленные центры. «Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов перед земледельческими, сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах...»⁵⁵. В связи с этим одной из острейших внутривнутриполитических проблем становилось политическое бесправие жителей городов, которые становились центрами экономической активности. За право посылать своих депутатов в палату общин все активнее в начале XIX века начинают выступать буржуазия и рабочие таких густонаселенных, промышленно развитых городов, как Манчестер, Лидс, Бирмингем и ряд других.

Начавшееся движение было приостановлено в связи с Наполеоновскими войнами, а после Реставрации во Франции правящие круги Великобритании, как отмечал Н.А. Добролюбов, «...увидели, что народ бояться нечего, и вздумали действовать против буржуазии. Торийское министерство до 1822 года представляет ряд стеснительных и обременительных законов, имевших целью ограничить развитие гражданской свободы преимущественно в средних классах»⁵⁶.

⁵² Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ. Т. 4. С. 21.

⁵³ Там же. С. 23.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

Однако с середины 20-х годов XIX века движение за расширение избирательного права становится необратимым. Английская буржуазия первоначально выступила в союзе с трудящимися массами страны против монополии на власть аристократии, поскольку капиталисты «...действительно в это время чувствовали нужду в поддержке масс для успеха в борьбе...»⁵⁷.

Ключевым событием в борьбе буржуазии за политическое равноправие Н.А. Добролюбов справедливо считал реформу 1832 года. При этом он справедливо отмечал ее ограниченный характер, подчеркивал, что плодами этой меры воспользовалась буржуазия страны, пополнившая ряды противостоящей бесправному народу политической элиты. Заигрывания с трудящимися фабриканты продолжали только до принятия «...билля о реформе 1832 года, придавшего им довольно прочное значение в парламенте и тем обеспечившего их и со стороны аристократии, и со стороны масс работников, о которых, впрочем на словах, они и после того не переставали заботиться»⁵⁸.

Негативное отношение к буржуазному парламентаризму, не отражавшему интересы широких народных масс, подкреплялось у Н.А. Добролюбова и отрицательным отношением к непоследовательному западноевропейскому реформизму в целом. «Желание помочь делу *как-нибудь* и *хоть сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдороги к цели, удовольствоваться полумерой в надежде, что потом *авось* это делается само собой, по неминуемым законам прогресса, – такое направление деятельности вовсе не есть исключительное свойство русского человека... Так поступают деятели всех народов»⁵⁹. Выступая сторонником радикальных преобразований, Н.А. Добролюбов полагал, что подобные реформе 1832 года «...*половинные* меры именно и оказываются фальшивыми»⁶⁰.

Для Н.А. Добролюбова западноевропейский реформизм был совершенно не пригоден в качестве возможного метода преобразований русского самодержавия и крепостничества. «Да, счастье наше, – писал он, – что мы позднее других народов выступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестной надеждой, что наш путь будет лучше. (...) А главное – мы можем и дальше идти решительнее и тверже...»⁶¹.

В статье «Подрастающая гуманность», опубликованной в 1865 году, резкой критике буржуазный либерализм подверг Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868). Статью свою он начинает с мысли о невозможности адаптации либеральных идей западноевропейского образца к русской действительности середины XIX века, высказывая ее с присущей ему иронией. «Последнее десятилетие нашей литературы, – пишет он, – было посвящено акклиматизированию ев-

⁵⁷ Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ. Т. 4. С. 24.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Добролюбов Н.А. От Москвы до Лейпцига И. Бабста // Собр. соч. : в 9 т. М., 1962. Т. 5. С. 468.

⁶⁰ Там же. С. 470.

⁶¹ Там же.

ропейского либерализма на обширных и холодных равнинах России или, другими словами, прививанию гражданских доблестей и гуманных идей к девственным умам и сердцам наших влюбленных соотечественников. Успех гуманизирующих операций превзошел самые смелые ожидания. Во всех наших городах и почти во всех наших селах уже томятся, изнывают, лепечут, грациозничают и миндальничают тысячи тщедушных субъектов, в которых все почтенные европейские либералы... будут принуждены узнать своих младших братцев, еще робких и неопытных, но уже способных выводить тоненьким дискантом некоторые модуляции общелиберального мяуканья»⁶².

Д.И. Писарев видел «главную» обязанность либерала лишь в том, чтобы «...всеми выражениями своей физиономии, всеми своими словами и всем внешним видом своих поступков...» демонстрировать «...постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великим идеям и интересам, которые возбуждают в нем почти такие же чувства, какие персидская ромашка возбуждает в клопе»⁶³. Д.И. Писарев плоды британского либерализма – парламентское представительство, избирательное право середины XIX века – саркастически называл «красотами английской конституции»⁶⁴. В этих жестких оценках и определениях, по нашему мнению, следует усматривать отрицание Д.И. Писаревым самой возможности адаптации парламентских форм и институтов к условиям российского самодержавия.

Анализ взглядов представителей радикального направления русской общественной мысли на проблемы британского парламентаризма требует, по нашему мнению, обращения к материалам первой русской бесцензурной политической газеты «Колокол».

Зарождение русской эмигрантской журналистики связано с основанием А.И. Герценом Вольной русской типографии в Лондоне. В 1853 году вышло литографическое обращение публициста «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», в котором сообщалось о скором открытии типографии. Свою цель он видел в том, чтобы стать «свободной бесцензурной речью» передовой России, чтобы «невывказанным мыслям... дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства»⁶⁵.

Обращение к материалам «Колокола» вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, издания демократического направления, публиковавшееся на родине, в силу цензурного контроля при освещении вопросов европейского политического процесса оставались, как правило, на позициях близких к либеральным. Во-вторых, издание «Колокола» в Лондоне помогало газете оперативно откликаться на британские события. В-третьих, в публикуемых материалах часто прослеживается сопоставление британской политической системы с российским самодержавием, что представляется особенно ценным. Наконец, «Ко-

⁶² Писарев Д.И. Подрастающая гуманность (сельские картины) // Собр. соч. : в 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 50.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 57.

⁶⁵ Цит. по: История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб., 2005. С. 478.

локол», из номера в номер печатавший статьи и заметки А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, помогает полнее представить воззрения этих выдающихся мыслителей на британский парламентаризм.

По приезде в Лондон Н.П. Огарёва в 1857 году было объявлено о готовящемся выходе газеты «Колокол». Сначала издание задумывалось как «прибавочные листы» к «Полярной звезде», однако в процессе подготовки превратилось в самостоятельную газету. «Колокол» просуществовал десять лет. В нашем исследовании нашли отражение материалы, опубликованные в период с 1857 по 1861 год, годы наивысшей популярности и влияния газеты, тираж издания которой достигал трех тысяч экземпляров⁶⁶.

Через английское книгоиздательство Н. Трюбнера, немецких книготорговцев А. Франка, Ф. Шнайдера, Р. Вагнера, Ф. Брокгауза и других, агентов английских торговых фирм, русских моряков, многочисленных посетителей А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, а также по тайным каналам польской эмиграции «Колокол» стал регулярно проникать в Россию, где расходился среди либерально настроенного дворянства, чиновничества, купечества, учащейся молодежи в столицах и провинции. «Колокол» читали в правительственных кругах и при дворе. «“Колокол”, – писал А.И. Герцен, – мы посылаем прямо государю»⁶⁷.

Многие отечественные мыслители полагали, что стабильность внутривнутриполитического процесса в Великобритании обусловлена в основном консерватизмом британцев, который является чуть ли не национальной особенностью и передается из поколения в поколение. Однако А.И. Герцен во втором номере «Колокола» совершенно справедливо отмечал, что этот консерватизм есть средство защиты тех устоев, которые стали следствием длительного, сложного и противоречивого развития государства и общества. «Народы, вживаются до того в вековые формы и обряды, что не понимают жизни в других формах, хотя бы они были лучше. Консерватизм Англии основан на этом, но для того, чтобы иметь эти обязательные воспоминания, надобно много прожить, надобно что-нибудь иметь для хранения»⁶⁸.

Длительная традиция политического компромисса в истории Великобритании предопределила эволюционный характер изменений в XIX веке, который выгодно отличал ее от стран континентальной Европы. «В то время, – писал А.И. Герцен в «Колоколе», – как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и в Ирландии и в колониях, с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине»⁶⁹. Для сохранения внутривнутриполитической стабильности, основ государственности властвующая часть британской политической элиты делала уступки требующим перемен силам всякий раз, когда ситуация грозила выйти из-под контроля. Вспоминая об отмене протекционистских хлебных законов,

⁶⁶ История русской журналистики XVIII–XIX веков. С. 479.

⁶⁷ Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. 18. С. 190.

⁶⁸ Колокол. 1857. № 2.

⁶⁹ Там же.

предвосхищая наделение правом голоса на выборах в парламент значительной части рабочих, А.И. Герцен подчеркивал: «Весь правительственный такт ториев и вигов состоит в умении упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Так, как Роберт Пиль переходом своим на сторону свободной торговли одержал экономическое Ватерлоо для правительства, так одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников голос и представительство»⁷⁰.

Н.П. Огарёв, который, как было показано выше, политический процесс в Великобритании теснейшим образом увязывал с ее социально-экономическим развитием, с особенностями английского феодализма, стремился объяснить британскую политическую специфику именно этими факторами. «Феодализм, – писал он в «Колоколе» в феврале 1858 года, – развил в Европе понятие чести и неприкосновенности лица; революции утвердили неприкосновенность собственности. Нигде феодализм не достиг такого развития, выросши и оставшись на основаниях сосредоточенного землевладения, как в Англии, и нигде понятие неприкосновенности лица не пустило такие глубокие корни в общественном мнении»⁷¹. Для Н.П. Огарёва именно личная неприкосновенность земельных собственников, зафиксированная еще в Великой хартии вольностей, стала краеугольным камнем аристократической государственности, вобравшей в себя корону и парламент и на долгое время подчинившей их своему контролю. Личные права и свободы для лиц, лишенных собственности, несмотря на их юридическое оформление, в том числе и в Habeas Corpus Act'e, стали простой формальностью. Развившись в эту сторону уважения к лицу, Англия достигла полной свободы лица умереть с голоду, а уважение к лицу означало только уважение для собственника, и понятие чести – тоже только для собственника⁷². Таким образом, для Н.П. Огарёва была совершенно ясна антинародная в социально-экономическом отношении сущность британской государственности. Права и свободы для большинства британцев не были подкреплены возможностями ими воспользоваться. Между их провозглашением и реализацией на практике лежала долгое время непреодолимая пропасть.

В том же номере «Колокола» А.И. Герцен обращал внимание на британский внутривластный либерализм, обеспечиваемый в немалой степени свободой прессы, которая часто спускала политических небожителей на землю, давала возможность читающей публике приблизиться к венценосным особам, видным политикам, почувствовать себя согражданами с ними. «Перелистуйте, – писал он, – лондонский Пунш (журнал «Punch». – А.М.), посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажен муж королевы – что же делает Виктория, что делает Альберт – глядят Пунш и смеются с другими. Вот лучшее доказательство, как совершеннолетна Англия. С другой стороны посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый сви-

⁷⁰ Колокол. 1857. № 2.

⁷¹ Там же. 1858. № 8.

⁷² Там же.

сток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах»⁷³. Британская политическая система оказывалась способной к самоиронии, поскольку в отличие от французской, основанной на подавлении политических свобод, была прочнее в силу уважения к ним.

В марте 1858 года в разделе «Смесь» А.И. Герцен с резкой критикой обрушился на газету «Русский инвалид», которая «...журиет Англию за то, что она еще не изменила тем великим началам, на которых выросла ее сила и слава...»⁷⁴. В полемическом задоре А.И. Герцен со свойственной ему прямоотой писал: «Англия единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей там давать советы, объявлять неудовольствие, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя розги, чтоб квартальные не дрались по улицам?

Учитесь лучше у Англии, да занимайтесь своим делом!»⁷⁵.

В августе того же года в заметке «Rappel a la Pudeur!» А.И. Герцен в таких же резких тонах высказался против позиции «Санкт-Петербургских ведомостей». «Мы, – писал он в двадцать первом номере “Колокола”, – с глубоким чувством жалости и отвращения читаем в английских газетах отрывки из “С. Петербургских ведомостей” против Англии и... лезть перед Францией. Как же это делается, что едва позволили вам говорить, так вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?»⁷⁶.

Обращает на себя внимание то, что критика А.И. Герцена была направлена на близкие к правительственным кругам издания, которые отнюдь не являлись выразителями общественного мнения, находившегося в России в предреформенные годы в эмбриональном состоянии. В данном случае мы имеем в виду не радикализм крестьянских масс, а конструктивную оппозицию, располагавшую печатными изданиями. В этой связи будет уместна параллель с британской действительностью середины XIX века. «Правительство, – писал А.И. Герцен в “Колоколе” в июле 1858 года, – никогда не бывает так мощно, как в согласии с общественным мнением. Легисты Англии, страны строжайшей законности, много раз выражали мысль: “исполнительная власть сильнее закона в тех случаях, где она встречается с народным желанием”»⁷⁷. По его справедливому мнению, воля народа в союзе с властью обретает способность творить новые конституционные формы и обычаи.

В своей критике российской действительности А.И. Герцен доходил, по нашему мнению, до крайностей. Мы имеем в виду то, что иногда он констатировал отсутствие у своих соотечественников в силу длительной отрешенности от политической жизни способности к государственному строительству и выработке адекватных общественному развитию политико-правовых форм, институтов и отношений. В статье «Россия и Польша», помещенной в «Колоколе» в марте

⁷³ Там же.

⁷⁴ Колокол. 1858. № 10.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. № 21.

⁷⁷ Там же. № 18.

1860 года, он писал: «Россия не дошла еще до такого гражданского русла, которое бы ей соответствовало, в котором было бы достаточно простору для обнаруживания всех или большего числа внутренних сил своих, т.е. она не дошла до такой органической формы государственной, как, например, Англия или Швейцария. У России и в прошедшем не было никогда такого быта, разве при киевском прорезывании зубов. Эта неспетость, уродливое кое-как учреждение вместе с праздною сил и дурным употреблением их избытка или ленивым усыплением их доказывает незрелость русского народа»⁷⁸.

Н.П. Огарёв в статье «Письма к соотечественнику», опубликованной в «Колоколе» в том же году, выводил принципиальные отличия отечественной политической системы от западноевропейских стандартов из особенностей социально-экономического развития России. Преобладание общинных начал в ее экономике и общественной жизни препятствовало утверждению частного политико-правового статуса – важнейшего фактора становления представительства как компонента государственности. «...Отстаивая, – писал он, – свое юридическое феодальное начало против центральных властей и расширив право собственности до признания юридической самостоятельности и для собственности движимой, оно (европейское развитие. – А.М.) дошло до права участия собственников в общественных делах и следственно до представительного правления. Высшее развитие Европы – Англия, и, заметьте, – это остров; в его границах составные части организма совершили брожение самое ясное, самое определенное...»⁷⁹.

Русская община отделила основную массу населения от государства, четко очертив круг актуальных местных экономических и политических интересов. Государственный и общественный векторы развития не слились воедино в России, не стали дополнением друг друга. Данное обстоятельство превращало государство в обособленную от народа систему, имевшую тенденцию к закрытости и самоизоляции. Народ, сакрализируя власть, отстранял ее от себя, вполне довольствовался общинным самоуправлением. Со своей стороны государство сохраняло крепостное право и общину как факторы сдерживания легитимного внутривластного процесса. «...Россия, – писал Н.П. Огарёв, – была равнодушна к форме правления, и в то время как Европа выработала себе выборное начало для представительства в законодательных собраниях, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, тоже ограниченных учреждением присяжных, – русский народ, в своем обычае, сохранил выборную администрацию и мирской суд, не подумав об остальном отношении к центральной власти»⁸⁰.

Н.П. Огарёв не усматривал длительной перспективы такого «сосуществования» власти и народа. По мере своего развития русское общество должно было выработать эффективное государственное управление. «...Правительственное управление должно отвалиться как латино-германская форма, не привившаяся

⁷⁸ Колокол. 1860. № 65–66.

⁷⁹ Там же. № 77–78.

⁸⁰ Там же.

к общественному экономическому началу русской народной жизни; юридические формы должны создаваться из экономического начала, но себе подчинить его не в силах»⁸¹.

Одним из «вопиющих» вопросов русской действительности являлся так называемый «еврейский», состоявший в неравноправии иудеев. Подобное положение дел толкало многих из них в революцию. «Колокол» не оставался в стороне от данной проблемы и, обнажая ее, проводил параллели с Западной Европой, для которой она практически перестала существовать. «Во Франции и в Англии, – писал один из корреспондентов газеты в ноябре 1860 года, – где евреи еще с начала 19 века пользуются всеми гражданскими правами, давно уже исчезло всякое различие между Французом или Англичанином христианином – и Французом или Англичанином евреем, хотя и там евреи, как известно, до дарования им гражданских прав находились по степени образования не выше наших русских евреев»⁸².

Н.П. Огарёв критиковал британский парламентаризм, впрочем как и большинство парламентских систем, за возможность диктата большинства, которое практически не принимало во внимание мнение меньшинства, несмотря на то, что часто последнее бывало право. Однако в условиях британской государственности это до какой-то степени компенсировалось гарантией личной неприкосновенности и свободы. «Англия... упрочила личную свободу и безопасность, – писал Н.П. Огарёв в статье “Разбор нового крепостного права”, опубликованной в “Колоколе” в августе 1861 года, – в своем самом живом учреждении – в суде присяжных; а между тем как высшие сословия, ограждаясь парламентом от поползновений королевской власти на своеволие, создали свой парламентский деспотизм, который общественные дела решает большинством голосов, наиболее своекорыстных, потому что это большинство из представительства сословного; в то же время личная свобода и безопасность ограждены, даже и от парламентского деспотизма, решением суда присяжных – *единогласным*. Англия в основание своей свободы поставила *единогласие* в суде»⁸³. Таким образом, судебная власть в этой стране могла нейтрализовать возможный произвол власти законодательной, ставя интересы и права отдельной личности выше общих законоположений парламента.

Завершая освещение позиции «Колокола» в отношении британского парламентаризма, следует подчеркнуть, что газета отнюдь не идеализировала эту форму правления. Не ставится под сомнение и критическое отношение издания к возможности адаптации его институтов к условиям России. Однако, по нашему мнению, бесспорным является признание «Колоколом» значения британского варианта государственно-правового развития, его несомненных преимуществ по сравнению с лишенным динамики российским самодержавием. В апреле 1862 года в газете за подписью «один из читателей “Колокола”» была опубликована статья «Еще о московском университете». Ее автор писал: «Хотя конституция на манер английской неприложима к России и не удовлетворяет наших же-

⁸¹ Колокол. 1860. № 77–78.

⁸² Там же. № 85.

⁸³ Там же. 1861. № 105.

лений, однако мы и ей, как движению вообще, были бы рады... Но мы не верим, что правительство согласится на конституцию. Все, что оно ни делает, запечатлено духом произвола, устраняющего всякую попытку общества вмешаться в его дела. Самые реформы свои оно совершает старым бюрократическим порядком, посредством чиновников и полиции»⁸⁴.

Радикальная политическая мысль России середины XIX века уделила большое внимание изучению проблем развития британского парламентаризма. В целом для нее был характерен критический подход к парламентскому строю в Великобритании и особенно к половинчатому и непоследовательному, сохранявшему многие пережитки феодализма реформизму, который сумел расширить рамки политической элиты страны за счет включения в нее представителей буржуазии, но не изменил социальной ограниченности британского парламента.

Пытаясь выработать методы изменения социально-экономического строя России, ликвидации ее самодержавной системы, российские радикалы не считали возможным применение британского опыта преобразований к отечественной действительности и склонялись к более решительной революционной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1954–1966. – Т. 10, 18.
2. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст] // Соч. : в 4 т. М., 1988. – Т. 3.
3. Добролюбов, Н.А. Из Турина [Текст] // Полн. собр. соч. : в 6 т. – М., 1941. – Т. 5.
4. Добролюбов, Н.А. От Москвы до Лейпцига И. Бабста [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. – М., 1962. – Т. 5.
5. Добролюбов, Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. – М., 1962. – Т. 4.
6. Инукирвели, Г.З. А.И. Герцен – критик буржуазной демократии [Текст] // Советское государство и право. – 1952. – № 4.
7. История русской журналистики XVIII–XIX веков [Текст]. – СПб., 2005.
8. Колокол [Текст]. – 1857. – № 2 ; 1858. – № 8, 10, 18, 21 ; 1860. – № 65, 66, 77, 78, 85 ; 1861. – № 105.
9. Мелентьев, Ю.С. Революционная мысль России и Запад (русские революционеры-демократы о капитализме и буржуазной демократии) [Текст]. – М., 1966.
10. Огарёв, Н.П. Ответ на письмо малороссийского помещика [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
11. Огарёв, Н.П. Ответ на «Ответ “Великорусу”» [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.

⁸⁴ Колокол. 1862. № 127.

12. Огарёв, Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и земский собор [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
13. Огарёв, Н.П. Русские вопросы. Крестьянская община [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
14. Писарев Д.И. Подрастающая гуманность (сельские картины) [Текст] // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1956. – Т. 4.
15. Чернышевский, Н.Г. Нынешние английские виги [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 7.
16. Чернышевский, Н.Г. Политика. Из «Современника» [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1949. – Т. 6.
17. Чернышевский, Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство [Текст] // Избр. экон. произв. – М., 1948. – Т. 1.
18. Шапиро, А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. [Текст] // Ученые записки. Выпуск исторический / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 1960. – Т. 68.

A.I. Minaev

BRITISH PARLIAMENTARISM AND RUSSIAN RADICAL POLITICAL THOUGHT IN THE MID-19th CENTURY

Russian radical political philosophy of the mid-19th century thoroughly investigated the traditions of British parliamentarism only to criticize its compromise decisions and inconsequent reforms. In their search for the methods of reforming the Russian social and economic system and destroying the country's autocracy, the adherents of the philosophy rejected the British experience in favor of a more decisive revolutionary strategy.

Russia, Great Britain, mid-19th century, political thought, radicalism, constitutionalism, parliamentarism, reformism, suffrage

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81:39

Е.Н. Трегубова

ЧЕСТЬ И ПОЧЕСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Анализируются лингвокультурные аксиологические концепты, проводится сопоставление семантики концептов, получивших объективацию в культурных кодах родственных и смежных локальных традиций, в синхронии и диахронии, что позволяет обнаружить аксиологические установки народной традиции раннего периода и определить векторы их изменения в семантическом пространстве культур позднего формирования.

ценностно-смысловое пространство концепта, локальная традиция, культурные коды, механизмы взаимосвязи языка, культуры и мышления.

В современной лингвистической науке поиск методов лингвокультурологического анализа ведется в русле сопоставлений концептуальных картин мира разных этносов. В качестве основной единицы анализа определен концепт, и соответственно предметом анализа являются языковые способы экспликации концепта в сопоставляемых культурах¹. Термины вербальный, акциональный, символический коды культуры, введенные Н.И. Толстым в рамках этнолингвистики², во многом определили предмет лингвокультурологических наблюдений и одновременно обнаружили необходимость разработки технологий и инструментария, адекватных исследуемому материалу. Как показывает практика анализа, методики, используемые этнолингвистами на материале

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 424 с. ; Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72 ; Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996. 170 с. ; Попова З.Д., Стернин И.А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. Вып. 4. С. 53–54.

² Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. С. 24–26.

славянских культур, вполне применимы к локальным культурам, но требуют существенной корректировки. Особенно следует выделить культуры вторичного образования, языковая картина мира которых утрачивает признаки «прозрачности» вербальных и символических интерпретаций в результате утраты мотивационных связей между знаками. При анализе локальных культур вторичного образования возникает необходимость изучения кодов исконных диалектных культур, поиска звеньев утраченных мотивационных связей, их реконструкции.

Настоящая статья посвящена анализу ценностно-смысловых концептов кубанской лингвокультуры (позднего образования), строящихся по принципу аксиологической модели, организованной противоположными семантическими полюсами *честность (целомудрие)/нечестность, честование/бесчестие*. В понимании лингвокультурного концепта мы следуем теории В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина и рассматриваем его как смысловой конструкт, формируемый в процессе общественной когнитивно-коммуникативной деятельности человека, являющийся специфическим отражением действительности в его сознании и определяющий его социально-культурное бытие в настоящем и будущем³. Культурный концепт – всегда общее достояние коллектива, продукт совместного длительного существования на определенной территории в определенных культурно-исторических условиях. Лингвокультурный концепт всегда аксиологичен, в силу чего смысловое его пространство дихотомично, так как содержит две противопоставленные смысловые сферы, включенные в свою очередь в бинарную модель аксиологических макроконцептов *норма – антинорма*.

Существование аксиологического пространства культуры определяет моральные установки и поступки представителей социума, которые обеспечивают целостность коллектива и позволяют ему существовать как единому этнокультурному образованию.

Свадебный обряд – один из уникальных институтов, созданных народной традицией, устанавливающий и актуализирующий целый ряд культурных, высокоценностных норм. Регулярная воспроизводимость обряда, всех его элементов в условиях существования устной культуры нацелена на трансляцию важного культурного текста, погружающего участников обрядовых актов в аксиологическое пространство культуры. Все это порождает консервативность традиционных культур, инстинктивное оберегание собственной культурной модели, из которой проистекает точка зрения на мир каждого ее представителя.

Ядерными аксиологическими и текстообразующими концептами в семантическом пространстве свадебного обряда являются концепты *честность/нечестность и почесть/бесчестие*, иррадиирующие семантику этих смысловых сфер на единицы вербального кода, символического и акционального.

Мы основываемся на материале кубанского свадебного обряда, относящегося к поздней традиции, формировавшейся в конце XVIII века казаками-

³ Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики : сб. статей. М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. URL : <http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm> (дата обращения: 26.02.2012).

запорожцами, малорусскими и южнорусскими крестьянскими семьями при переселении их на земли Кубани. Кубанская локальная культура является вторичной и характеризуется поликультурной материнской основой. В рамках статьи рассматривается обряд западной части Кубани, по происхождению малорусский, но вобравший и элементы южнорусской и донской традиций в силу влияния исторических и культурных факторов. Анализ данных локальной кубанской традиции, а также некоторых источников, описывающих исконные традиции (украинскую и южнорусскую), послужившие в качестве основания для кубанской, позволяет рассмотреть смысловое пространство концепта в синхронии и диахронии.

Синхронный анализ локальных народных культур на основе их лексикона и диалектного дискурса, представляющего собой тексты-воспоминания носителей культуры преимущественно старшего поколения, обнаруживает очевидный характер трансформации старой ценностной системы. Это проявляется в забвении многих элементов обряда, следствием чего является семантическая демотивация и ремотивация символа и акта, утрата смысловых связей внутри культурного кода, контаминация семантики символов, редукция обрядового сценария⁴. Сопоставительный анализ данных материнских локальных культур с обрядовой картиной поздней лингвокультуры в аспекте концептуального анализа позволяет обнаружить полный культурный текст предшествующей эпохи, обнаружить смысловые связи между разными символами и актами обряда, которые на первый взгляд казались семантически далекими.

Концепт репрезентирован на языке кубанской традиции сочетаниями *невеста хороша, невеста честна – невеста порчена, невеста нечесна* и объективируется в актах свадебного обряда, связанных с честью невесты, ее матери и отца. Семантика ядерной зоны концепта *честная/нечестная невеста* взаимодействует в ценностно-смысловом пространстве обряда с семантикой концепта *читать-почитать* и проецируется на парадигму, актуальную для свадебного обряда, *дочь – родители*, при этом дочь мыслится как *почитающая* родителей, устои родителей, воспитавших ее, давших ей представление *о чести*.

Анализ обрядового дискурса в диахронии обнаруживает высокий аксиологический статус концепта в русской народной традиции, что проявляется в стремлении наделить признаком *честный* всех участников свадьбы, свадебное пиршество и даже само событие: *Честным пирком, да и за свадебку; Честно величать, так на пороге встречать; Честна свадьба гостями, похороны слезми, а пьянство дракой; Здравствуйте князь со княгиней, бояре, сваты, дружки и все честные поезжане!*⁵ Также для русских обрядовых локальных дискурсов характерны и производные от *честный, честной*: *Почетной стол* (сев); *Обед, на другой день свадьбы; Почетные* (сущ. калуж.); *Родители невесты в доме жениха; Почетка* (ж. почетки, мн. почестье, ср. почёсно),

⁴ Трегубова Е.Н. Обрядовая лексика украиноязычных говоров западной части Кубани в этнолингвистическом аспекте // Філологічні студії : науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. Збірник наукових праць. Кривий Ріг : КДПУ, 2011. Вып. 6. С. 478–484.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981. Т. 4. С. 600.

почетное, почетное угощенье, почетный пир (особ. у тестя после свадьбы); *почестка бывает на другой день свадьбы, у родителей молодой, в почет родни князя, молодого, которую и сажают на почетные места; на третий день свадьбы такая же почестка у молодого, где чествуют родню молодой*⁶. Акты обрядового величания родителей невесты, самой невесты, воздаяния почестей порождают ритуальные термины *почестка, почестье, почесно* и т. д., которые в свою очередь называют все событие полностью – обед второго дня. Номинативы *почетное угощение, почетный пир, почестка* в традиционной лингвокультуре мыслятся как однокоренные члены одного ряда: *честь – почесть – почитать/почитание*. Семантика почитания многократно актуализируется в вербальном коде, который номинирует обрядовые акты, наделяя свадебный дискурс модальностью величания.

В кубанском дискурсе подобные устойчивые сочетания отсутствуют, употребляется лишь *чесна/нечесна невеста*, хотя весь сценарий свадьбы, реализуемый в последовательной цепи ритуальных актов, обыгрывающих предметы символического кода, представляет собой развернутый текст о *чести* невесты и ее родителей. Исконные традиции (украинская и южнорусская) содержат широкий ряд лексем, номинирующих противоположные смысловые полюса концепта. В южнорусской обрядовой терминологии находим широкий лексический ряд, определяющий антинорму: *позорная девка, поклёпная девка, девка с поклёпом, невеста с покором, порченная невеста, потерянная, распутная невеста, распутица, распутяха*⁷. В украинской народной традиции вербальный код широко представлен двумя антонимичными рядами: *гарна дівка* (34), *добрсов'існа* ~ (34), *чесна* ~ (61, 64, 93, 97), *незаїмана, неопорочена* (31, 35), *непорочна, непорочниця, хороша, невина, нетронута, целка – гуляшча* ~ (66), *нехороша дівка* (63), *прогуляна дівка* (82), *неблагополушна* (13, 17, 59), *недівка* (67), *нечесна* ~ (45, 47, 64, 80, 102), *плоха* ~ (63), *погана, нехороша, нечесна молода, спорчена, стрюпана, трюпуха, недівчина* (3, 25, 48, 75, 91)⁸. Кубанская традиция на лексическом уровне близка украинской, однако имеет меньшее количество лексем для обозначения нормы/антинормы. Антинорма подчеркнута осуждается. В диалектном дискурсе разных регионов зафиксированы реплики с модальностью сентенции: *Энта дюзь пазорна, када гулену замуш бирутъ* (Тросн. (Гранкино))⁹ [123]; *Порчинья невестъ – бальной пазор для родитилив.* (Орл. (Никulichи))¹⁰ [132]; *Если невеста идѣ порчена, то чипляють флах бильй. А тѣпѣрѣ*

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 372.

⁷ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины / под ред. Р.Н. Попова. Орел, 1998. С. 132.

⁸ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). Луганськ : Знання, 2003. URL : <http://ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnyk.html> (дата обращения: 15.02.2012).

⁹ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 132.

хочь вона порчена, хочь нэ порчена – всэ равно чипляють красный флах (хутор Греки)¹¹.

Акты первого дня – поезд в дом жениха, венчание, гуляние гостей, – все нацелено в будущее, пролагающее «дорогу» второму дню. Символами, подчеркивающими особую – аксиологическую – важность второго дня в кубанской свадьбе, являются зримо представленные в праздничном убранстве на столе – *коровай* и *быкы* (*бугаи*), предназначенные для ритуального использования на второй день свадьбы. Также невербально явлен знак девичьего целомудрия – *гильце*, знак девственного цветения, молодости и чистоты. В диалектном дискурсе (рассказе) о свадебном обряде семантические сферы концептов *чести* и *почета* функционируют в непосредственной взаимосвязи. Лексемы *девушка*, *дивчина* в дискурсе употребляются в значении «сохранившая девичье достоинство»: *В мэнэ стоить гильцэ ш. Гильцэ стоить на столи, то шо уквичено. Цэ ж ты шо, я була ще девушка, цэ ж в почёти. А у кого нэ було оцэ гильця, вылазять и становлять хвлах. Становлять хвлах белый, красный: еси чесна девушка, красный хвлах, еси нэчэсна, то белый хвлах вишають. И ото вси кажутъ: «О... нэчэсна, белый хвлах»* (ст-ца Старонижестеблиевская, Булах Е.К., 1900 г. р.)¹². Отметим также, что в кубанском обряде в ряде станиц *гильце* невеста возит с собой и на второй день свадьбы, когда купают *батько* и *матерь*, и забирает его с собой в новый дом.

Примечательно, что в южнорусской традиции второй день называется *почетный день*¹³. И действительно, второй день включает акты, направленные на *почитание*, *чествование* достойной невесты.

Актуализация семантики соблюдения/несоблюдения девичьей чести находила выражение не только в вербальном, но и в символическом коде. Традиционно в южнорусском обряде символическим репрезентантом являлось отверстие. Так, по данным диалектологических источников, *ничесным нивестам ложки дыривили* (Хот. (Хотынец))¹⁴. *Пра ничесную нивесту гъварили «Вон идёт дыркъ в блину».* *А па диревни насили блин с дыркъй унутри.* (Мцен. (Мценск))¹⁵. Аналогичные символы и акты встречаем в украинском обряде: *дўірўава ложка (90) «дїрява ложка, з якої їсть молода на знак своєї нецнотливості».* В украинском обряде использовалась также дырявая обувь – *чоботи: чоботи дрануї (34) «дїряві чоботи, які сусіди кидають у двір молодого на знак нецнотливості молодой».* Отмечен также акт, именуемый *воду точити*, когда молодую заставляли носить воду решетом (25)¹⁶. В Верхнем Дону в этом случае используют

¹¹ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря : свадебный обряд Кубани. Учебная версия. Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2007. С. 101.

¹² Фонды лаборатории региональной и компьютерной лексикографии Славянского-на-Кубани гос. пед. ин-та (ФЛРиКЛ).

¹³ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область).

худую ведёрку: свекровь просит невестку принести из Дона воды, вручая ей ведро с дыркой¹⁷.

В традиционных локальных культурах России широко используется символика кулинарного кода для демонстрации анализируемых смыслов. Так, А.К. Байбуриным приводятся многочисленные данные на основании разных источников, когда о честности новобрачной судят по тому, как жених обращается с подаваемой ему едой. Часто репрезентантом выступала в таких актах яичница. В Новгородской губернии на второй день после свадьбы едут к родителям молодой «на яичницу». Молодой муж, если жена его оказалась нечестною, вырезал среди яичницы круглое отверстие и яичница с позором уносилась обратно; в противном случае муж отрезал кусок от края яичницы и дарил теще деньги как бы за то, что сумела сохранить дочь¹⁸. В той же губернии (Белозерский уезд) молодому утром после брачной ночи кто-нибудь из родственников невесты подавал хворост (печенье). «Если его жена оказалась девственницей, он отламывает маленький кусочек от хвороста, если же нет, то ткнет кулаком в самую середину хвороста и проламывает его насквозь»¹⁹. В Поволжье зять при первом посещении тещи «демонстрировал, сохранила ли ее дочь целомудрие до вступления в брак или нет. В первом случае он приступал к еде осторожно, брал яичницу или откусывал блин с краешку, а во втором проедал блин в середине или переворачивал яичницу... Окончив еду, новобрачный разбивал освободившуюся посуду (тарелку из-под блинов, горшок из-под масла или плошку из-под яичницы о матицу или, реже, об пол). Характерно, что в некоторых населенных пунктах в случае нечестности невесты тарелка о матицу не разбивалась»²⁰.

Семантика положительного полюса репрезентирована в действиях и номинациях другого порядка. Целомудренной невесте специально посвящался тост, именуемый *калинка*. *За калинку вытывали, если младая чесня*. (Долж. (Долгое))²¹. Вывешивали *красний флаг*. Примечательно, что сама «*сорочка зі знаками цноти, яку демонструють учасникам весілля*»²², называется в украинском обряде *честность*. Калиной украшали «*коровай на знак цноти молодої*»²³. В донских станицах и хуторах *носят калину* – «флаг с кистями калины (эта ягода может украшать и каравай), выражают всеобщую радость обильным возлиянием, песнями, славящими мать и дочь:

¹⁷ Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2004. № 4. С. 28.

¹⁸ Мыльникова К., Цинциус В. Северо-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, С. 163.

¹⁹ Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 21.

²⁰ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов: моногр. СПб.: Наука, 1993. С. 86; Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во КГУ, 1981. 200 с. С. 127; Рихтер В. Русское население Западного Причудья. Таллинн: Валгус, 1976. 292 с. С. 213.

²¹ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 125.

²² Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнослобожанських говірок (Луганська область).

²³ Там же.

Ты не бойся, матушка, не бойся,
В червоны чоботы обуйся;
Да хоть наша Марфушка молода,
Да вывела матушку со стыда»²⁴.

Не менее интересным представляется использование цветowych маркеров. Красной лентой украшали все: и коровай, и бутылки с вином, и коней *невесты честной*; желтой и синей лентой украшали коней *невесты нечестной* (*красна лўента, жоўтўі ленти* (36), *синўі* ~ (36)²⁵. *Ну если вона нэ **обицестына**, то на нэй надиваюць краснэ платье, а если вона вжэ була там (ну мэжду намы), мэни стыдно вам казать. Ну, вы сами знайтэ. То вжэ туди надиваюць чёрным. А краснэ надиваюць, тикэ як **девушка** выходэ замиш* (хутор Греки, Панкова А.П, 1926 г.р.)²⁶.

Как видим, ритуальные акты носили характер чествования и бесчестия. В кубанских станицах знаки чести-бесчестия буквально «одевались» на невесту и воплощались в символическом (вещном) коде в вариантах *головного убора*: цветы на голове (в знак соблюдения девичьей чести), платок (в знак нарушения запрета). Интересно обратить внимание на то, что знаки чести/бесчестия помещаются на голову. Голова как репрезентант семантики ума, разумности (верх), – ср.: фата невесты, смена прически, венец во время венчания в церкви. Также у А.К. Байбурина приводятся данные, что в Древней Руси по Уставу Ярослава в качестве наказания за супружескую неверность с женщины снимали головной убор и остригали ей волосы, то есть как бы возвращали ее в «исходное» состояние, и муж был вправе отказаться от нее²⁷. Известие, адресованное всему социуму, размещалось также на самой верхней точке дома – на крыше вывешивался красный/белый флаг. Красный элемент как символ целомудрия маркирует также всех участников свадьбы: красный лоскут на рукаве жениха, красные цветы в петлицах гостей, *красна лента* на коровае (в украинском и кубанском обряде), кисть калины. Собственно кубанским элементом следует считать ритуал деления коровай, когда *красну ленту* снимали с коровай и вдевали в петлицу жениха как знак *чести* его суженой и только после этого резали *коровай*.

В раннем варианте кубанского обряда коровай резали на второй день и *быков* разливали на второй день, а в первый день и ночь тщательно охраняли: *бугай сторожуют, специально выбирают сторожэй, и фсю ночь они сторожуют* (ст-ца Павловская, Глянь Д.П., 1925 г. р.)²⁸. Учитывая материнскую украинскую традицию, кубанский вариативный символ *бугай – быкы – горькэ – сладко* следует возводить к инвариантному (исконному) знаку: *сладкое красное вино*,

²⁴ Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве. С. 36.

²⁵ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область).

²⁶ Фонды лаборатории региональной и компьютерной лексикографии...

²⁷ Байбурина А.К. Ритуал в традиционной культуре. С. 76.

²⁸ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря. С. 154.

украшенное веточкой калины или перевязанное красной лентой. Очевидно, пара быков (бутыли с красным вином, перевязанные красной лентой) также символизировала честь/бесчестье, так как в одной бутылке было сладкое вино, а в другой горькое: *Для шахорев дэалы горькэ. Натруть до краю пэрца красного. Горько выно. Одынаковы бутылкы, одынаково выно, ну на цвэт. Одно только сладко, а другое нельзя у рот взять. И становять их на стол* (ст-ца Старотитаровская, Пилипенко А.Ф., 1920 г. р.)²⁹. Появление парного символа *горькэ/сладко* обусловлено текстопорождающей семантикой концепта честная/нечестная невеста, репрезентированной в знаках традиционного кулинарного кода. Распространенные в позднем кубанском обряде игры с этим символом (дружка и дружок должны были опередить друг друга, хватая бутылку, а потом угощать свою сторону из той бутылки, которая ему досталась) свидетельствуют об усилении игровой части обряда, что послужило причиной перенесения этого ритуала в ряде станиц на первый день³⁰. В некоторых случаях *быкы* были наделены семантикой *потомства, продолжения рода* в ходе новых семантических сближений в контексте с *корова-ем*. Результатом таких переосмыслений явилась традиция одну бутылку *быков* хранить и распивать *на годок* (когда родится ребенок).

Примечателен обряд требования, ожидания *мэда* (кубан.), когда в доме молодой гости после полуночи *просят мэда* у ее матери. По данным словаря И.М. Магрицкой, в украинских поселениях также медом мазали каравай в знак честности молодой и угощали им участников свадьбы и саму молодую. На второй день молодым несут *сладкэ* (кубан.), подносят *солодоху* «солодка горілка» (34) (укр.)³¹. Семантика сладкого, как нам представляется, продуцируется также полем концепта *честность/нечестность – почесть/бесчестье*. В кубанском обряде *мэда* просят в ожидании главного известия – о честности молодой. «*Сладкэ, мэду!*» – это лексический, символический и акциональный маркер положительного полюса аксиологического концепта, которому противопоставлен полюс «горькэ». Первое кричат в отсутствие молодых, когда главное известие уже получено, второе кричат в их присутствии в первый день, когда известия еще нет и этот миг далек, и потому ожидание вестей является центральным скрытым мотивом свадьбы. Очевидно, реализация семантики нечестности невесты в кулинарном коде обряда получила такое широкое распространение и во второй день, когда зять при посещении тещи демонстративно подчеркивал верность/неверность суженой при употреблении ритуальной еды – яичницы и блинов (южнорус.), а тестю подносил худой стакан. Устойчивое сочетание *худой стакан* называет обычай подносить стакан со специально проделанной дырой, который давали матери нецеломудренной невесты утром второго свадебного дня. *Гьварили матири: «Палучай худой ста-*

²⁹ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря. С. 154.

³⁰ Финько О.С. Лексика свадебного обряда Кубани: становление и динамика (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской) : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 160 с.

³¹ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнослобожанських говірок (Луганська область).

кан». (Глаз. (Глазуновка))³². Не в этих ли актах объективирована семантика «горько» («Горько!», которое многократно кричат гости): зятю – это горькая еда, отцу – горькое питье. Семантика нечестности, таким образом, распространялась на родителей, обрядовыми актами подчеркивалась родительская вина – неправильное воспитание дочери.

Концептуальные поля *честность/нечестность* и *почеть/бесчестие* существуют, очевидно, в модели семантического наложения. Причем первый концепт продуцирует акты *почитания* родителей *честной невесты*, правильно воспитавших дочь, которые также закономерно отнесены ко второму дню. Родителям невесты жених везет подарки – *гребень* и *бочонок* (кубан.). Матери воздают почести чесанием головы – дарят гребень. Обряд называется *чесать мать*, позднее заменен актом дарения матери молодой невесты печеного изделия в виде гребня. В украинском обряде, исконном для кубанского, отмечен родственный обычай, когда родители жениха приезжали в дом невесты с испеченными фигурками пряжи и бочки, которые дарили родителям молодой, сопровождая словами: «Мы взяли у вас работницу пряжу, вот вам взамен от нас работница пряжа»³³. В дальнейшем в кубанской культуре образ пряжи, очевидно, стал представляться одним предметом – гребнем, как известно необходимым инструментом для чесания льна, шерсти. Возможно, этот обряд, как более поздний, образуя новые контекстуальные семантические связи, интерпретирует этот элемент в смысловом пространстве второго дня, наделяя его семантикой почитания матери, правильно воспитавшей дочь. Интересно, что и здесь гребень соотносится с семантикой головы, а упоминаемый акт, кроме того, проникнут, на наш взгляд, семантикой почитания *честной* матери. Возможно, что сам акт и его номинация появились в результате фонетического сближения *чесать – оказывать честь* (о таких лексических сближениях в народной традиции неоднократно упоминается в работах Н.И. Толстого). Отца почитают печеным бочонком. Акты почитания родителей невесты на второй день свадьбы были распространены повсеместно. Ср. орл.: *Почетный день. На почетный день мѣладыи далжны к радитилям нивесты итить, пачѣт им аддать* (Дмитр. (Мало-Боброво))³⁴.

Таким образом, лингвокультурологический анализ концепта позволил обнаружить текстопорождающие (обрядопорождающие) его свойства. Ядерная сфера концепта иррадирует актуальные смыслы на вербальные, знаковые и акциональные коды, способствуя образованию знаков и организации связей между ними, установлению мотивационных отношений. Установившиеся в исконных культурах текстовые связи между знаками обрядовых кодов в условиях формирования поздних (вторичных) культур сохраняются, несмотря на то, что вербальный ряд претерпевает существенное сокращение. Семантическое пространство концепта реконструируется на основе анализа

³² Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 181.

³³ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., 1929. Т. 8. С. 192.

³⁴ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 105.

элементов других уровней обряда – акционального и символического. Элементы этих кодов в позднем обряде смещаются в игровое (шуточное) поле свадьбы, порожденное новым мировоззрением, новой ценностно-смысловой картиной, постепенно утрачивая аксиологические коннотации. В результате наблюдается разрыв старых текстовых связей, помещение символа в новый ряд элементов, присваивание новых функций для актуализации смыслов нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] : моногр. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности [Текст]. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1996. – 170 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 3. – 555 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 4. – 683 с.
6. Кагаров, Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности [Текст] // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М., 1929. – Т. 8.
7. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания [Электронный ресурс] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методология современной психолингвистики : сб. статей. – М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Режим доступа : <http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm>
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. – Волгоград : Перемена, 2002. – 205 с.
9. Костромичёва, М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины [Текст] / под ред. Р.Н. Попова. – Орел, 1998. – 218 с.
10. Магрицька, І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область) [Электронный ресурс]. – Луганськ : Знання, 2003. – 172 с. – Режим доступа : <http://ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnyk.html>
11. Попова, З.Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004.
12. Проценко, Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве [Текст] // Традиционная культура. Научный альманах. – М., 2004. – № 4.
13. Трегубова, Е.Н. Обрядовая лексика украиноязычных говоров западной части Кубани в этнолингвистическом аспекте [Текст] // Філологічні студії : науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. Збірник наукових праць. – Кривий Ріг : КДПУ, 2011. Вып. 6.
14. Трегубова, Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря: свадебный обряд Кубани. Учебная версия [Текст]. – Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2007. – 214 с.

15. Финько, О.С. Лексика свадебного обряда Кубани: становление и динамика (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2011. – 205 с.

E.N. Tregubova

HONOUR AND HONOURS: LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF WEDDING RITE AXIOLOGICAL CONCEPTS

The paper analyzes axiological concepts through the prism of linguistic-culturological approach. Semantic comparison of concepts, objectified through cultural codes of kindred local traditions in synchrony and diachrony, reveals axiological guidelines of early folk traditions and clarifies the direction of subsequent semantic changes.

evaluative content of a concept; local tradition; cultural codes; interaction between language, culture, and thought

УДК 821.161.1

У.М. Маторина

ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА ВИЗАНТИЙСКОГО ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРА СТУДИТА В СОСТАВЕ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТИЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Дается анализ жанрово-композиционной структуры византийского преподобнического жития Феодора Студийского, подробно рассматривается каноническая схема данного жития, выявляются нехарактерные для него мотивы, а также предпринимается попытка объяснить причины их происхождения.

агиография, византийская литература, жанр, житие, житийный канон, история древнерусской литературы, преподобническое житие, Феодор Студит.

Житие Феодора Студита (ум. 826), прославленного защитника иконопочитания и игумена Студийского монастыря в Константинополе, обстоятельно описывает многочисленные столкновения святого с византийскими императорами, жестокие гонения, которые он претерпел вместе с другими иконопочитателями, в особенности в царствование Льва V Армянина. Агиограф кратко перечисляет творения Феодора Студита и сообщает о его чудесах, которыми святой прославился еще при жизни.

Житие относится к числу древнейших переводных текстов славянской письменности. На древность перевода указывает старший список Жития, дошедший до нас в составе Выголексинского сборника, датированного XII веком. Особый интерес к жизни студийского игумена уже в Киевской Руси объяснялся в числе других причин тем, что устав Феодора Студита с раннего времени был введен в русских монастырях, в частности, в Киево-Печерском монастыре преподобным Феодосием Печерским. Сохранилась также более поздняя переработка первоначального перевода, известная в списках не ранее XVI века. Кроме пространного Жития, о Феодоре Студите рассказано в Прологе. В переводе Менология память святого читается под 11 ноября, во второй редакции Пролога под 11 ноября читается тот же текст с минимальными разночтениями, а под 26 января появляется новая статья – о перенесении мощей Феодора Студита. В Стишном Прологе под 11 ноября читается отличный от Менология текст памяти и статьи о перенесении мощей здесь нет. В XVI веке пространное Житие святого Феодора (в первоначальной редакции) по переводам Менология и Стишного Пролога вошли под 11 ноября в состав Великих Миней Четий (ВМЧ), под 26 января здесь же читается статья о перенесении мощей святого. В XVII веке память Феодора Студита из Стишного Пролога (под 11 ноября) и рассказ о перенесении его мощей (под 26 января) попали в печатный Пролог, а Житие Феодора Студита пересказал в своих минеях Дмитрий Ростовский¹.

В византийской, а затем в древнерусской литературе жанровые критерии являлись определяющими по отношению к содержанию и стилю произведений. Особенно важную роль канонические требования играли в литературе церковной, в частности в агиографии. Развивая концепцию В.В. Кускова², С.В. Минеева исходит из того, что различия между жанровыми разновидностями житийной литературы в конечном итоге были основаны на различии типов «главных героев» жития, отражающих разные «аспекты подражания Христу»³. В соответствии с данной концепцией «жанровая иерархия» византийской агиографии являлась, таким образом, прямым отражением сложившихся в православной церковной традиции представлений об «иерархии христианской святости». Эти представления легли в основу разграничения жанровых разновидностей внутри византийской агиографии, что способствовало разработке соответствующих видов канонической житийной схемы.

Герои преподобнического жития избрали путь «богоподражания», поставив в центр своей жизни задачу сочетания любви к Богу с любовью к ближним, которая должна была проявляться прежде всего в воспитании и заботе о братии. Поэтому закономерно в центре жития этого типа стоит фигура игумена, основа-

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 177–179.

² Кусков В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : МГУ, 1980.

³ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста. Курган : КГУ, 1999.

теля общежительного монастыря. Преподобные являлись, прежде всего, «пастырями словесных овец», подражая Христу исполнением своего долга «учительства», однако учили они не столько словом и проповедью, сколько личным примером, своей жизнью. Поэтому основу преподобнического жития составляет описание нравственного подвига святого, а основой композиции – элемент биографический. Жития этого жанра также включают исторический элемент, поскольку образ их героя может быть раскрыт только в связи с явлениями окружающего реального мира: в отношениях с братией, в трудах по строительству и благоустройству обители, в связях с церковными и мирскими властями и т. п.⁴

С.В. Минеева вслед за Х. Лопаревым⁵ выделяет следующие обязательные мотивы в композиции преподобнических житий: рождение (сам факт, место, родители, сопутствующие чудеса); крещение как рождение духовное (выбор имени, пророчество священника); детство как пролог к подвижничеству (отношения с родителями, отношение к земным благам); уход как разрыв с «миром»; монашеский постриг как второе духовное рождение (второй выбор имени); рукоположение в игумены. Исследовательница отмечает, что для основной части жития этой жанровой разновидности каноны не так строги, они задают лишь обязательные мотивы: описание благочестивой жизни преподобного, которая рассматривается как пример для братии, «учительство словом и делом», забота об обустройстве обители и духовное влияние монастыря на «мирскую» жизнь, при этом обязательным для канона жития является описание прижизненных чудес преподобного. Заключительная часть жития традиционно, в строгом соответствии с канонам повествует о кончине святого, его предсмертном завещании и погребении⁶.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать реализацию основных компонентов жанрово-композиционной схемы преподобнического жития на примере анализа текста древнерусского перевода Жития преподобного Феодора Студита в составе ноябрьского тома Великих Миней Четых митрополита Макария.

Как правило, композиция произведений данного жанра рассматривается как трехчастная, включающая риторическое вступление, основную часть и заключение, нередко переходящее в похвальное слово. Повествование в житии ведется от имени человека, либо близко знавшего святого, либо знакомого с очевидцами событий, либо специально собиравшего о нем сведения⁷. Вступление также содержит похвалу святому и указание на «недостойнство» автора, часто звучит обращение к читателю и к Богу с просьбой простить его «дерзость».

⁴ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста. С. 132, 142.

⁵ Лопарев Х. Византийские жития святых VIII – IX веков // Византийский временник. Т. 17. 1910. С. 1–224.

⁶ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста. С. 142–145.

⁷ Гладкова О.В. О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008. С. 160.

Текст Жития Феодора Студита содержит краткое вступление, в котором говорится о причинах написания произведения, звучит похвала герою: *«всем убо сладокъ и всему достоинъ великий отецъ нашъ исповедникъ Феодоръ», «достойно мнихи вся и простъца видети его на похвалу движущая и любовию всякою пригвождаемы и светлую похвалу светлomu добродетелю возносящимъ»*⁸.

Автором Жития, возможно, был Феодор Дафнопат, византийский писатель X века. Его присутствие в тексте отражено в авторских комментариях и отступлениях: *«Ничто же яко мало и о месте рещи, ни безблагодатни излиха сказание»* [Стлб. 362], *«но намъ убо, времени зовущу, ко страстемъ доблему подобаетъ приити»*. [Стлб. 374]. Автор объясняет причину написания жития необходимостью рассказать о жизни настоятеля Студийского монастыря, который *«первый уставъ мнозем быша»* [Стлб. 356], потерпевшего за Христа *«елико Христа ради пострада изрещи, егоже и раны на теле понесль, по апостолу»* [Стлб. 356] и донести всю информацию до читателя, *«не пропуская важнаго, что было бы не согласно съ пользою»* [Стлб. 357]. Однако в данном тексте нет характерного для житийного жанра вступления, подчеркивающего «недостойство» и «неразумие» автора.

Повествование построено по принципу «жития-биос», когда жизнь святого представлена от рождения до кончины. Единственный раз автор отступает от последовательности повествования и рассказывает о чудесах, сопровождавших Феодора Студита при жизни и после смерти: *«но zde убо скончается, хоцю некая отъ чудотворимыхъ отцемъ изнести...»* [Стлб. 422].

В основной части Жития дается описание в соответствии с канонem: рождение святого, крещение, детство и его отношения с родителями, уход из мира, постриг, принятие священнического сана, основание монастыря, игуменство, кончина преподобного; эта часть включает также описание сопутствующих святому чудес.

Феодор Студит был родом из благородной и состоятельной семьи: *«родителя же светла родомъ и богатствомъ бесчисленнымъ цветуще»* [Стлб. 357]. Родители его были благочестивы: *«Богу болюю чястию живяста и его заповедь привязана», «Бога же за вся приимета, егоже держа имети всего достойне мянста»*, особенно мать Феоктиста *«по Давиду дух во утробе прияти»* [Стлб. 357]. Оба родителя позже раздают свои богатства нищим и уходят из «мирской жизни» вместе с двумя братьями святого и его младшей сестрой. К этому шагу их готовит брат матери Платон, который и станет учителем Феодора Студита.

Рождение Феодора описано скупо, называется лишь сам факт (*«отъ таковою родитель благочестну дивный сей родился мужъ»*) и время рождения (*«Константину тезоименитому царство держащю»*). Автор не упоминает чудес, сопутствовавших или предшествовавших рождению святого, но говорит

⁸ Здесь и далее текст Жития Феодора Студита цит. по: Макарий, митрополит. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, 11. СПб., 1874. Стлб. 355, 356. Ссылка дается в тексте статьи с указанием в квадратных скобках номера столбца.

о важности этого события: *«произыде Феодор, яко некий общий даръ отечеству сый и мраку належащему озарение»* [Стлб. 358].

Одним из важных компонентов композиции преподобнического жития считается описание крещения. В Житии преподобного Феодора крещение описано одной фразой: *«Иже и младымъ теломъ божественаго крещения сподоблься»* [Стлб. 358]. Нет в тексте и упоминания о смене имени, нет пророчества, которое определяло бы «предузнанность» преподобного.

Описание детства героя преподобнического жития призвано доказать факт святости, и потому часто присутствуют мотивы отказа от игр со сверстниками, ранней тяги к Церкви и интереса к Библии, стремления учиться и следовать Божиим заповедям с самого раннего возраста. Преподобный Феодор Студит с детства отличается любознательностью, учится с охотой, *«яко же лепо возбра учения»* [Стлб. 358], получает «мирское» образование: изучает грамматику, древнегреческий язык, поэмы Гомера и т. д. Обладая с детства пытливым умом, общаясь с учителями, спорит с ними, обличает их: *«препирая сопротивники прогоняше, и словеса ихъ мудрая обличяше»* [Стлб. 359].

Описание детства святого в житиях обычно включает эпизод, отражающий отношения его с семьей, с родителями, который заканчивается мотивом разрыва, ухода, что по времени часто совпадает с моментом пострига. Преподобный Феодор не вступает в конфликт с родителями, так как вся семья уходит от «мира» одновременно: *«вся оставльша, единому совету бываста и отходное сиречь иноческое житие приимаста»* [Стлб. 357]. Таким образом, канонический мотив ухода от «мира» в данном Житии также совпадает с постригом. Получив светское образование, Феодор уходит вместе со всей семьей с Платоном и его братией в Воскутиян: *«не убо, но и отца Феодорова и братію Иосифа и Ефимия купонно с малою сестрою... к симъ же Платонъ и братію свою сочета... к себе съпріяты и учению наставляють лучшему», «отъ Византіа исходятъ... в се убо Въскутійское село съ добрыми оными спутники доблий Федор пришедъ»* [Стлб. 361–362]. В эпизоде пострига, как и в эпизоде крещения, отсутствует мотив смены имени и нет описания каких-либо сопутствующих чудес. Автор говорит о том, что постриг Феодор принял от своего учителя Платона вскоре после ухода от «мира»: *«по малу же и власы остриженъ бысть Платономъ и в ризу мнішескую облечеса»* [Стлб. 362].

Феодор с детства славился добродетелями: *«кротокъ образомъ бѣ и нравомъ смиренъ...»* [Стлб. 359], а после пострига стал вести еще более аскетичный образ жизни: *«Паче крепльшимъ прикасается трудомъ, муча си плоть пощением, и трудми удручая нужными; имиже не довольствуа, но вся мнящая службы лютейшая... древо лишая, воду нося, землю копа, камение влача...»* [Стлб. 362–363], считая при этом, что ничего не делает. *«Но обаче творя, ничто же си весма творя мняше»* [Стлб. 363], подчеркивает автор крайнее смирение преподобного.

Следующим важнейшим каноническим мотивом преподобнического жития является принятие священнического сана, собирание братии и основание монастыря. В древнерусских преподобнических житиях обычно вокруг подвижника собирается братия, которая и составляет монастырь и настаивает на избра-

нии святого своим начальником. Принятие священнического сана обычно совпадает с принятием игуменства, однако в Житии Феодора Студита святой сначала принимает сан, находясь в числе братии, которая впоследствии и избирает его начальником с подачи тяжелобольного игумена: *«Тарасій же съ бе – сему таиникъ священика и съвершение творять и на помазание содетелю», «яко же вси едином гласомъ и разумомъ Феодора нарекоша лучьша по наставлению всемъ быти»* [Стлб. 369]. Таким образом, Феодор не является основателем монастыря, он «наследует» существующий монастырь.

Сан священника Феодор получает от патриарха Тарасия с радостью, считая это благодатью: *«паче смотривию и сему о блазей вещи»* [Стлб. 369]. Однако на просьбу возглавить братию он отвечает отказом, мотивируя тем, что у него недостаточно опыта: *«никогда же хотя вышшему причаститися, власть же отъ себе отъгоняше, яко некую тяготу ладііную»* [Стлб. 371]. Только по причине болезни Платона и единогласному решению братии святой принимает игуменство.

Феодор показан как мудрый начальник монастыря. Несмотря на 35-летний возраст (*«примать едва съ тяготою сердца пришедши, пятое убо и тридцатое лето имеютъ возрастию»*), он наставляет всю братию: *«возглашаетъ всем на апостольское», «на вся дни поучая приходящая ученикы и к подвижанію воспитавляя и мужьскыя наполняя смыслю», «многовидень купно и пространень бываа наставлениемъ»* [Стлб. 373–374]. Слава о Феодоре Студите разносится еще во время его первой ссылки, поэтому по возвращении к нему собирается не только вся его бывшая братия, но и много новых людей со всей Византии: *«собираетъ, аки некто пастухъ доблій, отшедшая овца», «и множество мнихъ же и инехъ людій число не мало»* [Стлб. 379]. Именно в этот момент его просят возглавить Студийский монастырь: *«иже и молятся ему держателю быти Студійскому манастырю»* [Стлб. 381]. Под руководством Феодора братия расширяется в двенадцать раз [Стлб. 381]. Феодор – внимательный игумен: *«словесы же оглашаетъ отъ божественныхъ писаній и полезная предлагашеть», «приимашеть сия отечьскимъ милосердиемъ и промысла всякого спобобляшеть»* [Стлб. 382–383], когда он не может наставлять каждого, выбирает себе помощников: *«по мужу кождо истязати или испытати или словеса ихъ и помыслы мизвещати. Како убо и селикомъ даже и до меншаго обьтекати...»; «...первыя видя паче инехъ и сіа на посещение прилагаетъ прочимъ... ихъ же убо званиемъ своимъ и победне воименова: и наставники, и началники, и чиновначальнники, и соблюдателе и убужателя сихъ возвавъ»* [Стлб. 383–384]. Феодор пишет заповеди: *«положи же убо заповеди написаны стихи иамовитскыми, како комуждо подобает повеленная свершати»*; определяет наказания за каждый проступок: *«повеле же и казнити епитимиями или отлучениемъ или поклономъ толикомъ, иже божественныхъ пеній лишаяся – да восприиметъ или же сосудъ что сокрушивъ или восуе меща и презря, или же брата в коемъ любо разгневавъ, или слово мизлиха беседа и языка не удержа...»* [Стлб. 384].

Феодора Студита почитают и хотят слышать: *«вси купно стекошася, лице его желающее видети и языка тако добровещающа слышати», «бе видети*

множество бесчисленно к нему убо съходяще, овех убо отъ царствующаго приходяща, овехъ же отъ окрестныхъ местъ, инѣи же отнудъ собравшися» [Стлб. 435]. Он ходит из монастыря в монастырь и проповедует: «много во Птелеосе похождь преподобный приидеъ оттуду во Просы... оставивъ же Прусы, до Халкидона же путемъ прииде... еще ходящю, иже прилежитъ близъ Стена...», «...довольне желаемого насладися, хотяшетъ же къ инемъ дойти и да имать всѣмъ добродетели разсеяти...» [Стлб. 430]. С ним вместе идут его друзья, братья, ученики.

Святой ведет добродетельную жизнь, постится и трудится: «пищу в меру приимаше» [Стлб. 360], «муча си плоть пощением и трудми удручая нужными» [Стлб. 363]; раньше всех встает и позже всех ложится, молится: «бдениемъ удручая си плоть и стояниемъ всенощнымъ души постилая исправленіа», «вся предваряя во утреннимъ славословіи и во дневнемъ... и по всехъ послезеде исходя» [Стлб. 366]; трудится и умервщляет плоть: «...ни утробу безъ времени пищею отягчая, или же мертвость плотскихъ творить, имъ же к добродетели подвижанія и деянія, удобне же умъ си покорити страстемъ и гладкое введетъ наслаждение» [Стлб. 367]. В Житии не акцентируется внимание на факте очищения через слезы: «ему же очищения ради душевнаго... изо очию текущая слезы, сице бе – цука текуща, по воде подобно умыва си лице» [Стлб. 365]. Во многих житиях упоминается мотив «худых риз», который свидетельствует о смирении святого. Феодор также носит ризы, но здесь не подчеркивается их «худость», но говорится об «общности» всего в братии, которая делит все – и пищу, и кров, и одежду: «ихъ же бо жизнь опца и пища и трапеза, вся купно... ихъ же душа опца и словеса и помысли», «сего ради и сам отецъ ни убо что освая имяшетъ у себе... но в самой той портохранительници ризу подобно инемъ полагаая, ополучише» [Стлб. 385–386].

Характерной чертой преподобнических житий является описание чудес, предшествующих рождению святого, сопутствующих его жизни, а также посмертных. В Житии преподобного Феодора Студита чудеса, предшествующие или сопутствующие его рождению, отсутствуют, остальные чудеса выделены автором Жития в отдельную главу, разрывающую последовательное повествование о жизни святого. Прижизненные чудеса преподобного можно разделить на две группы: «исцеления» и «борьба со стихией». Он лечит лихорадку («иже абие масло благословивъ, помазати же имъ лежащую повелевъ... помазана здрава вся бысть» [Стлб. 423]), изгоняет бесов («отъ жены абие лукавому бесу отбегшу и оставльши жену целомудрену» [Стлб. 424]), спасает город от затопления («скорее прииде на реку, на ней же и вечерняя песни отдавъ Богу, крест от древа составивъ на исходящихъ ей водрузи... Того видяци образа, не разливаема по берегомъ будет... ниже пакость якоже и прежде творяци разливаемъ» [Стлб. 425]). Как пишет автор, много чудес происходило уже при одном упоминании имени преподобного, о чем позже рассказывали сами очевидцы этих чудес: святой спасает человека от нападения рыси; тушит пожары; мужчина кается в нарушении поста после того, как увидел преподобного во сне.

Одной из самых ярких подвижнических черт, которая обычно отражается в текстах преподобнических житий, является дар пророчества. В Житии Феодора Студита этот дар выразился в точном предвидении гибели Никифора-царя от рук варваров [Стлб. 393], а также в точном предсказании времени своей кончины: *«сия тебе всевидящее око мною худым провещаетъ»; «понеже разуме скорее ему кончине приходящи»* [Стлб. 437].

Личность преподобного раскрывается обычно в полной мере в отношениях с семьей, братией и «миром». В нашем тексте отношения с миром ярко реализуются через описание конфликта преподобного с властями. Феодор, являясь ярким защитником икон, выступает против иконоборцев и против любых изменений церковных постулатов: *«иже любовию к намъ и малая отсекающимъ ихъ не истинны мнихи мняшетъ»* [Стлб. 368]; *«о нихъ же ни мала поисчяловавъ праведный, свое творяше, ни сие смотря, что ему рекутъ, но что самъ есть делая и како яже делаше Бог угодная явяться»* [Стлб. 369]. За твердость в вере Феодор платит своей свободой: осуждая развод царя Константина (*«всемъ видящимъ обличяетъ сего и дело его»*) [Стлб. 376], он оказывается в своей первой из трех десятилетней ссылке, которые с каждым разом оказываются все более жестокими. Но из всех испытаний преподобный выходит несломленным.

Еще одним способом общения с «миром» можно считать письменные труды преподобного. Феодор славен литературными произведениями, он пишет «Малое оглашение» и «Великое оглашение» для тех, кто хочет жить по уставу, книгу о великих праздниках, описание жизни Богородицы и Иоанна Предтечи, об Адаме и Ное, книгу, где перечисляет все грехи, от которых следует избавляться.

Описания избиений и мучений, которые претерпел святой, в Житии занимают отдельное место; они призваны доказать, что ни физические, ни психологические атаки (подкуп, лесть, запугивание, избиение и т.д.) не могли возыметь никакого действия на человека, истинно верующего. Моменты издевательств и избиений описаны так подробно, что читатель не может не осудить жестокого правителя и не сопереживать преподобному Феодору: *«биетъ преподобнаго до ста ранъ»* [Стлб. 413]. В темнице, *«темней оной и тесней храмине»* [Стлб. 414], преподобный испытывает *«лютые болезни»*, окружен *«вшами и блохами и прочими гадами»*, гниет заживо (*«отъ ранъ разгноение и всего телесе согноение»*), подвергается издевательствам со стороны стражников (*«оставиша его жаждею и гладом истаити»*) и т.д. [Стлб. 414]. Автор отмечает: *«...да всехъ изреку тяжщее и еже всехъ на плачь подвижнеть»* [Стлб. 414]. В страданиях Феодор сравнивается с Иисусом Христом, который также терпел ради истинной веры: *«елико Христа ради пострада изреци, егоже и раны на теле понеслъ, по апостолу»* [Стлб. 356], *«яко Господь нашъ и Богъ въ рабиі смиренный облечеса образъ»* [Стлб. 364–365].

Реализация в житийной литературе мотива преставления (кончины) святого обычно включает подробное описание всех запомнившихся очевидцам слов, жестов, поступков умирающего. Устойчивым элементом композиции данных эпизодов в разных житиях является включение в них в качестве обязательного компонента пространных и канонических в своей основе поучений к братии.

Преподобный обязательно оставляет после себя преемника, которого еще при жизни поучает, как «пасти стадо», благословляет его. Важное значение в повествовании о подготовке святого к смерти уделяется молитвам и совершению Таинства причастия, описанию погребения и сопутствующих чудес.

Кончина преподобного Феодора Студита описана подробно с момента его болезни в начале ноября до его преставления 11 ноября. Здесь автор строго следует канону преподобнического жития, реализуя все необходимые компоненты: пророчество о скорой смерти («*понеже разуме скорее ему кончине приходящи*» [Стлб. 393, 437]), наставление братии («*О чада любимая, пребудите во моихъ словесехъ, хранящее яже и приасте, блюдущее себе житие и веру невредну...*» [Стлб. 437]), выбор преемника («*И се призавы иконома – Навъкратии же бе сей, иже и по немъ старейшинство опоручено ему бысть...*» [Стлб. 436]), причащение («*И божественныхъ таинъ причащается, да иматъ сохранилище души и радость причащение*» [Стлб. 438]), благочестивая кончина («*Купно сам предасть душу, оставивъ суцая и ко оному пришедъ жилищу*» [Стлб. 438]). При этом отражено чудесное видение Иллариону Далматскому, которому о смерти преподобного сообщают «*чиновъ множество в белахъ ризахъ и светлостъ не токмо лица, но и ризамъ являющемъ*» [Стлб. 439]. Погребение, как обычно, не описано подробно, однако мы знаем, что тело долго не могли опустить в могилу, так как многие хотели попрощаться с ним: «*Егда во гробъ преданъ бысть сошедшемуся множеству, долго възбраняющему положеніа*» [Стлб. 439]. Тело было погребено на острове и только спустя 18 лет перенесено в Студийский монастырь. Говорится также о божественном благоухании мощей при переносе их в столицу: «*И всего цела обрешее ми не вреждена, неизреченнаго благоухания исполнена*» [Стлб. 440].

Таким образом, говоря в целом о жанрово-композиционном своеобразии византийского преподобнического Жития Феодора Студита, мы можем отметить, что текст в целом соответствует канону жанра преподобнического жития и содержит обязательные для него мотивы композиции (герой проповедует, наставляет, учит своим примером, является настоятелем монастыря и т.д.). Интересно при этом отсутствие важных для структурной схемы преподобнического жития мотивов: нет упоминаний о чудесах, предшествовавших или сопутствовавших рождению святого, не реализованы мотивы наречения и смены имени (при постриге), основания собственного монастыря. В то же время в тексте отражены мотивы, характерные для мученического жития (непримиримый конфликт между верным христианином и императором; описание пыток, «мучений» героя; непреклонность противников и мужество святого) и святительского жития (высокий авторитет Феодора в церкви, его проповеди и просветительская деятельность, написание книг).

Отражение в тексте элементов, не характерных для канона преподобнического жития, можно объяснить, на наш взгляд, тем фактом, что, с одной стороны, во время написания данного текста канон жития-биос не был еще окончательно сформирован, с другой же стороны, автор не мог отказаться от элементов мученического и святительского жития в силу соблюдения исторической достоверно-

сти, поскольку Феодор Студит жил во времена гонений на иконопочитателей и много проповедовал, претерпев страдания за свою веру.

Обычно говорится о том, что оригинальные древнерусские преподобнические жития отличаются от византийских высокой степенью «историзма», однако, проанализировав византийское Житие Феодора Студита, мы можем поспорить с этим фактом: здесь явно и четко прослеживается хронологическая и фактологическая (историческая) организация текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладкова, О.В. О славяно-русской агиографии. Очерки [Текст]. – М. : РФК-Имидж Лаб, 2008. – 256 с.
2. Житие преп. Феодора игумена Студийского // Великие Минеи Чети Всероссийского митрополита Макария [Электронный ресурс] : 43 электронные книги и статьи объемом более 8 000 страниц в формате pdf. – СПб. : Аксион эстин, 2009. Ноябрь, 11. Стлб. 355–440.
3. Кусков, В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первая половина XIII века [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1980.
4. Кусков, В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII века [Текст] // Вестник МГУ. – Сер. 9, Филология. – 1981. – № 1. – С. 3–12.
5. Лопарев, Хр. Византийские жития святых VIII–IX веков [Текст] // Византийский временник. – СПб., 1910. – Т. 17 – С. 1–224.
6. Минеева, С.В. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – М. : ИМЛИ РАН, 2002.
7. Минеева, С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста [Текст]. – Курган : КГУ, 1999. – 198 с.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. [Текст]. – Л., 1987.

U.M. Matorina

GENRE PECULIARITIES OF OLD RUSSIAN TRANSLATION OF THE BYZANTINE HAGIOGRAPHY OF SAINT THEODORE THE STUDITE IN THE CONTEXT OF THE GREAT MENOLOGY BY METROPOLITAN MAKARY

The paper analyzes genre peculiarities of Byzantine hagiography of Saint Theodore the Studite. The paper analyzes the canonical scheme of the hagiography, singles out some uncharacteristic motives and attempts to explain their sources.

hagiography, Byzantine literature, genre, hagiographical canon, history of Old Russian literature, Theodore the Studite.

УДК 8Р1

С.Н. Моторин

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ РАННИХ ПЬЕС МАКСИМА ГОРЬКОГО

Статья посвящена ранней драматургии М. Горького, особое внимание уделяется социально-философской проблематике, идейно-художественным особенностям, архитектонике, системе персонажей первых пьес писателя, что позволяет сформировать целостное представление об основных тенденциях в творчестве писателя начала XX века. Приводится анализ пьес «Мещане», «На дне», «Дачники».

драматургия, пьеса, драма, персонаж, герой, художественный образ, действие, сюжет, коллизия, парадокс, конфликт, реплика, мизансцена, мотив, интрига, монолог, диалог.

Прошло сто десять лет с момента появления на сцене Московского Художественного театра первой пьесы Максима Горького, называвшейся «Мещане». К тому времени Горький уже был известен русскому читателю как прозаик, но это произведение стало для него дебютным как для драматурга. Что же услышал отечественный зритель с подмонок после печальных, проникнутых смутными предчувствиями монологов чеховских героев, мечтавших о прекрасном будущем?

Прежде всего, пьеса удивила и вызвала немало вопросов. В чем заключается интрига? Каков основной конфликт? Кто кому противостоит? Словом, новая пьеса озадачила многих, даже искушенных театралов, давно привыкших к реалистической драме.

На первый взгляд все просто: в центре событий судебная тяжба из-за пустякового долга между старшим Бессеменовым и купцом Сизовым. Оба – люди зажиточные и скуповатые. Выходит, что автор решил показать сущность мещанина в его столкновении с представителем купечества? Однако купец так и останется внесценическим персонажем. Едва обозначившееся противостояние между Бессеменовым и Досекиным из-за должности тоже не становится основной пружиной действия. Даже обещавшая интереснейшие сюжетные перспективы коллизия, связанная с желанием Бессеменова женить своего воспитанника Нила на богатой невесте Седовой, остается нереализованной. Все эти линии не имеют продолжения. Казалось бы, такое расточительство со стороны автора просто свидетельствует о его неопытности как драматурга. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что и Досекин, и Седова упомина-

ются для того, чтобы максимально емко и лаконично охарактеризовать общество, окружающее действующих на сцене героев. Горький не соблазняется столь очевидно выигрышными драматургическими ходами не только потому, что подобные пути уже неоднократно были реализованы А.Н. Островским или А.В. Сухово-Кобылиным, но и потому, что задача, поставленная им перед самим собой, куда масштабнее.

Некоторые театральные критики начала XX века сочли главным сюжетным стержнем горьковской пьесы «вечный» конфликт между «отцами и детьми», то есть конфликт поколений, как, например, в «Детях Ванюшина» С.А. Найдёнова. Вроде бы, все так и есть: старшие Бессеменовы идейно противостоят младшим – Петру и Татьяне, а также Нилу, Поле, Елене и прочим представителям молодежи. Но, как совершенно справедливо отмечал Б.А. Бялик, «такое толкование пьесы, внешне весьма убедительное, пришло в прямое столкновение с ее действительным содержанием»¹.

Родные дети Бессеменовых выказывают некоторое свое недовольство родителями, даже ссорятся с ними, но при внимательном рассмотрении оказываются, если и не абсолютно такими же, то, как минимум, чрезвычайно близкими им по своей сути, и «главное размежевание в пьесе происходит не между представителями двух поколений, а между носителями двух мироощущений»². Конечно, наиболее явно противостояние двух типов мировосприятия заметно между старым Бессеменовым и его «воспитанником» Нилом, который своего «благодетеля» терпеть не может и не считает нужным это скрывать, чем еще более раздражает первого. Но в том-то и дело, что не менее острое, хотя и подспудное противостояние происходит между героями, относящимися к одному поколению.

Одни утверждают необходимость активного отношения к жизни, стремятся участвовать в ее изменении в лучшую, с их точки зрения, сторону, как Нил: «И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так, и эдак... тому – помешать, этому – помочь... Вот в чем радость жизни!»³. Другие пытаются отстаивать свое право на сугубо частную, абсолютно отделенную от социума жизнь, как Петр: «Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я – личность! Личность свободна... послушайте! Бросьте это... этот чертов звон...»⁴; «А... меня раздражает все это! Если они любят жить так... если находят в этом удовольствие – пожалуйста! Я не мешаю... Я не хочу никому мешать, но не мешайте и мне жить так, как я хочу!»⁵.

Прямого столкновения между героями нет, но на идейном уровне оно необычайно остро, и в основе его лежит восприятие человеком других людей. Видит ли он их нуждающимися в помощи, сострадании, или же сам ждет от них

¹ Бялик Б.А. М. Горький-драматург. М., 1977. С. 107.

² Там же. С. 108.

³ Горький М. Пьесы. Вологда, 1975. С. 97.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 84.

жалости и поддержки, а может быть, не верит даже в возможность бескорыстия и искренности в человеческих взаимоотношениях, предполагает угрозу со стороны ближнего или попросту равнодушен к окружающим? Словом, Горький в самом начале своего пути в драматургии поставил сложнейшие вопросы о том, какова степень человеколюбия в современном человеке и, вообще, в чем оно, с поправкой на эпоху, заключается. Автора не занимали проблемы драматургической техники, не привлекали внешние эффекты, способные поразить зрителя; прежде всего его интересовало, каким должен быть человек.

Самому писателю казалось, что на все вопросы он дал вполне определенные ответы: настоящий гуманизм свойствен не тем, кто утверждает примат свободы личности от общества, а тем, кто желает изменить социальное устройство так, чтобы свободу обрел каждый. Однако следует помнить о часто встречающемся в литературе идейном парадоксе художественного текста, приводящем к неоднозначности его трактовки, если, конечно, этот текст создавался истинным художником слова, интуитивно верным правде жизни, а Максим Горький, без всякого сомнения, таковым был. Возможно, именно так и произошло и с его первой пьесой, и с последующими дооктябрьскими драмами.

Тот же Нил может показаться воплощением цельности характера, принципиальности, бескомпромиссности, в общем, образцом борца за свободу и, следовательно, за счастье всех людей, во всяком случае автор именно таким его и видел. Но ведь он порою не только бестактен, но и груб с людьми, пусть даже и презираемыми им. В конце концов, свобода для всех – довольно абстрактна, а люди, живущие рядом, вполне конкретны. Например, Нил поразительно жесток в отношениях с Татьяной. И дело даже не в том, что он не захотел ответить на ее чувство, поскольку, как говорится, сердцу не прикажешь, а в том, что он оттолкнул ее, причинив еще большие страдания и невольно став причиной ее попытки самоубийства. И неслучайно он даже не появится в третьем акте. Нил не только не хочет, но и не способен поделиться с ней частицей своего душевного тепла, ведь эта девушка для него – часть презираемого им мира.

Еще более неоднозначной выглядит вторая пьеса Максима Горького – «На дне», также вышедшая в 1902 году. Это произведение вызвало такие споры, каких, пожалуй, еще не бывало. И по сей день критики и литературоведы не пришли к единому мнению.

Довольно долгое время преобладала точка зрения, согласно которой идейным стержнем «На дне» является «опровержение пассивного гуманизма, обращенного лишь к таким чувствам, как жалость и сострадание, и противопоставление ему гуманизма активного, революционного, возбуждающего в людях стремление к протесту, сопротивлению, борьбе»⁶. Эту точку зрения публично поддерживал и сам писатель.

Однако существует и другой подход, особенно активно разрабатывавшийся в 90-е годы XX века и предполагавший наличие в пьесе некоей скрытой авторской позиции, опирающейся на истинно христианские ценности. Причем та-

⁶ Бялик Б.А. М. Горький-драматург. С. 124.

кой взгляд не кажется абсолютно безосновательным, ведь его сторонники в качестве доказательств приводят ряд значимых художественных деталей, имеющих символическое значение в тексте, а также оригинальные трактовки отдельных реплик персонажей и некоторых мизансцен в целом.

В сущности, подобные дискуссии так или иначе порождены одним вопросом: кто прав в споре между Лукой и Сатиным? Вопрос о том, на чьей стороне автор, как известно, снял сам Горький, высказавшись за второго. Но не сталкиваемся ли мы вновь с непреднамеренным идейным парадоксом, когда художественный текст, как истинное произведение искусства, входит в противоречие с изначальным намерением его творца? Похоже, что дело обстоит именно так. В чем же источник такой внутренней противоречивости? По всей видимости, в автономности наметившихся в самом начале произведения потенциальных сюжетных линий, как и в «Мещанах», но только в большей степени.

Так, линия взаимоотношений хозяина ночлежки Костылева, его жены Василисы, ее младшей сестры Наташи и Васьки Пепла вполне могла бы превратиться в самостоятельную пьесу социально-бытового или мелодраматического характера. Линия Клеща и умирающей Анны в перспективе выростала в острейшую социально-бытовую драму с протестным, почти трагическим звучанием. Линии Барона и Насти, Медведева и Квашни, Актера, Бубнова, Алёшки, Татарина имели трагикомический, а может быть, даже фарсовый потенциал или могли развиваться в привычную бытовую комедию. Однако этого не случилось – вышла совершенно особенная полифоническая драма с мощнейшим философским звучанием.

В этой пьесе Максим Горький обратился к целому комплексу вопросов онтологического характера. Если в первом своем драматургическом опыте он поставил и пытался разрешить проблемы, связанные с сущностью гуманизма и свободы, то во втором драматическом произведении, наряду с теми же вопросами, были предложены зрителю и читателю вопросы о справедливости, о жизни и смерти, о смысле жизни и, наконец, вопрос о счастье.

Почти все персонажи пьесы предстают перед нами не только жертвами царящей в мире несправедливости, но и людьми, еще способными на сильные чувства, на глубокие мысли и на мечты, порою возвышенные и вызывающие уважение, порою наивные и явно неосуществимые, порою постыдные и отталкивающие своим откровенным паразитизмом, а иногда просто отвратительные и преступные.

Так, Актер мечтает о том, чтобы вылечиться от алкоголизма, вернуться на сцену и заново обрести свое артистическое имя. Васька Пепел мечтает о настоящему свободной жизни, без обидного прозвища Вор, чтобы сам себя мог уважать. Клещ каждую минуту живет мечтой о том, чтобы вырваться из нищеты и вернуть себе честное имя рабочего человека. Настя мечтает о настоящей любви, не желает замечать своего унижительного положения и отчаянно выдумывает своего «принца». Квашня тоже мечтает – об удачном замужестве, хотя упорно не признается в этом. И Наташа не признается, потому что боится разочароваться в самой возможности любви. Даже знающая о приближении смерти Анна

робко мечтает пожить еще немного, ради чего она готова и дальше терпеть мучения. Варвара страстно желает смерти своему постылому мужу и мечтает о том времени, когда станет единоличной хозяйкой ночлежки и не будет уже сдерживать свои низменные страсти. Барон также не прочь помечтать, даже вслух, под видом воспоминаний, речи его вполне могут быть правдой, но очень уж напоминают хлестаковское вранье, только не смешное, а безобразное, вызывающее лишь брезгливость.

Не высказывает ничего такого заветного Лука, но именно он старательно поддерживает и усиливает мечтания людей «дна». Он не только не смеется над Настей, но и всерьез говорит, будто верит в возможность пылкой любви в ее жизни. Он вселяет в душу Актёра настоящую веру в излечение от алкоголизма в бесплатной больнице. Он рисует Пеплу необыкновенную вольную жизнь в Сибири и настойчиво убеждает Наташу отправиться туда вместе с Васькой. Утешая Анну, говорит о покое, ожидающем ее в загробном мире.

Никто в пьесе не произносит слово «счастье», что вполне естественно, ведь их настоящее не соответствует этому понятию. Но они поверили, пусть и на время, в его возможность, а Актёр, например, даже пытается двигаться к нему (он зарабатывает деньги на дорогу и не пьет). Их существование становится более осмысленным. Если же предположить, что им удалось реализовать свои мечты, то они стали бы счастливыми, пусть и на время. Следовательно, путь к счастью и есть смысл человеческой жизни. Но Максим Горький не акцентирует внимание на таком очевидном выводе.

Писатель ставил перед собой совсем иную цель: показать, что в современных условиях невозможно не только достижение человеком счастья, но даже обретение дороги к нему, так как сама система ценностей в обществе ущербна и противоречит истинному гуманизму. И неслучайно в финале Актёра одолело отчаяние, довело до самоубийства.

Сатин же не только ни о чем не мечтает, но и сознательно отказывается от какой-либо деятельности, отвечая Клещу на его вопрос о том, что же делать дальше: «Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто – обременяй землю!..»⁷. А два сатинских монолога о человеке, правде, лжи и свободе на фоне его повседневной жизни звучат почти на грани фарса, ведь герой не безумец и отдает себе отчет в истинном своем положении: «Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся... и оглядываются...»⁸. Значит слова о том, что «человек... звучит гордо»⁹, и о том, что человек и есть правда, и так далее, – это все-таки не совсем слова самого Сатина, скорее, это мысли автора, вложенные в уста героя и обращенные к читателю и зрителю в попытке его пробудить, растревожить или хотя бы задеть, ведь произносит их, как бы ни симпатизировал ему автор драмы, отъявленный изгой общества, «золоторотец», человек живущий жульничеством, обманом, обижающий людей.

⁷ Горький М. Пьесы. С. 165.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Там же. С. 176.

Безусловно, писатель, демонстрируя судьбы персонажей, подчеркивает то, что любой человек может стать жертвой обстоятельств, и осуждает такое положение вещей в обществе, когда человек обречен на несвободу и, следовательно, на несчастье. И все же пьеса не столько дает ответы на поставленные вопросы, сколько предлагает новые.

К моменту окончания работы Максима Горького над драмой «На дне» его особенно волновал вопрос о роли лучшей части общества – роли интеллигенции в решении насущных социальных, политических, философских проблем. Необходимо отметить, что у писателя складывались довольно непростые отношения с этой социальной прослойкой. Уже в июне 1902 года в одном из писем к К. Пятницкому он сообщает о том, что приступил к работе над следующей пьесой, в которой как раз и собирается изобразить жизнь таких людей без всякой идеализации и даже с пристрастием. Речь шла о драме «Дачники».

В 1904 году «Дачники» увидели свет рампы на сцене театра В.Ф. Комиссаржевской. Предназначение, даже миссию, русской интеллигенции Максим Горький видел в служении народу, из недр которого она в большинстве своем и вышла. Более всего писателя возмущало нежелание части интеллигенции, устроившейся в жизни вполне комфортно, защищать интересы простого человека под самыми разными предлогами, а также ее стремление при этом сохранить презентабельный вид. Драматург увидел и показал раскол среди образованных людей России, в процессе которого одна их часть, и немалая, стремительно перерождается в столь нелюбимое и презираемое им мещанство: «И многие из интеллигенции идут за мещанами в темные углы мистической или иной философии – все равно – куда, лишь бы спрятаться»¹⁰.

Именно такими, хотя они и пытаются маскироваться, предстают перед нами многие персонажи пьесы: Рюмин, Басов, Суслов, Шалимов. Жизненную и идейную позицию каждый из них излагает по-своему, но в одном они абсолютно единодушны: никто из них не желает беспокоить себя заботами, не связанными с личными интересами.

Адвокат Басов, убежденный конформист, сторонник всяческих компромиссов, вкрадчиво и несколько уклончиво говорит о том, что жизнь – это «славное занятие», к которому относиться следует «дружески», «доверчиво». Куда более определенно высказывается инженер Суслов, выступающий своего рода идеологом отступничества. Он придумывает «логическое» обоснование своего устранения от обязанностей перед обществом: «Мы наволновались и наголодались в юности; естественно, что в зрелом возрасте нам хочется много и вкусно есть, пить, хочется отдохнуть... И потому оставьте нас в покое!.. Я обыватель – больше ничего-с. Вот мой план жизни»¹¹. Гуманистическая идея в его трактовке дискредитируется, парадоксально превращаясь в базу для эгоистического, по сути мещанского, мировоззрения.

¹⁰ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М., 1968. С. 85.

¹¹ Горький М. Пьесы. С. 208.

Ничуть не лучше выглядит в пьесе так называемая «творческая интеллигенция», за внешней оригинальностью, утонченностью и изысканностью манер которой скрывается душевная пустота и все тот же эгоизм. Такими оказываются Калерия и Рюмин, старательно изображающие из себя живущих сложной духовной жизнью модернистов, находящихся в постоянном этическом и эстетическом поиске декадентского толка. Если для первой – это модная, тешащая самолюбие игра, то для второго – просто удобная ширма, маскирующая его истинное лицо.

Рюмин когда-то клялся служить «общему делу», «на благо общества», но как-то, может быть даже незаметно для себя, стал все больше ценить покой и бояться за него. Он тоже подводит под свою жизненную позицию теоретическую базу, согласно которой человек от природы слаб и потому не в состоянии бороться со злом в этом мире. Более того, он испытывает удовольствие от этой предопределенности, поскольку в таком случае человек получает оправдание своим порокам и грехам и уже как будто и не чувствует себя виноватым, а лишь достойным сострадания. Для этого декадента искусство стало своеобразным убежищем от реальных нужд людей, их боли, бед и перестало быть настоящим искусством, лишившись своего истинного предназначения.

Еще более печальное зрелище представляет собой писатель Шалимов, прежде воспринимавшийся как настоящий гражданин, защитник свободы, пример для подражания, почти пророк, теперь ставший пародией на самого себя прежнего. А его знаменитая когда-то «крепость характера» размякла и сменилась целой системой идейных и нравственных компромиссов, превративших его в духовного банкрота, растерянного, испуганного явно надвигающимися переменами в жизни.

Все эти люди отгородились от реального мира красивыми фразами, спрятали за ними свою жизненную несостоятельность, надели на себя какую-то личину и играют соответствующую ей роль, обманывая окружающих, а порой и себя. Осмысление проблемы правды и лжи происходит в этой пьесе несколько иначе, нежели в предшествующих драматических произведениях Максима Горького. Отсюда и мотив лицедейства, звучащий на протяжении всей пьесы.

Противоречие между маской и подлинной ролью, которую играют «дачники» в жизни, реализуется и при помощи особого драматургического приема «спектакль в спектакле», успешно применявшегося на отечественной сцене А.П. Чеховым. Где-то там, за сценой, звучат голоса других дачников, театралов-любителей, не слишком умело репетирующих свой спектакль. Так создается второй план пьесы – иронический, который придает изображаемому непосредственно на сцене эффект комической сниженности. Это своего рода почти фарсовая параллель тому «спектаклю», который «играют» сценические персонажи.

Но всякое представление, убедительное оно или не очень, когда-нибудь должно закончиться. Закончилось очарование «красивыми» и «умными» сло-

вами и для Варвары Михайловны, жены адвоката Басова, которая верила своему мужу и людям его круга, мечтала о полезном обществу труде, о честном служении идеалам, но в какой-то момент почувствовала фальшь, увидела «игру» и разочаровалась в этих людях, обернувшихся вдруг жалкими комедиантами. Она с горечью произносит: «Интеллигенция – это не мы! Мы что-то другое... Мы дачники в нашей стране...»¹². Героиня покидает мужа, разрывает с прежним своим окружением, но ее дальнейшая судьба для зрителя и читателя остается неизвестной, финал своей пьесы писатель оставляет открытым.

Прочтение этих трех пьес в наши дни обнаруживает их удивительную актуальность, ведь драматург создал их в кризисные для России годы, когда страна стояла на пороге первой русской революции, когда необходимо было объективно оценить и осмыслить сложившуюся в обществе ситуацию, чтобы предотвратить тяжелейшие последствия. Рассматриваемые в совокупности ранние пьесы Максима Горького являют собой правдивую летопись той эпохи, сегодня же видятся своеобразным предупреждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бялик, Б.А. М. Горький-драматург [Текст]. – М. : Знание, 1977. – 387 с.
2. Горький, М. Пьесы [Текст]. – Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. – 320 с.
3. Летопись жизни и творчества А.М. Горького [Текст]. – М. : Академия, 1968. – 457 с.

S.N. Motorin

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY OF MAXIM GORKY'S EARLY PLAYS

The article centers on Maxim Gorky's early plays, such as «The Petty Bourgeois», «The Lower Depths», and «Summer Residents». It analyzes their social and philosophical problematics, their ideological and artistic originality, their architectonics, and their system of characters. The analysis reveals the major tendencies of M.Gorky's works in the early 20th century.

dramatics, play, drama, character, act, plot, conflict, paradox, cue, mise-en-scene, motif, intrigue, monologue, dialogue.

¹² Горький М. Пьесы. С. 242.

УДК 94(410)

И.В. Пахомова

**РОМАН «ЗАПИСКИ МАЛЬТЕ ЛАУРИДСА БРИГГЕ» Р.М. РИЛЬКЕ
В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ**

В статье рассматривается роман австрийского поэта Райнера Марии Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» в контексте русско-литературных связей. В романе находит отражение особое отношение Рильке к личности Л. Толстого и теме женственности. По мысли поэта, женщина интуитивно постигает мир. В любви она способна на самоотречение и самопожертвование. Образцами истинной любви для Рильке были мифологические и реальные женщины. Эти героини не могли надеяться на осуществление своей любви, но сила их чувства приближала к Богу. Такая любовь по Рильке есть залог духовного развития. Тема женственности имела большую популярность в русской литературе. Она нашла свое воплощение в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Соловьева.

Бог, «Записки Мальте Лауридса Бригге», «вечные любящие», идея женственности, любовь, одиночество, Райнер Мария Рильке, русская литература, Л. Толстой, самоотречение, творчество.

Вершиной прозаического мастерства Р.М. Рильке стал роман «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910). Страницы, написанные в реалистической манере, соседствуют здесь с неоромантическими традициями письма, которые трансформируются в еще только предвосхищавшийся тогда экспрессионизм. Некоторые фразы романа читаются как стиховые, отдельные фрагменты повествования являют собой ритмизированную прозу.

Главный герой романа датский поэт Мальте Лауридс Бригге, живет в Париже, глубоко подавленный ужасом перед огромным городом. Это бунтарь-богоискатель, натура одаренная и глубоко чувствующая, в какой-то мере alter ego самого писателя. Мальте чрезвычайно одинок. При этом он пристально вглядывается в людей, с которыми его сталкивает судьба, хочет разглядеть в каждом человеке неповторимое, особенное, отличное от других. Его наблюдения поражают точностью. Он глубоко проникает во внутренний мир человека. Пусть этот человек нищий, пусть он выброшен за борт жизни в большом городе – его внутренний мир не теряет для Мальте своей ценности.

Но это стремление постичь человека, исходя только из его индивидуальности, из единичного и особенного, приводит героя к замыканию на себе самом, на своих личностных переживаниях. Мальте вспоминает детство в Ульсгоре, в Урнеклостере, вспоминает юность, страницы прочитанных книг. Воспоминания чередуются с живыми впечатлениями от Парижа – и все это нанизывается на единый субъективный стержень. Желая сохранить собственное «я», Мальте обрекает себя на одиночество. Даже любовь, считает

Мальте, ограничивает истинную свободу человека, поскольку любовь несвободна от страсти к обладанию, от стремления подчинить себе жизнь другого. Она невольно превращает бытие любимого в заключение, ведь из ожиданий и надежд любящих складываются условия игры, определенная схема поведения. Роман заключает притча о Блудном сыне, ушедшем из родного дома, потому что он не хотел быть любимым, не желал соглашаться только на один вариант своей судьбы, складывающийся из ожиданий и надежд его близких. В странствиях по свету Блудный сын надеется найти такую любовь, которая не ограничивала бы свободу другого, не сводилась бы к желанию владения. Одно время ему кажется, что он находит свой идеал в любви к Богу, но это решение неустойчиво.

Стремясь отгородиться от людей, Мальте в то же время испытывает к ним страстный интерес и, что важно, сострадание. Люди вокруг него взывают к участию. Мальте видит своим идеалом флюберовского Юлиана Странноприимца, самоотречение которого представляется ему возведенной в высшую степень любовью к ближнему. Разница только в том, что окружающие его страшные, уродливые образы никогда не сбросят своей ужасной оболочки и не предстанут ангелами. Они останутся в той же нищете и болезнях.

Но Мальте не находит сил для такой любви. Он полон сострадания к людям, но он чужой среди них. Погруженный в свои мысли, Мальте испытывает перед жизнью экзистенциальный страх, страх не перед чем-то конкретным, а перед бытием вообще. И проистекает он из неспособности понять этот мир и преобразовать его в целостную картину. Записки, которые Мальте начинает писать с целью создать «большую книгу», в итоге рассыпаются, становятся фрагментарными и отрывочными. Не в силах сочетать свою жизнь с жизнью человеческого рода, с историей семьи и просто Историей он полностью замыкается в мире грез и воспоминаний. Мир видится ему вереницею вторгающихся картин и воспоминаний, между собой не связанных, разрозненных, противоречивых, где нет закономерностей и высших ценностей. Стремление увидеть мир в целостности, осознать свое место в череде поколений – такая задача оказывается для Мальте непосильной. В этом причина его мучительного внутреннего разлада. Пройдя через цепь тяжелых разочарований, Мальте приближается к тому взгляду на вещи, который был близок Рильке. Он догадывается, что только сам способен создать своего Бога, если будет неотступно двигаться в направлении любви, не принимая от людей ответного чувства. На это может уйти вся жизнь, но такова единственная возможность для художника когда-нибудь в будущем приблизиться к тому, что Рильке называет Богом.

Роман обрывается на полуноте. Герой отрекается от семьи, любви, Бога, оставшись в полном одиночестве.

Рильке вначале задумывал «Записки Мальте Лауридса Бригге» закончить вставной новеллой о Л.Н. Толстом. К.М. Азадовский считает, что раздел «Толстой» может рассматриваться как ключ к пониманию книги: «Его начало находится в прямой связи с завершающими роман словами легенды о Блудном сыне:

«Разве они знали, каков он? Любить его было теперь очень трудно, и сам он сознавал, что на это способен лишь Единый, но тот пока еще не хотел». Смысл этих фраз, подвергавшихся различному толкованию, теперь не подлежит сомнению. «Единый» – это, разумеется, Бог, который «еще не хочет» любить по той простой причине, что он еще не создан человеком»¹. Страх перед приближающейся смертью заставляет Толстого, по мнению Рильке, почувствовать, что его собственный Бог еще не создан. Однако желание обратить на себя любовь других побеждает в писателе естественные творческие порывы. Рильке осуждает Толстого за то, что он уклоняется от «перевоплощающей» работы.

Рильке, как известно, отказался закончить новеллой «Толстой» свой роман, возможно, потому, что Толстой – даже просто как литературная параллель – являл собой нечто цельное, совершенное. Герой же романа так и остался в состоянии внутренних поисков, состоянии разлада и дисгармонии.

В общем контексте романа знаменательная роль отведена рассказам о «великих любящих». Их любовь не умозрительная, а живая и способная на самоотречение. Она обращена к человеку, но не сковывает его бытие, скорее лишь просвечивает любимого светлыми лучами и открывает ему его самого. В этих «любящих» – подлинная человечность и правда жизни.

В «Записках Мальте Лауридса Бригге» Рильке перечисляет мифологические, вымышленные и реальные образы «великих любящих»: Библиды, Сафо, возлюбленной Абеяра Элоизы, венецианской поэтессы XV века Гаспары Стампа, португальской монахини Марианны Алькофорадо, немецкой писательницы эпохи романтизма Беттины Арним – и развивает мысль о ценности любви. По мнению Рильке, подобная трагическая, неразделенная страсть скорее, нежели счастливая любовь, приближает к познанию сущности мира: «Жизнь любимых тяжела и опасна. Ах, если бы они себя пересилили и сделались любящими. У любящих – надежная жизнь. Они уже вне подозрений и сами не могут себе изменить. В них исцеляется тайна, они выпевают ее целиком, как соловей, не дробя. Они плачут по одному-единственному; но вся природа вторит им: это плач по Вечному. Они кидаются вслед за утраченным, но уже с первых шагов обгоняют его, и перед ними – лишь Бог»².

Интересно, что в не включенную в повествование новеллу «Толстой» Рильке ввел образ Т.А. Ергольской. Т.А. Ергольская, будучи дальней родственницей Толстых, почти всю жизнь прожила в их доме и во многом заменила детям умершую мать. Л.Н. Толстой, отмечая ее благотворное влияние, так о ней вспоминал: «Еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни»³.

¹ Азадовский К.М. Р.М. Рильке и Л.Н. Толстой // Русская литература. 1969. № 1. С. 144.

² Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. Роман. Новеллы. Стихотворения в прозе. Письма. М., 1988. С. 166.

³ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 1. М., 1923. С. 26.

Рильке, с большим интересом читавший биографию Толстого, своеобразно истолковал назначение этой женщины. Согласно его представлению, любовь в высшем смысле предполагает отрицание любви в общепринятом понимании. Образцами такой великой любви для Рильке были вышеназванные женщины, которые, утратив все надежды на земное осуществление своего чувства, продолжали любить, ведя одинокую, почти затворническую жизнь. Такая любовь есть залог творческого развития. К числу «великих любящих» Рильке относит и Т.А. Ергольскую. Однако Толстой, как кажется Рильке, «перед лицом искушения» совершенно пренебрегает заветами Т.А. Ергольской и дает своей жизни неверное направление. Отказавшись от творческого труда в пользу физического, направив свою деятельность на общественное благо, Толстой, по мысли Рильке, в конце концов оказывается не в состоянии понять, чем был продиктован отказ Т.А. Ергольской выйти замуж за его отца. И за это «непонимание» Рильке осуждает Толстого.

В воспоминаниях Мальте большое место отведено родным женщинам. Это прежде всего мать, рано умершая, хрупкая, едва видимая миру, но знающая, чувствующая главную тайну жизни. Это она рассказывала Мальте о мертвых так, как будто была уверена, что они живут и сейчас. Мать лишь для виду читала сыну сказки, на самом деле они их не очень любили, феи разочаровывали, поскольку у сына и матери было иное представление о чудесном. Любимым их занятием было рассматривание кружев, тонкие узоры которых и были проявлением чуда, тайной красоты. Кружевницы, создавшие эти узоры, представляли истинными феями. Мальте был уверен, что своим трудом они заработали себе Царствие Небесное, но мать возражала, уверенная, что, работая, они уже находились там. При этом мать ничего не знала ясно, четко, разумом, она постигала мир сердцем. Каким-то внутренним чувством она видела и ощущала чудо. Именно мать видела, как умерла сестра Ингеборг, о которой потом складывались легенды. Рассказывали, что, собираясь на бал и вкалывая в волосы какие-то блестящие булавки, она слишком близко подошла к зеркалу и мгновенно вся воспламенилась. Собрав весь свет, Ингеборг вспыхнула, когда свет удвоился в зеркале, и сгорела сама, оставив миру одно свечение. По Рильке именно женщина на протяжении многих столетий собирает разлитый в мире свет, рассыпанную красоту.

Один из самых интересных образов романа «Записки Мальте Лауридса Бригге» – Абелона, героиня детства Мальте. Это образ таинственной ускользающей женственности, «вечной любящей», интуитивно близкой тайнам мироздания. Одна из страниц романа посвящена ее завораживающему пению, когда все, кто слушал ее песню о любви, «встали, склоняясь под ее голосом»⁴.

Мальте, для которого осуществленная любовь представляется ущербной в силу своей эгоистичности, рассуждает о том, что Абелона должна была бы направить свои чувства на Бога: «Могло ли ее правдивое сердце не чувствовать, что Бог – лишь направление любви, не ее предмет? Разве она не знала, что здесь

⁴ Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге... С. 175.

можно не бояться взаимности? Не угадывала сдержанности в высоком возлюбленном, который нарочно оттягивает страсть, чтобы дать нам, медленным, выложить все свое сердце?»⁵. Мальте пребывает в убеждении, что полноценная любовь всегда имеет своим адресатом Бога, она присутствует во всех его творениях, но не дается человеку. Большинство людей (и сам Мальте) всегда любят мимо – мимо любимого, мимо его сути, мимо основы вещей. Любящий – тот, кому ничего не нужно, кроме бытия любимого. Но Абелона – исключение. Возможно, поэтому, рассуждает Мальте, она «последние годы загодя готовила свое сердце для незаметного и всечасного сообщения с Богом»⁶.

Сквозь всю русскую литературу, как отмечают современные исследователи О.В. Рябов, В. Непомнящий, Г.Д. Гачев и другие, проходит высокая поэзия неосуществленной любви. На Западе воспета осуществленная любовь: Абеляр и Элоиза, Тристан и Изольда, Франческа и Паоло, Ромео и Джульетта, Фауст и Гретхен, в русской же литературе задан образец любви пушкинской Татьяной. Жизнь разводит влюбленных, что усиливает их духовное тяготение. Любовь неосуществленная исполнена духовного Эроса. Она «существует как вечная рана в сердце Татьяны, в душе Онегина – и в этой взаимной боли и божественном несчастье они неизменно принадлежали друг к другу»⁷.

Идея женственности имела большую популярность в развитии российской художественной мысли. На протяжении последних двух веков этой идеей были увлечены А.И. Герцен и К.Д. Кавелин, В.В. Розанов и Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и В.Ф. Эрн, Н.О. Лосский и В.И. Иванов, И.А. Ильин и Г.А. Флоровский. В культуре Серебряного века философия женственности становится предметом дискуссий, занимает особое место в историософской проблематике. Образ России-женщины, «жены, облеченной в солнце», появляется в творчестве В.С. Соловьева, встречается в текстах В.В. Розанова и А. Блока, А. Белого и Н.А. Бердяева.

Образ русской женщины, заданный русской литературой, словно создан для того, «чтоб быть сосудом, вместилищем, источающим и рассеивающим по России именно такую любовь – как бы с дистанционным управлением: чтобы отталкивать от непосредственного слияния, зато тем мощнее удерживать страсть на расстоянии, чтобы перегонять... огненную влагу в воздух и ветер»⁸. В русском понимании любовь и пространство соединены, огромные просторы страны словно пути перекрещивающихся разлук и встреч. Неслучайно идеал русских женщин воплотился в декабристках. Им посвящено одно из первых произведений отечественной литературы – поэма Н.А. Некрасова «Русские женщины», в названии которого утверждается национальная специфика. Такая любовь, разлитая в пространстве, независимая от времени, легко уносит дух человека в даль, дает иной взгляд на бытие, просветляет и приобщает к необъятному миру.

⁵ Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге... С. 175.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Гачев Г. Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью). М., 2004. С. 21.

⁸ Там же. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский, К.М. Р.М. Рильке и Л.Н. Толстой [Текст] // Русская литература. – 1969. – № 1. – С. 129–151.
2. Бирюков, П.И. Биография Льва Николаевича Толстого [Текст]. – Т. 1–4. – М., Пг., 1905. – 923 с.
3. Гачев, Г. Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью) [Текст]. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 640 с.
4. Рильке, Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. Роман. Новеллы. Стихотворения в прозе. Письма [Текст]. – М. : Известия, 1988.

I.V. Pakhomova

R.M. RILKE'S NOVEL «THE PAPERS OF MALTE LAURIDS BRIGGE» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE

The article focuses on the novel «The Papers of Malte Laurids Brigge» by Rainer Maria Rilke, an Austrian poet. The novel is treated in the context of Russian literature. Rilke's understanding of femininity and his attitude to the personality of L. Tolstoy are reflected in the novel. A loving woman is capable of self-sacrifice and self-denial. R.M. Rilke believed that paragons of perfect love could be found both among mythological and real women, who could not hope for the implementation of their love, but whose feelings elevated them to God's heights. Such love, according to Rilke, promotes spiritual development. Femininity is a favorite topic of many Russian writers and poets, such as A. Block, A. Bely, V. Solovyev.

God, «The Papers of Malte Laurids Brigge», true lovers, femininity, love, solitude, Rainer Maria Rilke, Russian literature, Leo Tolstoy, self-denial, art.

УДК 621.383.51

В.В. Трегулов, В.А. Степанов

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОВОДИМОСТИ ГЕТЕРОСТРУКТУР CdS/Si(p), ИЗГОТОВЛЕННЫХ МЕТОДОМ ГИДРОХИМИЧЕСКОГО ОСАЖДЕНИЯ СУЛЬФИДА КАДМИЯ

Приведены результаты исследования вольт-амперных характеристик и температурных зависимостей прямого и обратного тока гетероструктур CdS/Si(p), изготовленных с помощью технологии гидрохимического осаждения сульфида кадмия. Отмечается, что проводимость гетероструктур определяется процессами генерации-рекомбинации в области пространственного заряда.

вольт-амперная характеристика, гетероструктура, кремний, контактная разность потенциалов, область пространственного заряда, поверхностные состояния, рекомбинация, сульфид кадмия, фотоэлектрический преобразователь.

Гетероструктуры CdS/Si(p) могут успешно применяться в качестве фотоэлектрических преобразователей (ФЭП) солнечной энергии. Согласно данным, приведенным в работе [3], теоретическая оценка максимальной эффективности такого ФЭП составляет 26 процентов. Применение технологии гидрохимического осаждения для изготовления гетероструктур позволит существенно снизить стоимость ФЭП. Это делает актуальной задачу всестороннего исследования характеристик гетероструктур CdS/Si(p), и в первую очередь механизмов проводимости.

Исследованные в данной работе гетероструктуры были изготовлены методом гидрохимического осаждения тонких пленок CdS на поверхность монокристаллической кремниевой пластины *p*-типа проводимости с удельным сопротивлением 1 Ом·см. Пленки CdS имели проводимость *n*-типа и толщину 2,5 мкм.

Технология изготовления образцов подробно описана в работе [1]. Гетероструктуры, исследуемые в нашей работе, отличались от образцов, рассматриваемых в работе [1], тем, что они были изготовлены при более высоком

содержании NH_4OH в растворе. Это позволило увеличить напряжение холостого хода ($V_{\text{ХХ}}$) ФЭП на 100 мВ без легирования слоя CdS примесью индия.

Зонная диаграмма гетероструктуры CdS/Si(p) (рис. 1, [3]) типична для высокоэффективных ФЭП, так как отсутствует «пичок» ΔE_c на краю зоны проводимости, ухудшающий прохождение фотогенерированных носителей заряда [2].

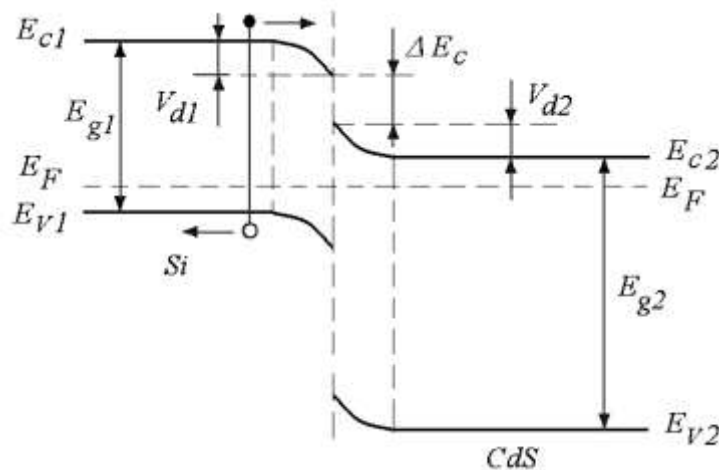

Рис. 1. Зонная диаграмма гетероструктуры CdS/Si(p) [3]

Гетероструктура освещается со стороны широкозонного слоя CdS, который играет роль оптического окна. Эффект окна заключается в том, что фотоны, энергии которых находятся в диапазоне значений ширины запрещенных зон E_{g1} и E_{g2} контактирующих полупроводников, проходя через широкозонный материал, генерируют электронно-дырочные пары в области пространственного заряда (ОПЗ) или в квазинейтральной области узкозонного полупроводника [3]. Эффективная фотогенерация носителей заряда в широкозонном слое CdS наблюдается преимущественно в коротковолновой области спектра. При воздействии солнечного света носители, генерированные в широкозонном полупроводнике, не вносят существенного вклада в общий фототок. Таким образом, в ФЭП на основе гетероструктуры CdS/Si(p) поглощение света и генерация носителей заряда происходят в ОПЗ или квазинейтральной области кремния.

Для выяснения механизма проводимости гетероструктуры CdS/Si(p) измерялись прямые и обратные ветви вольт-амперных характеристик в диапазоне температур 130–344 К. Установлено, что для прямых ветвей вольт-амперных характеристик вид зависимости $\ln(I) = f(V)$ изменялся в указанном диапазоне температур.

Прямая ветвь вольт-амперных характеристик во всем диапазоне температур может быть представлена следующей зависимостью:

$$I = I_0 \cdot \exp\left(-\frac{\Delta E}{kT}\right) \left[\exp\left(\frac{qV}{akT}\right) - 1 \right], \quad (1)$$

где I_0 – ток насыщения, ΔE – энергия активации, k – постоянная Больцмана, T – абсолютная температура, a – показатель идеальности, q – заряд электрона, V – напряжение, приложенное к гетероструктуре [2].

В исследуемых гетероструктурах значение показателя идеальности превышало 2. Таким образом, проводимость исследованных гетероструктур определяется процессами генерации-рекомбинации носителей заряда в ОПЗ.

В формуле (1) энергия активации ΔE имеет смысл высоты потенциального барьера для электронов и может быть определена следующим образом [3]:

$$\Delta E = \Delta E_C + V_d = \Delta E_C + V_{d1} + V_{d2}, \quad (2)$$

где ΔE_C – разрыв запрещенной зоны на гетерогранице (рис. 1), V_d – полная контактная разность потенциалов полупроводников, образующих гетероструктуру, V_{d1} и V_{d2} – контактные разности потенциалов первого и второго полупроводников (рис. 1).

Гетеропереходы содержат на границе раздела поверхностные состояния с ловушками носителей заряда, которые являются центрами рекомбинации. Поверхностные состояния снижают плотность тока короткого замыкания и напряжение холостого хода, что приводит к уменьшению эффективности ФЭП [3]. Поверхностные состояния на гетерогранице снижают эффективное значение высоты потенциального барьера ΔE [2].

Для определения высоты барьера ΔE проводилось измерение температурной зависимости прямого I_{np} и обратного $I_{обр}$ тока гетероструктуры при заданном значении постоянного напряжения V . Прямому смещению гетероструктуры CdS/Si(p) соответствует приложение положительного полюса источника напряжения к кремниевой подложке, отрицательного – к CdS. Обе зависимости имеют экспоненциальный характер. По наклону линейных участков зависимостей, представленных в координатах $\ln(I_{np}) = f(1/kT)$ и $\ln(I_{обр}) = f(1/kT)$ (рис. 2, 3), были определены значения ΔE . Результаты измерения высоты барьера представлены в таблице 1.

Зависимость прямого тока гетероструктуры от температуры измерялась при напряжении 0,1 В. При более высоких значениях прямого напряжения величина ΔE становится меньше 0,1 эВ. Это объясняется снижением контактной разности потенциалов V_d при прямом смещении.

Зависимость $\ln(I_{np}) = f(1/kT)$ при $V_{np} = 0,1$ В (рис. 2) состоит из двух участков прямых с разным наклоном. В области низких температур (участок 1 таблицы 1) $\Delta E = 0,62$ эВ, при более высоких температурах высота барьера снижается до 0,34 эВ (участок 2 таблицы 1).

Важно отметить, что величина ΔE при низких температурах (0,62 эВ), полученная из зависимости $\ln(I_{np}) = f(1/kT)$, совпадает с высотой барьера, определенной из высокочастотных вольт-фарадных характеристик. Высокочастотные вольт-фарадные характеристики измерялись с помощью цифрового

измерителя иммитанса E7-12 на синусоидальном измерительном сигнале с амплитудой 25 мВ и частотой 1 МГц. Такое совпадение можно объяснить следующим образом. При измерении вольт-фарадных характеристик гетероструктуры на высоких частотах (1 МГц) процесс перезарядки поверхностных состояний не успевает следовать за измерительным сигналом и не дает вклад в измеренную емкость. Поэтому, анализируя высокочастотные вольт-фарадные характеристики, мы получаем значение высоты барьера без учета влияния поверхностных состояний.

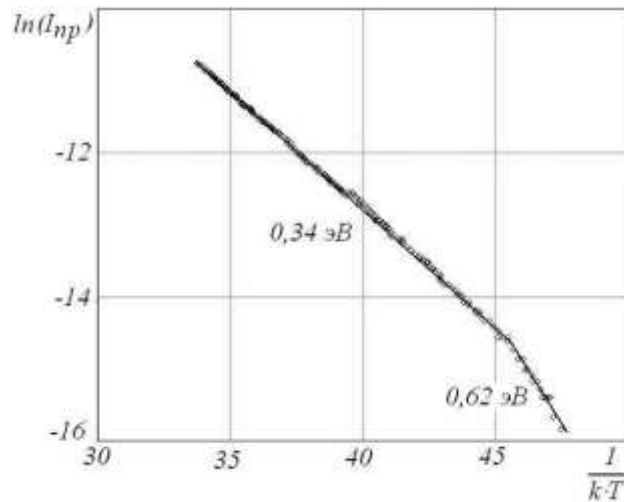

Рис. 2. Температурная зависимость прямого тока гетероструктуры CdS/Si(p), измеренная при $V = 0,1 \text{ В}$

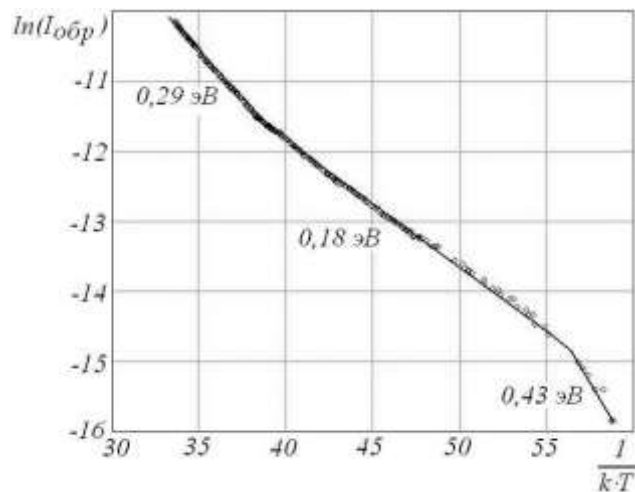

Рис. 3. Температурная зависимость обратного тока гетероструктуры CdS/Si(p), измеренная при $V = 2,0 \text{ В}$

Таблица

Результаты измерения высоты потенциального барьера

№ участка	Диапазон температур, K	Энергия активации, эВ	Вид зависимости
1	240 – 252	0,62	$\ln(I_{np}) = f(1/kT)$
2	252 – 344	0,34	
1	200 – 210	0,43	$\ln(I_{обр}) = f(1/kT)$
2	210 – 305	0,18	
3	305 – 344	0,29	

В случае измерения тока гетероструктуры при понижении температуры вклад поверхностных состояний, определяющих рекомбинационные процессы в определенном диапазоне энергий, может снижаться и они перестают существенно влиять на высоту потенциального барьера.

Важно также отметить, что значение $\Delta E = 0,34$ эВ, определенное по температурной зависимости прямого тока гетероструктуры CdS/Si(p) в области более высоких температур 252–344 K (см. табл.), близко к величине, полученной из напряжения холостого хода (0,37 эВ). Значение $V_{ХХ}$ измерялось при температуре 298 K в стандартных условиях освещения АМ 1,5.

Таким образом, наблюдаемый рост высоты потенциального барьера ΔE гетероструктуры CdS/Si(p) с понижением температуры (рис. 2), можно объяснить снижением влияния поверхностных состояний с ловушками носителей заряда на гетерогранице. При этом проводимость исследуемой гетероструктуры определяется процессами генерации-рекомбинации носителей заряда в ОПЗ.

Температурная зависимость обратного тока гетероструктуры имеет экспоненциальный характер. При достаточно больших обратных напряжениях смещения ($V > 1$ В) величина $\exp(qV/akT) \ll 1$, поэтому формула (1) может быть представлена в виде

$$I_{обр} = I_0 \cdot \exp\left(-\frac{\Delta E}{kT}\right), \quad (3)$$

что позволяет использовать температурную зависимость обратного тока гетероструктуры для определения высоты барьера ΔE .

В то же время, как следует из рисунка 3 и таблицы, значения ΔE , полученные из температурных зависимостей прямого и обратного тока гетероструктуры, существенно различаются. Это можно объяснить отсутствием насыщения на обратной ветви вольт-амперных характеристик исследуемых гетероструктур. До некоторого значения обратного напряжения вольт-амперных характеристик описывается линейной зависимостью вида

$$I_{обр.} = I_0 + b \cdot V, \quad (4)$$

где b – константа, зависящая от температуры и определяющая наклон прямой. Далее обратная ветвь вольт-амперных характеристик описывается степенной зависимостью вида

$$I_{обр} \propto V^m, \quad (5)$$

где показатель степени m изменяется в исследуемом диапазоне температур от 2,7 до 1,4 (с ростом температуры m снижается). Такое поведение обратной ветви ВАХ гетероструктур отмечалось в работе [3], но причина указанных зависимостей в литературе не комментируется.

Таким образом, определение высоты барьера ΔE исследуемых гетероструктур по зависимости $\ln(I_{обр}) = f(1/kT)$ нельзя считать надежным, так как обратные ветви вольт-амперных характеристик не имеют насыщения.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что проводимость в гетероструктурах CdS/Si(p), изготовленных методом гидрохимического осаждения CdS, осуществляется по генерационно-рекомбинационному механизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трегулов, В.В. Исследование фотоэлектрического преобразователя солнечной энергии на основе гетероструктуры CdS/Si(p) [Текст] // Вестник ТГТУ. – 2010. – Т. 16. – № 4. – С. 892–896.
2. Фаренбух, А. Солнечные элементы: теория и эксперимент [Текст] : пер. с англ. / А. Фаренбух, Р. Бьюб. – М. : Энергоатомиздат, 1987. – 280 с.
3. Шарма, Б.Л. Полупроводниковые гетеропереходы [Текст] : пер. с англ. / Б.Л. Шарма, Р.К. Пурохит. – М. : Сов. радио, 1979. – 232 с.

V.V. Tregulov, V.A. Stepanov

THE INVESTIGATION OF THE MECHANISMS OF CONDUCTIVITY OF HETEROJUNCTIONS CDS/SI(P) OBTAINED BY HYDROCHEMICAL DEPOSITION OF CADMIUM SULFIDE

The paper offers the results of a study of volt-ampere characteristics and temperature dependence of direct and reverse current of heterojunctions CdS/Si(p) obtained by hydrochemical deposition of cadmium sulfide. The paper maintains that heterojunction conductivity is determined by the processes of generation – recombination in space charge region.

volt-ampere characteristics, heterojunction, silicon, contact potential difference, space charge difference, surface states, recombination, cadmium sulfide, photoelectric transformer.

УДК 51(07): 372.851

А.М. Лавров

РЕШЕНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ ИЗ ЗАОЧНОГО ТУРА ОЛИМПИАДЫ «ПОКОРИ ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ – 2010»

Приводятся два способа решения геометрической задачи (задача № 5) из заочного тура олимпиады «Покори Воробьевы горы»: одно – традиционное алгебраическое, близкое к школьному, другое – геометрическое, более короткое и более изящное.

геометрия, прямоугольный треугольник, высота, олимпиада «Покори Воробьевы горы»

Олимпиада «Покори Воробьевы горы» проводится ежегодно Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова совместно с издательским домом «Московский комсомолец» в соответствии с положениями приказа Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Порядка проведения олимпиад школьников» № 285 от 22 октября 2007 года (в редакции приказов Министерства образования и науки РФ от 4 сентября 2008 года № 255, от 20 марта 2009 года № 92, от 6 октября 2009 года № 371, от 11 октября 2010 года № 1006).

Основными целями олимпиады являются:

- выявление и развитие у учащихся образовательных учреждений, осваивающих общеобразовательные программы среднего (полного) общего образования, творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности;
- создание необходимых условий для поддержки одаренных детей;
- распространение и популяризация научных знаний среди молодежи;
- оказание помощи учащимся старших классов в профессиональной ориентации.

Олимпиада проводится с 1 сентября по 31 марта и включает два обязательных этапа:

- 1) отборочный (проводится в заочной форме с применением дистанционных образовательных технологий в период с 1 октября по 31 января);
- 2) заключительный (проводится в очной форме с 1 февраля по 31 марта).

В олимпиаде на добровольной основе принимают участие лица, обучающиеся в образовательных учреждениях и осваивающие общеобразовательные программы среднего (полного) общего образования.

К участию в заключительном этапе допускаются победители и призеры отборочного этапа.

Олимпиада включает задания, составленные на основе примерных общеобразовательных программ основного общего и среднего (полного) общего образования по следующим предметам: 1) биология, 2) иностранные языки,

3) история, 4) литература, 5) математика, 6) обществознание, 7) физика, 8) химия.

Согласно действующему законодательству, победителям и призерам могут быть предоставлены льготы при поступлении в высшие учебные заведения на специальности (направления подготовки) в соответствии с профилем олимпиады.

Список общеобразовательных предметов, соответствующих профилю олимпиады по предмету, и специальностей (направлений подготовки), по которым могут быть предоставлены льготы победителям и призерам, определяется Перечнем олимпиад школьников на текущий учебный год.

Официальный портал олимпиады размещен в сети Интернет по адресу www.mk.ru/msu/

В заочном туре олимпиады «Покори Воробьевы горы – 2010» по математике среди прочих была предложена следующая задача.

Задача 5. Из вершины C прямого угла треугольника ABC опущена высота CH . Где на отрезке BH нужно поставить точку M , чтобы из отрезков AH , AM и CM можно было составить прямоугольный треугольник?

Решение.

Первый способ – алгебраическое решение.

Прямоугольный треугольник можно однозначно определить отрезками, на которые точка H – основание высоты CH – делит гипотенузу AB . Поэтому зададим $\triangle ABC$ отрезками $AH = a$ и $BH = b$ ($a > 0$, $b > 0$), тогда $CH = \sqrt{ab}$ (см. рис. 1).

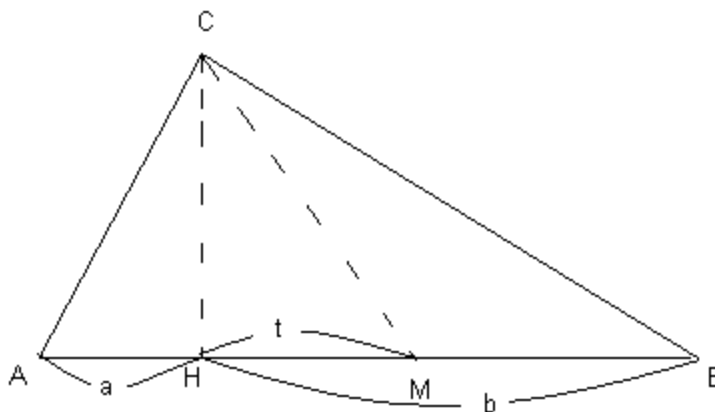

Рис. 1

Пусть $HM = t$ ($0 \leq t \leq b$), тогда по теореме Пифагора

$$CM = \sqrt{CH^2 + HM^2} = \sqrt{ab + t^2}.$$

Тем самым мы определили стороны искомого прямоугольного треугольника: $AH = a$, $AH = a + t$, $CM = \sqrt{ab + t^2}$, а так как $AH \leq AM$, то отрезок AH гипотенузой быть не может. Остаются два случая:

1. Если гипотенуза – AM , то

$$AM^2 = AH^2 + CM^2,$$

то есть

$$(a+t)^2 = a^2 + (\sqrt{ab+t^2})^2 \Rightarrow a^2 + 2at + t^2 = a^2 + ab + t^2 \Rightarrow t = \frac{b}{2},$$

причем $t \in [0, b]$ независимо от величины a .

Тем самым точку M нужно поместить на середину отрезка BH . Обозначим ее M_1 .

2. Если гипотенуза – CM , то

$$CM^2 = AH^2 + AM^2,$$

то есть

$$\begin{aligned} (\sqrt{ab+t^2})^2 &= a^2 + (a+t)^2 \Rightarrow ab+t^2 = a^2 + a^2 + 2at + t^2 \Rightarrow \\ &\Rightarrow 2at = ab - 2a^2 \Rightarrow t = \frac{b}{2} - a. \end{aligned}$$

При этом условие $t \leq b$ выполнено автоматически, а условие $t \geq 0$ – только при $b \geq 2a$.

Тем самым при $b \geq 2a$ точку M (обозначим ее M_2) нужно поместить на отрезке BH на расстоянии $\frac{b}{2} - a$ от точки H , а так как $\frac{b}{2} - a < \frac{b}{2}$, то точки M_1 и M_2 никогда не могут совпасть (см. рис. 2).

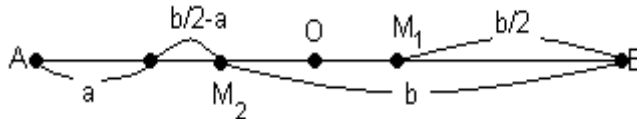

Рис. 2

При этом расстояние от точки M_1 до точки B , правого конца отрезка AB , равно $\frac{b}{2}$. Расстояние от точки M_2 до точки A , левого конца отрезка AB , равно $a + \left(\frac{b}{2} - a\right) = \frac{b}{2}$. Тем самым при $b \geq 2a$ точки M_1 и M_2 расположены на отрезке AB симметрично относительно его центра – точки O .

Замечание. Запишем условие $b \geq 2a$ в терминах углов $\triangle ABC$.

Имеем: $a = AH = CH \cdot ctg A$, $b = BH = CH \cdot ctg B = CH \cdot tg A$ и условие $b \geq 2a$ переходит в $CH \cdot tg A \geq 2 \cdot CH \cdot ctg A \Leftrightarrow tg^2 A \geq 2$, откуда с учетом того, что угол A – острый, получаем $arctg \sqrt{2} \leq A < \frac{\pi}{2}$.

Тем самым ответ в задаче таков: при $b < 2a \Leftrightarrow 0 < A \leq arctg \sqrt{2}$ для точки M есть единственная возможность – это середина отрезка BH , а при $b \geq 2a \Leftrightarrow arctg \sqrt{2} \leq A < \frac{\pi}{2}$ появляется еще одна возможность – это точка, симметричная точке M относительно середины отрезка AB .

Второй способ – геометрическое решение

Так как отрезок AH гипотенузой быть не может, то возможны только два случая:

$$CM^2 = AH^2 + AM^2 \Leftrightarrow CM^2 - AM^2 = AH^2 \quad (1)$$

или

$$AM^2 = AH^2 + CH^2 \Leftrightarrow AM^2 - CM^2 = AH^2. \quad (2)$$

Условия (1) и (2) можно объединить в одно:

$$|AM^2 - CM^2| = AH^2. \quad (3)$$

Далее, из прямоугольного треугольника CKM

$$MK^2 = CM^2 - CK^2,$$

а из прямоугольного треугольника AKM

$$MK^2 = AM^2 - AK^2.$$

Следовательно,

$$CM^2 - CK^2 = AM^2 - AK^2 \Rightarrow AM^2 - CM^2 = AK^2 - CK^2,$$

и условие (3) записывается так:

$$|AK^2 - CK^2| = AH^2 \Leftrightarrow |AK - CK| \cdot (AH + CK) = AH^2$$

или

$$|AK - CK| \cdot AC = AH^2, \quad (4)$$

поскольку $AK + CK = AC$.

При этом $AH \neq 0 \Leftrightarrow AK \neq CK$.

Из (4) получаем

$$\frac{|AK - CK|}{AH} = \frac{AH}{AC}.$$

Из подобия треугольников ACH и ACN вытекает пропорциональность соответствующих сторон:

$$\frac{AH}{AC} = \frac{AN}{AH}.$$

Следовательно, $|AK - CK| = AN$.

1) Если $AK > CK$ (см. рис. 3), то
 $AN = AK - CK$,

откуда

$$CK = AK - AN = KN,$$

то есть точка K расположена на середине отрезка CN , а точка M_1 – на середине отрезка BH .

Это рассуждение проходит независимо от расположения точки H на гипотенузе AB .

2) Если $AK < CK$ (см. рис. 4), то $AN = CK - AK$. Добавляя к обеим частям этого равенства по KN , получаем $AN + KN = (CK + KN) - AK$ или $AK = CN - AN$, откуда $AK = \frac{CN}{2}$.

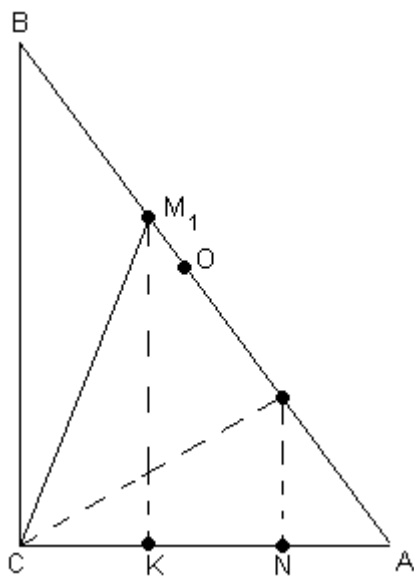

Рис. 3

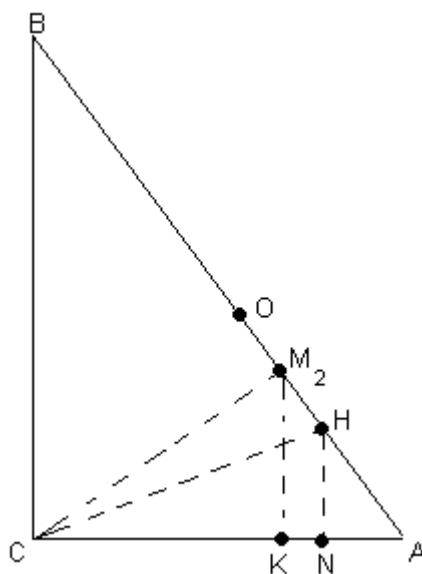

Рис. 4

Но точка M_2 попадает на отрезок BH тогда и только тогда, когда точка K попадает на отрезок CN , то есть когда

$$AK \geq AN \Leftrightarrow \frac{CN}{2} \geq AN \Leftrightarrow \frac{BH}{2} \geq AN \Leftrightarrow BH \geq 2AN.$$

Замечание. По доказанному выше во втором случае $AK = \frac{CN}{2}$, а в первом $CK = \frac{CN}{2}$. Следовательно, точки M_1 и M_2 расположены на гипотенузе AB симметрично относительно ее центра.

Ответ, естественно, такой же, как и при первом способе решения.

Полное задание заочного тура олимпиады «Покори Воробьевы горы – 2010» размещено в сети Интернет по адресу <http://www.mk.ru/msu/archive/2010/zadanp11/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. Олимпиада «Ломоносов – 2010» [Текст] / В. Алексеев [и др.] // Математика. – 2010. – № 24. – С. 34–40.
2. Алексеев, В. Олимпиада «Покори Воробьевы горы» [Текст] / В. Алексеев [и др.] // Математика. – 2010. – № 23. – С. 30–37.
3. Бегунц, А.В. Олимпиада «Ломоносов» по математике (2005–2008) [Текст] / А.В. Бегунц, П.А. Бородин, И.Н. Сергеев ; под общ. ред. И.Н. Сергеева. – М. : Изд-во ЦПИ при мех.-мат. фак. МГУ, 2008. – 48 с.
4. Вавилов, В.В. Об одной олимпиадной задаче [Текст] // Потенциал. – 2012. – № 3. – С. 57–61.
5. Егоров, А.А. Задачи вступительных экзаменов [Текст] / сост. А.А. Егоров, В.А. Тихомирова. – М. : Бюро Квантум, 2008. – 176 с. – (Прил. к журналу «Квант». 2008. № 6).
6. Егоров, А.А. Экзаменационные материалы по математике и физике [Текст] / сост. А.А. Егоров, С.А. Дориченко, В.А. Тихомирова. – М. : Бюро Квантум, 2009. – 208 с. (Приложение к журналу «Квант». 2009. № 6).

A.M. Lavrov

THE SOLUTION OF A GEOMETRY PROBLEM FROM THE CORRESPONDENCE ROUND OF THE CONTEST «CONQUER THE VOROBYOVY GORY – 2010»

The article suggests two different solutions of a geometry problem (problem no. 5) for the correspondence round of the contest «Conquer the Vorobyovy Gory». One of the solutions is algebraic, the other, a shorter and a more elegant one, is geometric.

geometry, right triangle, altitude, contest «Conquer the Vorobyovy Gory».

R. Maiburger, D. Ezri, M. Erlihson

LOCATION BASED BEAMFORMING

When channel state information is available at the transmitter, it can be exploited to increase the throughput, or to enhance the performance of a multiple input multiple output (MIMO) system. Beamforming schemes, such as closed loop MIMO and transmit beamforming constitute efficient means to achieve the aforementioned objectives. A significant shortcoming of transmit beamforming schemes is the signaling overhead required to provide the transmitter with the downlink channel knowledge. Another drawback of transmit beamforming schemes is their sensitivity to channel state information accuracy. In this paper we suggest an alternative beamforming method that uses the receiver positioning data, for example GPS positioning data, to create the transmit beamforming vector. This approach is attractive as in many modern communications systems location based services provide the transmitter (for example a cellular base station) with continuous information respective to the physical position of the receiver (the cellular phone in this case). The location based beamforming method constructs precoding vectors that are optimized for line of sight scenarios. Our simulations show that line of sight precoders are superior to regular codebooks based precoders, such as the IEEE802.16e codebook, in line of sight scenarios. Surprisingly the proposed precoders exhibit acceptable (and even superior) performance in some non line of sight scenarios.

Transmit beamforming, Precoding codebook, line of sight.

Introduction

Transmit beamforming [8] plays an important role in modern multiple input multiple output (MIMO) communications systems. In transmit beamforming, the transmitter uses channel state information (CSI) to create directional (and other) transmission beams using multiple transmit antennas. The beams are usually constructed to maximize the quality of the communications link. In orthogonal frequency division multiplexing (OFDM) MIMO systems [7; 11], which turns the frequency selective channel into multiple flat fading channels, the beams are constructed using a precoding procedure [8]. By precoding we mean multiplying a data symbol (e.g., a complex valued scalar QAM symbol) with an $M \times 1$ vector, where $M > 1$ is the number of transmit antennas.

A key issue in transmit beamforming is the means to provide the transmitter with sufficiently accurate CSI. One solution is based on reciprocity [8] and is mostly applicable for time division duplex (TDD) systems. For example, in cellular networks where transmit beamforming is employed on the downlink (DL), the base station (BS) may estimate the downlink (DL) channel using signals transmitted by the mobile station (MS) on the uplink (UL). Such an approach is adopted in the TDD version of the IEEE802.16e (WiMAX) [3]. This standard includes a special *sounding* signal transmitted by the MS to allow the BS to estimate the channel and facilitate the construction of precoding vectors.

In frequency division duplex (FDD), where reciprocity is compromised, the MS usually chooses the preferred precoding vector out of a predefined codebook, and feeds back its index to the BS. For example, using a codebook of 64 possible vectors, the MS feeds back 6 bits. This approach, which is known as closed loop (CL) MIMO is adopted by the LTE standard [9] which is FDD centric. Since the precoding vector is chosen by the MS based on the DL channel estimate, this approach eliminated the need for transmitter calibration, which is required in reciprocity based methods [9].

To set ideas straight we consider a MIMO system with M transmit antennas and a single receive antenna. The model for the received signal is

$$y = \mathbf{h}^* \mathbf{x} + \rho n, \quad (1)$$

where $(\bullet)^*$ denotes conjugate transposition, \mathbf{h}^* is the $1 \times M$ channel vector, \mathbf{x} is the $M \times 1$ transmitted vector and ρn is a complex normal noise with zero mean and variance equal to ρ^2 . In transmit beamforming, the transmitted vector \mathbf{x} is

$$\mathbf{x} = \mathbf{w} s, \quad (2)$$

where $(\bullet)^*$ s is a complex valued (scalar) QAM symbol and \mathbf{w} is an $M \times 1$ channel precoding vector with $\|\mathbf{w}\|^2 = 1$ to ensure unity transmission power. Using (2), the received signal (1) is written as

$$y = \mathbf{h}^* \mathbf{w} s + \rho n, \quad (3)$$

which means that the instantaneous signal to noise (SNR) ratio at the receiver is

$$\text{SNR} = \frac{|\mathbf{h}^* \mathbf{w}|^2}{\rho^2}, \quad (4)$$

The optimal precoding vector (in the sense of maximal SNR and maximal capacity) is

$$\hat{\mathbf{w}} = \frac{\mathbf{h}}{\|\mathbf{h}\|}, \quad (5)$$

and the optimal SNR is $\|\mathbf{h}\|^2 / \rho^2$ (similarly to that in maximal ratio combining (MRC) in receive diversity). For example in uncorrelated Rayleigh channel, optimal transmit beamforming gives array gain (AG) of M and diversity order of M [8].

In case the precoding vector is chosen out of a predefined codebook, the maximal SNR solution is

$$\hat{\mathbf{w}}_c = \underset{\mathbf{w} \in \text{codebook}}{\text{argmax}} |\mathbf{h}^* \mathbf{w}|^2, \quad (6)$$

so it is obtained through correlating the channel with each of the vectors in the codebook. Codebooks are usually constructed following some optimality criterion which may depend of the characteristics of the channel [5].

LOS Specific Codebooks

Considering a linear array [6] with M transmission antennas, half wavelength spacing, and K paths with zero delay, the channel under the far field assumption is

$$\mathbf{h}^* = \sum_{k=1}^K a_k \left[e^{(-j\pi \cdot 0 \cdot \cos \theta_k)}, \dots, e^{(-j\pi(M-1) \cos \theta_k)} \right], \quad (7)$$

where a_k is the complex valued coefficient of the k -th path and θ_k is the angle of the k -th path with respect to the array axis.

In line of sight (LOS), when the channel is composed of a single path ($K=1$), the channel takes the form

$$\mathbf{h}^* = a_1 \left[e^{(-j\pi \cdot 0 \cdot \cos \theta_1)}, \dots, e^{(-j\pi(M-1) \cos \theta_1)} \right], \quad (8)$$

and all channel gains $|h_m| = |a_1|$ are equal. The channels $h_{m\alpha}$ differ only in phase, depending on the θ_1 . The LOS scenario is illustrated in Fig. 1. The situation is different in the case of non LOS (NLOS), where both channel gains $|h_{m\alpha}|$ and channels phases generally differ.

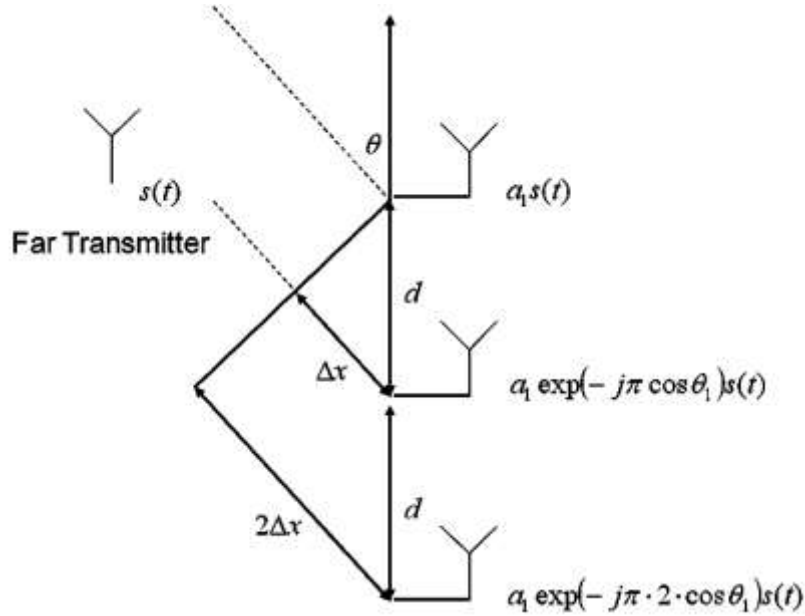

Fig. 1. An illustration of the LOS channel in the UL

This fundamental difference between LOS and NLOS leads to the understanding that in LOS we may employ a specific tailored codebook for LOS. All N vectors $\mathbf{v}_1, \dots, \mathbf{v}_N$ in a LOS codebook

$$|\mathbf{v}_n(m)| = \frac{1}{\sqrt{M}} \quad \forall 1 \leq m \leq M, \quad (9)$$

and the elements differ only in phase. For example, a LOS codebook for a linear array will include vectors of the form

$$\mathbf{v}_n = \frac{1}{\sqrt{M}} \left[e^{(-j\pi \cdot 0 \cdot \cos \alpha_n)}, \dots, e^{(-j\pi(M-1) \cos \alpha_n)} \right]^* , \quad (10)$$

where α_n is parameter.

It follows that in LOS and near LOS, the LOS codebook may lead to superior performance compared to a general NLOS codebook with identical number of vectors, N . This is since the NLOS codebook should accommodate the channel gain variations and general phase variations characterizing the NLOS scenario, which lead to less «dense» sampling of the vector subspace.

Location Based Beamforming

Focusing on the specific structure of vectors in the LOS codebook for linear arrays (10), we understand that similarly to traditional phased array systems [2; 6], knowledge of the angle of arrival (AOA) respective to the UL of a certain MS may allow efficient estimation of the precoding vector required for DL transmission.

The UL AOA may be estimated using MUSIC like algorithms [10], which is based on spatial covariance estimation followed computation of the noise eigenvectors. In MUSIC the AOA is obtained by a search for the steering vector in the form of (10) with minimal projection on the noise eigenvectors.

Alternatively the AOA may be estimated using knowledge pertaining to the absolute physical location of the MS. Provided that the BS location is known, the MS absolute location is translated to the relative location w.r.t the BS. The absolute location is estimated via a triangularization procedure using ranging measurements at several BSs or via GPS readings. We note that location based beamforming requires additional calibration to account for the geometry of the array (e. g., in linear array the angle between the array axis and the magnetic north) instead of transmission-reception calibration required in reciprocity based and AOA estimation methods.

With the advent of location based services (LBS) [4], such as navigation application, location based advertisement and location enhanced web search, in many cases the BS is already equipped with the MS positioning. This positioning information may be used to construct the DL precoding vector without additional overhead (e.g., the sounding signal in reciprocity based methods and the codebook index in codebook based methods).

Focusing on GPS based positioning, and taking into account the limited GPS positioning accuracy (up to 20m in most cases) it is obvious that the beamforming (angular) precision is also limited. The beamforming angular accuracy grows with the separation between the BS and the MS as depicted in Fig. 2. The maximal angular error α_{\max} is

$$\alpha_{\max} = \arctan\left(\frac{20}{R}\right), \quad (11)$$

where R is the separation between the BS and the MS, measured in meters. A natural approach to this problem would be to limit location based beamforming to cases where maximal angular error, α_{\max} does not exceed a predefined threshold. Finally, location based beamforming may be employed when a near LOS scenario is detected and the MS is far enough from the BS. The exact threshold depends on GPS accuracy and BS beam width (which is also a function of the number of transmit antennas).

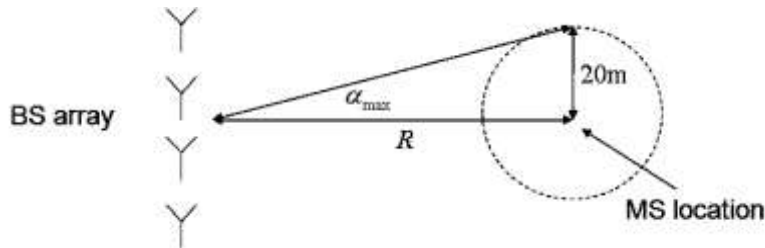

Fig. 2. The maximal angular inaccuracy of the gps positioning based beamformer.

Simulation Results

In order to evaluate the performance of the LOS codebook based beamforming method, we conducted a Monte Carlo simulation study. We adopted the Ped-B [1] model statistics (i.e., number of paths, paths' average power and paths' delay) and constructed the simplified geometric model (7), assuming the AOAs are uniformly distributed on $[0, \pi]$. We considered a MIMO scheme with 4 transmission antennas and a single reception antenna.

For the NLOS case we used the IEEE802.16e codebooks [3] with 8 and 64 vectors (corresponding to 3 and 6 feedback bits respectively). For the LOS case, we constructed simple codebooks with 8 and 64 vectors of the form (10) where α_n was chosen as

$$\alpha_n = \frac{\pi}{N}(n - 1), \quad (12)$$

where N is the number of vectors in the codebook. We employed uncoded QPSK modulation and ran 1,000,000 channel realizations per SNR point.

We introduced a non zero Rician K factor (see [8], Page 79) to the first path to simulate the LOS component. The error curves for Rician factor $K=10\text{dB}$ which correspond to near LOS and 3 bit codebooks are given in Fig. 3. The LOS codebook outperforms the IEEE codebook by approx. 2dB at a target symbol error rate (SER) of 10^{-5} . The optimal precoder (5) is superior to both codebook based precoders as expected. The error curves for the case of $K=10\text{dB}$ and 6 bit codebooks are given in Fig. 4. Here the performance of the LOS codebook almost coincides with that of the optimal precoder. Both outperform the IEEE codebook by approx. 1.7dB.

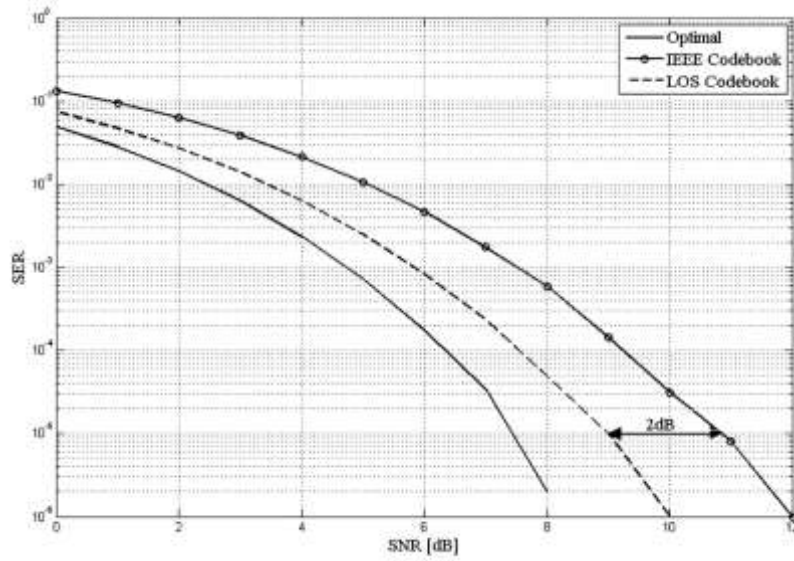

Fig. 3. Error curves corresponding to $K=10\text{dB}$ using 3 bit codebooks

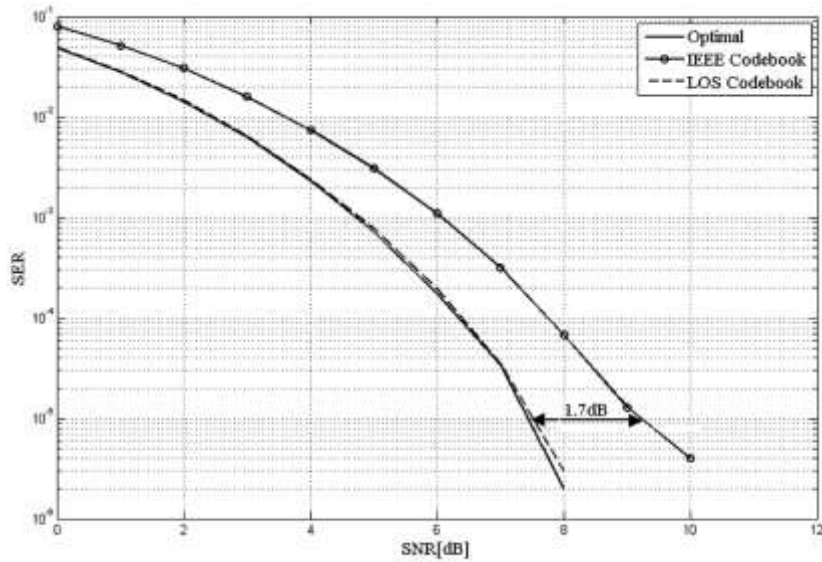

Fig. 4. Error curves corresponding to $K=10\text{dB}$ using 6 bit codebooks

Turning to the NLOS scenario captured by $K = 0$ (zero mean paths), the error curves for 3 bit codebooks are given in Fig. 5. Note that the LOS codebook slightly outperforms the IEEE codebook even though it is a NLOS scenario. The error curves for the case of $K = 0$ and 6 bit codebooks are given in Fig. 6. Here the IEEE codebook slightly outperforms the LOS codebook as expected.

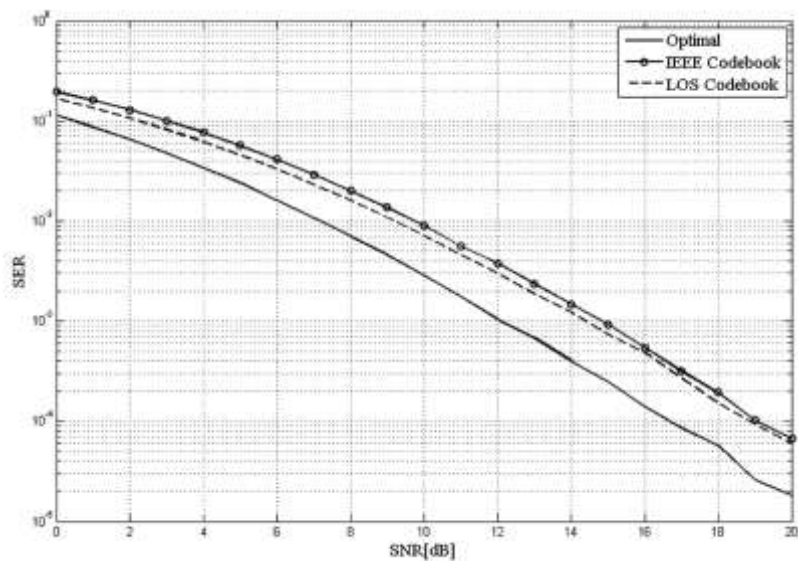

Fig. 5. Error curves corresponding to $K=0$ using 3 bit codebooks

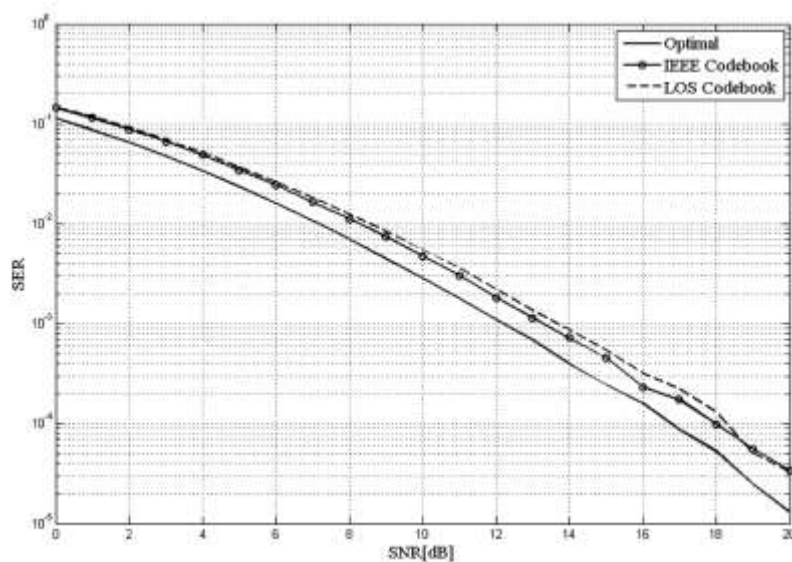

Fig. 6. Error curves corresponding to $K=0$ using 6 bit codebooks

Discussion and Conclusions

In this paper we proposed precoding techniques which are tailored for the near LOS scenario. In near LOS the spatial channels experience similar gain and differ mainly by phase. We exploited this property to construct simple codebooks for this

scenario. We further suggested precoding techniques based on the location of the receiver, for example using GPS positioning. We examined the performance of the proposed techniques using Monte Carlo simulation and compared them to those of the IEEE802.16e codebooks.

The simulation results show that as expected that LOS codebooks outperform the IEEE codebook in LOS and near LOS scenarios. A gap of approx. 2dB was observed. In NLOS scenarios the results are more interesting. In the 6 bit case the IEEE codebook outperforms LOS codebook. However, the gap is negligible. Perhaps the most surprising result is obtained in the 3 bit case where the LOS codebook outperforms the IEEE codebook.

A natural extension of the proposed LOS codebook approach is the inclusion of such codebooks in practical standards (such as LTE and WiMAX) to allow their application in near LOS scenarios. This will require a LOS detection mechanism and an additional single feedback bit to indicate the codebook chosen out of the possible two (regular, LOS). In some cases (e. g., in 3 bit codebooks) it may be advisable to replace the current codebook with the proposed LOS codebook.

The fact that LOS based precoders exhibit superior performance in LOS and near LOS scenarios, and acceptable (and even superior) performance in some NLOS scenarios hints to an alternative approach to reciprocity and feedback methods. This approach is location based beamforming, in which pre-coding vectors are constructed based on MS positioning data. With the advent of LBS, location based beamforming may eliminate the need for precoding specific signaling or feedback in many practical scenarios.

REFERENCES

1. Guidelines for Evaluation of Radio Transmission Technologies for IMT-2000, ITU, Recommendation ITU-R M.1225 [Text]. 1997.
2. Haykin, S. Adaptive Filter Theory [Text]. – Prentice Hall (New Jersey), 2002.
3. IEEE Std 802.16e. IEEE Standard for Local and Metropolitan Area Networks [Text]. – Pt. 16: Air Interface for Fixed and Mobile Broadband Wireless Access Systems, IEEE. 2005.
4. Küpper, A. Location-Based Services: Fundamentals and Operation [Text]. – Wiley, 2005.
5. Love, D.G. Grassmannian beamforming for multiple-input multiple-output wireless systems [Text] / D.G. Love, R.W.Jr. Heath // IEEE Trans. Info. Theory. – 2003. – Vol. 49. – N. 10. – P. 2735–2747.
6. Monzingo, R.A. Introduction to Adaptive Arrays [Text] / R.A. Monzingo, T.W. Miller. – Scitech, 2004.
7. Nee, Van R.D.J. OFDM for Wireless Multimedia Communications [Text]. – Artech House Publishers, 1999.
8. Paulraj, A. Introduction to Space-Time Wireless Communications [Text] / A. Paulraj, R. Nabar, D. Gore. – Cambridge, 2003.
9. Sesia, S. LTE, the UMTS Long Term Evolution: From Theory to Practice [Text] / S. Sesia, I. Toufik, M. Baker. – Wiley, 2009.

10. Schmidt, R.O. Multiple emitter location and signal parameter estimation [Text] // IEEE Trans. Antennas and Propa. – 1986. – Vol. 34. – N. 3. – P. 276–280.
11. Tse, D. Fundamentals of Wireless Communication [Text] / D. Tse, P. Vis-wanath. – Camebridge, 2005.

Р. Мэйбергер, Д. Эзри, М. Эрлихсон

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЛУЧА

Когда на антенную систему поступает информация о состоянии канала, ее можно использовать для увеличения пропускной способности или для повышения излучаемой мощности ММО-системы. Использование антенных систем, таких как ММО-системы замкнутого контура и направленные антенны, повышает эффективность достижения упомянутых выше задач. Значительным недостатком направленных антенн можно считать то, что для получения нисходящего сигнала, источник должен располагаться сверху. Еще одним недостатком можно считать чувствительность к изменениям состояния канала. Данная статья предлагает альтернативный способ формирования луча, использующий данные о местоположении принимающего устройства, например, GPS данные, для создания направляющего вектора. Привлекательность данного подхода объясняется тем, что во многих современных коммуникационных устройствах присутствует базовая станция сотовой связи, учитывающая местоположение принимающего устройства (в данном случае сотового телефона). Направленная антенна, использующая данные о местоположении принимающего устройства, выстраивает векторы, оптимизированные для тех случаев, когда принимающее устройство находится в зоне прямой видимости. Наши опыты показали, что в условиях прямой видимости предварительное кодирование с учетом зоны видимости дает лучшие результаты, чем при использовании матриц предварительного кодирования, таких как IEEE802.16e.

формирование луча, матрица предварительного кодирования, зона видимости.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ВУЗА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО И СЛАВЯНСКИЙ МИР: ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО»

22–23 мая 2012 года в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина прошел Международный научный симпозиум «Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование. К 200-летию со дня рождения ученого». Его организаторами выступили Министерство образования и науки РФ, Правительство Рязанской области, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Центр славянской филологии и культуры имени И.И. Срезневского (РГУ им. С.А. Есенина).

Междисциплинарный подход к организации научного форума позволил объединить усилия деятелей науки, культуры, духовенства, славянского движения в России и за рубежом по пропаганде русского языка и духовных ценностей славянских народов.

Конференция привлекла внимание известных ученых из ведущих научных центров и университетов России (Москва, Санкт-Петербург, Дубна, Елец, Забайкальск, Магнитогорск, Оренбург, Орел, Пермь, Рязань, Саранск, Смоленск, Сыктывкар, Тула, Чебоксары), ближнего и дальнего зарубежья (Беларусь, Болгария, Китай, Польша, Словакия, Украина, Чехия).

В приветствии участникам конференции ректор РГУ профессор И.М. Шейна подчеркнула актуальность обращения к наследию И.И. Срезневского в связи со сложными глобализационными процессами, происходящими в мире. Сегодня важнейшее геополитическое значение имеет укрепление всех аспектов взаимодействия славянских государств, а общность исторических, культурных, духовных корней служит залогом мира и добрососедских отношений между народами.

В адрес симпозиума прозвучали приветственные слова от губернатора Рязанской области О.И. Ковалева, митрополита Рязанского и Михайловского Павла, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гумани-

тарному сотрудничеству, правления Фонда «Русский мир», международного Фонда единства православных народов.

В работе симпозиума приняла участие основатель научного изучения наследия академика И.И. Срезневского, выдающийся ученый-лексикограф, доктор филологических наук, академик государственной Академии славянской культуры, выпускница Рязанского педагогического института Г.А. Богатова. Решением ученого совета за выдающийся вклад в изучение наследия и увековечение памяти И.И. Срезневского ей было присвоено звание почетного профессора РГУ имени С.А. Есенина.

На пленарном заседании прозвучало пять докладов.

Заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, председатель Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор В.И. Аннушкин (Россия, Москва) в своем докладе проследил эволюцию слов-терминов *язык – речь – слово* в русской филологической культуре.

Ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук В.К. Щербин (Беларусь, Минск) проанализировал роль трудов Г.А. Богатовой в научном изучении и популяризации наследия И.И. Срезневского.

Л. Матейко, заведующий кафедрой русского языка и литературы Университета имени Я.К. Коменского, доктор филологических наук (Словакия, Братислава), сделал доклад о состоянии русистики в Словакии, отметив рост интереса к русскому языку и русской литературе.

Руководитель Центра славянской филологии и культуры имени И.И. Срезневского РГУ имени С.А. Есенина, доктор педагогических наук, профессор Е.В. Архипова (Россия, Рязань) проанализировала концептосферу языковой личности И.И. Срезневского на основе главенствующего в XXI веке в гуманитарных дисциплинах антропологического подхода.

Содиректор Института Конфуция РГУ имени С.А. Есенина, преподаватель Чанчуньского университета Н. Шань (Китай, Чанчунь) в докладе «Русский язык в Китае» сообщила о том, что по мере интенсификации торгово-экономических и культурных контактов между Китаем и Россией русский язык приобретает все большую популярность. В Пекине, Шанхае, Харбине работают всекитайские Центры русского языка, проводятся праздники русской словесности, конкурсы, международные олимпиады, фестивали.

Во второй половине первого дня симпозиума состоялись секционные заседания.

В секции **языкознания** обсуждались как теоретические проблемы истории русского языка в трудах И.И. Срезневского и в славянской филологии, славянской лексикографии, современной лексикологии и лексикографии, так и более частные вопросы, связанные с включением идей И.И. Срезневского об изучении русского языка и культуры речи в современную образовательную парадигму.

Ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, доктор филологических наук Т.А. Исаченко (Москва) в докладе «Метаморфо-

зы” исторического словаря и его “цитатное пространство”» рассмотрела в исторической перспективе работу ученых по созданию исторического словаря.

С большим интересом был встречен построенный на уникальных архивных материалах доклад проректора Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, доктора педагогических наук, профессора В.В. Молчановского (Москва) «Из опыта собрания и изучения рукописных материалов XVIII–XIX вв. (подвижнический труд архивариуса В.И. Срезневского)».

Профессор Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук С.М. Колесникова (Москва) в докладе «Образования с *пре-* и их значения в истории русского языка» пришла к выводу об изменении стилистической роли усилительной приставки *пре-*. В рамках разработанной автором теории градуальности образования с *пре-* на современном этапе следует рассматривать как средство выражения градуальной семантики – значение «высокой» или «самой высокой / высшей степени признака».

Доцент РГУ имени С.А. Есенина В.А. Лаврентьев (Рязань) в докладе «О лексикографическом описании лингвистической терминосистемы», рассмотрев, как трактуется понятие предикативности в словарях и справочниках, пришел к выводу, что различная трактовка одних и тех же терминов связана с научными концепциями, что вызывает определенные трудности и неудобства.

Доцент кафедры славянской филологии Университета Матея Белла Г. Кубишова (Словакия, Баньска Быстрица) сообщила, как отразился образ Словакии и портреты словаков в творчестве И.И. Срезневского. Основным источником для исследования послужили «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель», написанные в 1839–1842 годах. Этот же источник использовала для своего доклада «И.И. Срезневский в Моравии» и лектор МГУ имени М.В. Ломоносова магистр Р. Генкрихова (Чехия).

Лауреат премии имени И.И. Срезневского правительства Рязанской области А.А. Дудин (Рязань) посвятил доклад вкладу И.И. Срезневского в диалектологию. «Материалы для областного словаря» И.И. Срезневского, по мнению исследователя, ценный источник по русской диалектологии, использованный составителями сводного «Словаря русских народных говоров».

Доклады секции *литературоведения* носили преимущественно историко-литературный характер и затрагивали проблемы фольклора, мифологии, литературы славянских народов, славянских литературных связей.

Профессор Российского православного института св. Иоанна Богослова Е.В. Никольский (Москва) в докладе «Повесть В.С. Соловьёва “Русские крестоносцы”». Проблема освобождения славян и специфика жанра» рассмотрел произведение в контексте русской баталистики.

Военная тема была продолжена докладом «Тема Первой мировой войны в русской и польской поэзии (1914–1916 гг.)» доцента Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств И.Ф. Герасимовой. Проанализировав отклики поэтов на события Первой мировой войны, исследователь пришла к выводу о сходстве в лирике и русских,

и польских авторов мысли о необходимости консолидации усилий двух славянских народов с целью разгромить врага и установить желанный мир.

Сходство в творческой реализации мотива разочарования в литературе славянских народов привлекло внимание доцента кафедры журналистики РГУ Н.В. Долгову. Материалом для ее исследования послужили рассказ «Травиата» классика болгарской литературы И. Вазова и «После бала» Л. Толстого.

Заведующий кафедрой журналистики РГУ доцент Ю.В. Лазарев обратился к истории школьного литературного образования и рассмотрел участие И.И. Срезневского в дискуссии о преподавании словесности (60–70-е годы XIX века), в частности его статью «Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях» (1871).

На *методической* секции симпозиума в присутствии ведущих методистов страны, учителей-русистов, студентов и учащихся были подведены итоги конкурса ученических сочинений и проектов, посвященных 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского.

Участники секции *истории, православной культуры и краеведения* обсуждали на заседании исторические судьбы славянских культур и православной цивилизации, проблемы духовно-нравственного воспитания, место рода Срезневских в истории, науке и культуре России и других славянских народов, музейную и лингвокраеведческую работу как фактор сохранения и приумножения культурного наследия нации.

Доцент кафедры теологии РГУ, кандидат физико-математических наук, протоиерей Сергей Рыбаков в докладе «Метафизика православной цивилизации в ракурсе проблемы обеспечения духовной безопасности» заявил о необходимости формирования тезауруса, описывающего область духа, духовных вызовов и угроз, проявления духовных деформаций в плоскости идеологии, политики, экономики и культуры народа.

В центре внимания доцента кафедры теологии РГУ, кандидата педагогических наук, протоиерея Александра Добросельского была проблема единства восточных славян как исторической и культурной ответственности. Рассмотрев историю русского народа от монголо-татарского нашествия до воссоединения Украины с Россией (1654 г.), он пришел к выводу, что украинцы, белорусы и русские представляют собой единую русскую нацию.

Доклад директора научно-образовательного центра духовно-нравственной культуры и воспитания РГУ имени С.А. Есенина, доктора педагогических наук, профессора В.А. Беляевой был посвящен духовно-нравственному воспитанию в аспекте православной культуры. Воспитание в душе человека иерархии духовных и нравственных ценностей христианства, ориентирующих его на возвышение над самим собой на пути усовершенствования окружающего мира и жизни человека в нем, считает В.А. Беляева, есть важнейшая задача воспитания.

Заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств профессор Л.В. Чекурин в интересном сообщении рассмотрел рязанское ученое сообщество и роль лингвистов в его деятельности.

С докладом «Народ и язык – единица неразделимая...» выступили доценты кафедры русского языка и методики его преподавания РГУ М.В. Сомова и Ю.А. Южакова.

С большим интересом было заслушано сообщение директора музея И.И. Срезневского РГУ имени С.А. Есенина, заслуженного учителя Российской Федерации Н.В. Колгушкиной. В докладе, посвященном педагогической деятельности музея И.И. Срезневского, был проанализирован результативный опыт проведения такой формы учебно-воспитательной работы, как музейная гостиная.

Второй день работы симпозиума проходил в селе Срезневе и рабочем поселке Шилове Рязанской области.

В селе Срезневе отслужили молебен у могилы академика И.И. Срезневского и провели митинг у мемориальной школы-музея И.И. Срезневского. Позже состоялась встреча участников Международного симпозиума с активом, культурной и педагогической общественностью Шиловского района Рязанской области. Большой интерес и горячий отклик вызвали выступления главы Шиловского муниципального района Рязанской области В.М. Фомина, профессора В.И. Аннушкина, доктора филологических наук Л. Матейко, начальника управления региональной политики РГУ имени С.А. Есенина, доктора филологических наук, профессора О.Е. Вороновой, помощника ректора РГУ по связям с общественностью Н.А. Семкиной, профессора Е.В. Архиповой.

В дни работы симпозиума в научной библиотеке РГУ имени С.А. Есенина была открыта выставка, посвященная И.И. Срезневскому. На стендах представлены имеющиеся в фондах библиотеки издания произведений ученого, а также тематические научные сборники, монографии и статьи исследователей его наследия. В рамках мероприятия состоялось посещение музея И.И. Срезневского в РГУ.

По единодушному мнению участников, симпозиум стал значительным событием в научной жизни, атмосфера сотворчества, созданная организаторами, способствовала свободному обмену мнениями, позволила плодотворно общаться коллегам, единомышленникам и друзьям. Участники отметили результативность международного сотрудничества, возможность представителей разных областей гуманитарного знания (лингвистов, литературоведов, педагогов, историков, искусствоведов) поделиться результатами исследований, обменяться опытом, наметить перспективы дальнейшей работы.

Симпозиум стал значимым событием в культурной жизни Рязанского края. Репортажи о мероприятии прошли на региональных телеканалах, многие печатные и электронные средства массовой информации откликнулись публикациями.

По результатам работы симпозиума издан сборник материалов (Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование (к 200-летию со дня рождения ученого) : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума / отв. ред. Е.В. Архипова, О.Е. Воронова ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 328 с.).

Е.В. Архипова, Ю.В. Лазарев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Елена Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, руководитель лаборатории лингводидактики и инновационных технологий обучения русскому языку, руководитель Центра славянской филологии и культуры им. И.И. Срезневского.

Сфера научных интересов: русский язык, методика преподавания русского языка.

Контактная информация: e-mail: e.arkhipova@rsu.edu.ru

Arhipova Elena Victorovna – Doctor of Pedagogy, Professor in the Department of Russian Language and Russian Language Teaching Methodology at Ryazan State University named for S.A. Yessenin, Head of Linguistic Didactics and Innovative Technologies Laboratory, Head of Slavic Philology and Culture Centre named for I.I. Sresnevskii.

Scientific interests: Russian Language, Russian Language Teaching Methodology.

Contact information: e-mail: e.arkhipova@rsu.edu.ru

Блохина Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: история аналитической философии, метафизика, гендерные исследования.

Контактная информация: тел. 8(4912)25-90-89; e-mail: n.blohina@rsu.edu.ru

Blokhina Natalya Aleksandrovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: history of analytical philosophy, metaphysics, gender investigations.

Contact information: Phone No. (Ofc.) 8(4912)25-90-89; e-mail: n.blohina@rsu.edu.ru

Лавров Александр Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей и теоретической физики и методики преподавания физики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: теория обобщенных функций и дифференциальных уравнений различных типов и их применение в различных задачах

функционального анализа, теоретической и математической физики, статистической радиотехники и теории сигналов.

Контактная информация: раб. тел. 8(4912)28-05-86, дом. тел. 8(4912)44-21-22; e-mail: a.lavrov@rsu.edu.ru

Lavrov Aleksandr Mikhaylovich – Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor in the Department of General and Theoretical Physics at International Law Department.

Scientific interests: the theory of generalized functions and the theory of differential equations of different types and their applicability to various tasks of functional analysis, theoretical and mathematical sciences, statistical radiotechnics and the theory of signals.

Contact information: Phone No. (Ofc) 8(4912)28-05-86, (Res) 8(4912)44-21-22; e-mail: a.lavrov@rsu.edu.ru

Лазарев Юрий Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: педагогическая журналистика, публицистика, методика преподавания литературы.

Контактная информация: моб. тел. 8-920-971-00-50; e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

Lazarev Jury Vasilevich – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate professor of journalism department at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: pedagogical journalism, publicism, methods of teaching literature.

Contact information: Mob. No. 8-920-971-00-50; e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

Ламзин Сергей Алексеевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: методика обучения иностранным языкам.

Контактная информация: дом. тел. 8(4912)45-05-13, e-mail: slamsin@mail.ru

Lamzin Serguey Alekseevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor in the Department of Foreign Languages at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: foreign language teaching methodology.

Contact information: Phone No. (Res) 8(4912)45-05-13; e-mail: slamsin@mail.ru

Мэйбергер Рой – доктор философии по прикладной математике Университета имени Д. Бен-Гуриона, Беер-Шева, Израиль.

Контактная информация: e-mail: roymaiberger@gmail.com

Maiberger Roy – PhD in Applied Mathematics, Ben-Gurion University, Beer Sheva, Israel.

Contact information: E-mail: roymaiberger@gmail.com

Мартышина Нина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: педагогика и психология творчества, проблемы общения, конфликтология, воспитание личности средствами культуры, теория и методика воспитания.

Контактная информация: e-mail: n.martishina@rsu.edu.ru

Martishina Nina Vassilyevna – Doctor of Pedagogy, Professor in the Department of Pedagogy and Pedagogical Technology at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: pedagogy and psychology of art, communication problems, conflictology, theory and methodology of education.

Contact information: E-mail: n.martishina@rsu.edu.ru

Маторина Ульяна Михайловна – соискатель кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета.

Сфера научных интересов: древнерусская литература.

Контактная информация: e-mail: waxwork83@mail.ru

Matorina Ulyana Mikhaylovna – Postgraduate of the Department of History of Literature and Folklore at Kurgan State University.

Scientific interests: Old Russian literature.

Contact information: E-mail: waxwork83@mail.ru

Минаев Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: история британского парламентаризма во второй половине XVIII – начале XX века, российская общественная мысль второй половины XVIII – начала XX века.

Контактная информация: раб. тел. 8(4912)28-05-10.

Minaev Andrey Ivanovich – Doctor of History, Professor in the Department of General History and International Relations at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: history of British parliamentarism in the late 18th – early 20th centuries, Russian political thought of the late 18th – early 20th centuries.

Contact information: Phone No. (Ofc.) 8(4912)28-05-10.

Моторин Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: современная русская литература, русская драматургия XX века, драматургия А. Вампилова.

Контактная информация: раб. тел. 8(4912)25-35-49, моб. тел. 8-910-631-40-27.

Motorin Serguey Nikolayevich – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: modern Russian literature, Russian drama of the 20-th century, A. Vampilov's drama.

Contact information: Phone No. (Ofc) 8(4912)25-35-49, Mob. No. 8-910-631-40-27.

Пахомова Ия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: русско-зарубежные связи, австрийская литература рубежа XIX–XX веков, творчество Р.М. Рильке, русская поэзия Серебряного века.

Контактная информация: тел. 8(4912)25-35-49, моб. тел. 8-910-507-83-78.

Pakhomova Iya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: Russia's foreign relations, Austrian literature of the late 19th – early 20th centuries, R.M. Rilke and her work, Silver age of Russian poetry.

Contact information: Phone No. 8 (4912) 25-35-49, 8-910-507-83-78.

Рюмин Сергей Геннадьевич – кандидат философских наук, главный библиограф отдела технической литературы Рязанской областной универсальной научной библиотеки имени М. Горького.

Сфера научных интересов: философское наследие И.А. Ильина.

Контактная информация: раб. тел. 8(4912)253-170; e-mail: ryumins@yandex.ru

Rumin Sergey Gennadyevich – Candidate of Philosophy, Leading Bibliographer of the Technical Literature Department at Gorky Regional Universal Library.
Scientific interests: I.A. Ilyin's philosophical works.
Contact information: Phone No. (Ofc) 8(4912)253-170; e-mail: ryumins@yandex.ru.

Сафонова Ольга Евгеньевна – соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.
Сфера научных интересов: добровольные общественные организации Рязанской губернии конца XIX – начала XX века.
Контактная информация: тел. 8-915-623-81-86; e-mail: olgasafonova81@yandex.ru

Safonova Olga Yevgenyevna – Postgraduate of the Department Russian of History at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.
Scientific interests: voluntary public associations of the Ryazan province in the late 19th – early 20th centuries.
Contact information: No. 8-915-623-81-86; e-mail: olgasafonova81@yandex.ru

Степанов Владимир Анатольевич – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и теоретической физики и методики преподавания физики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.
Сфера научных интересов: физика и технология полупроводниковых материалов и структур
Контактная информация: моб. тел. 8-920-952-97-96; e-mail: vl.stepanov@rsu.edu.ru.

Stepanov Vladimir Anatolyevich – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of General and Theoretical Physics and Physics Teaching Methodology at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.
Scientific Interests: physics and semiconductor technology.
Contact information: Mob. No. 8-920-952-97-96; e-mail: vl.stepanov@rsu.edu.ru

Суворкина Елена Николаевна – магистрант кафедры культурологии, сотрудник научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.
Сфера научных интересов: культурология, теория культуры.
Контактная информация: моб. тел. 8-905-691-69-64; e-mail: e.suvorkina@rsu.edu.ru

Suvorkina Elena Nikolaevna – employee of the Scientific Library of Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests: culturology, theory of culture.

Contact information: Mob. No. 8-905-691-69-64; e-mail: e.suvorkina@rsu.edu.ru

Трегубова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, литературы и методики преподавания Кубанского государственного университета.

Сфера научных интересов: региональная лингвокультурология.

Контактная информация: раб. тел. 8(6146)430-42, моб. тел. 8-918-985-40-39; e-mail: el_nik@pochta.ru

Tregubova Elena Nikolayevna – Candidate of Philology, Head of the Department of the Russian Language, Literature, and Methodology of Teaching at Kuban State University.

Scientific interests: regional linguoculture.

Contact information: Phone No. (Ofc.) 8(6146)430-42, Mob. No. 8-918-985-40-39; e-mail: el_nik@pochta.ru

Трегулов Вадим Викторович – кандидат технических наук, доцент кафедры общей и теоретической физики и методики преподавания физики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: физика и технология полупроводниковых материалов и структур.

Контактная информация: моб. тел. 8-910-560-75-08; e-mail: trww@yandex.ru; v.tregulov@rsu.edu.ru

Tregulov Vadim Victorovich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor in the Department of General and Theoretical Physics and Physics Teaching Methodology at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific Interests: physics and semiconductor material technology.

Contact information: Mob. No. 8-910-560-75-08; e-mail: trww@yandex.ru; v.tregulov@rsu.edu.ru.

Эзри Дорон – доктор философии (стохастические процессы), исполнительный директор (Greenair Wireless).

Сфера научных интересов: широкополосные беспроводные коммуникации, стохастические процессы, теория оценивания.

Контактная информация: doron@greenairwireless.com

Ezri Doron – PhD in Stochastic Processes, CEO and Co-Founder at Greenair Wireless.

Scientific interests: Broadband Wireless Communications, Stochastic Processes and Estimation Theory.

Contact information: doron@greenairwireless.com

Эрлихсон Михаил – доктор философии по прикладной математике, Technion (Хайфа).

Сфера научных интересов: математическая статистика.

Контактная информация: моб.тел. +972-52-6955928; mike_eri@yahoo.com

Erlihson Michael – PhD in Applied Mathematics, Technion.

Scientific interests: mathematical statistics and estimation methods.

Contact information: Mob. No. +972-52-6955928; e-mail: mike_eri@yahoo.com

Ярославцева Ольга Яковлевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: педагогика, история педагогики и образования.

Контактная информация: раб. тел. 8(4912)28-04-45.

Yaroslavtseva Olga Yakovlevna – Assistant Professor in the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Scientific interests – pedagogy, history of pedagogy and education.

Contact information: Phone No. (Ofc.) 8(4912) 28-04-45.

ИНФОРМАЦИЯ АВТОРАМ

Журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» – многопрофильное издание, которое принимает к публикации статьи ученых-исследователей, докторантов, аспирантов и соискателей по следующим научным направлениям:

«Гуманитарно-общественные науки»: история, филология, культурология, философия, психология, педагогика, методика и теории преподавания, политология, социология, юриспруденция, экономика, менеджмент.

«Естественнонаучные дисциплины»: физика, математика, информационные технологии, химия, биология, физиология, география, экология, природопользование.

Периодичность выхода «Вестника Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» – 4 раза в год.

Электронная версия журнала размещается на сайте Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина www.rsu.edu.ru

Требования к статьям и правила предоставления рукописей авторами

Редакция журнала «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» просит авторов руководствоваться предлагаемой ниже информацией и правилами.

1. Комплектность материалов.

1.1. Рукопись статьи на электронном носителе (CD-R(RW) или электронной почтой) и в печатном виде (требования к оформлению см. ниже).

1.2. Заявка, содержащая сведения обо всех авторах статьи на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы/учебы, занимаемая должность (с точным указанием кафедры и вуза), сфера научных интересов, отрасль науки и специальность предполагаемой защиты (для аспирантов, докторантов, соискателей); почтовый адрес с индексом (рабочий и/или домашний), e-mail, телефоны).

1.3. Рецензия от специалиста в научной области, соответствующей направлению статьи, или экспертное заключение с места работы/учебы (кроме докторов наук). Для аспирантов и соискателей обязательно наличие положительного отзыва научного руководителя. Для электронных вариантов используется формат, воспроизводящий подпись и печать.

2. Правила оформления статей.

2.1. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в соответствии с техническими требованиями. Файлы, которые при проверке показывают наличие вирусов или подозрение на вирусы, не принимаются.

2.2. Рукопись статьи должна быть подготовлена в редакторе Word для Windows 1997–2003 или в формате RTF и распечатана.

Компьютерный вариант статьи оформляется в виде единого файла, включающего полный текст, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), формулы, таблицы, иллюстрации с обязательными отсылками на них в тексте, ссылки, библиографический список. Сопроводительные документы (заявка, рецензия, отзыв) прилагаются отдельными файлами.

Объем статьи – от 0,5 до 1,5 п. л. (8–24 машинописные страницы).

2.3. Параметры страницы: верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, правое – 20 мм, левое – 30 мм. Шрифт New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзацный отступ – 1,25 см. Номера страниц проставляются в центре нижнего колонтитула.

На первой странице статьи помещаются: развернутый шифр УДК, на русском языке название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова.

Аннотация должна адекватно представлять содержание и результаты статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 5–10 строк.

Ключевые слова. Максимальное количество – 5–10 слов.

2.4. Формулы помещаются в тексте с использованием формульного редактора Microsoft Equation, диаграммы располагаются с помощью программы Microsoft Excel. Формулы должны быть тщательно выверены автором. Иллюстрации (рисунки и графики) должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg, выполненные с соблюдением ГОСТ 2.3.04-81 ЕСКД «Шрифты чертежные», должны иметь разрешение не менее 300 dpi (штриховые рисунки – не менее 1200 dpi) и располагаться в тексте статьи. Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подрисовочная подпись (шрифт Times New Roman, кегль 10). В подписях к таблицам и в самих таблицах не допускаются сокращения слов. Ссылки в тексте на таблицы и на рисунки должны быть выполнены следующим образом: табл. 1, табл. 2, рис. 1, рис. 2 и т.д. Цифровые обозначения на кривых следует давать курсивом.

2.5 Названия химических соединений должны быть выполнены по номенклатуре, рекомендованной ИЮПАК (Номенклатурные правила ИЮПАК по химии [Текст]. М. : Винити, 1979. Т. 1. 660 с. ; Т. 2. 896 с.). Для обозначения некоторых химических соединений, терминов, растворителей, заместителей в тексте (но не в названии статьи и аннотации) можно пользоваться общепринятыми аббревиатурами и устоявшимися сокращениями.

Латинские названия видов растений, животных и других биологических объектов даются *курсивом*, название рода с заглавной буквы, название вида – со строчной буквы. При первом упоминании вида указывается автор данного названия.

Размерности всех физических величин следует давать только в международной системе СИ.

Математические формулы нумеруются (при необходимости) арабскими цифрами в круглых скобках справа от уравнений. Латинские буквы в уравнениях, схемах, тексте, таблицах, рисунках даются курсивом, а греческие – обычным шрифтом.

2.6. В статье обязательны ссылки на научную литературу. Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций) не допускаются. Запрещаются заимствования без цитирования и ссылок. Нумерация производится арабскими цифрами (1, 2, 3 и т.д.). Постраничные ссылки (шрифт Times New Roman, кегль 10, единичный интервал) должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ.Р.7.05-2008.

2.7. Список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала на русском языке, затем на иностранном) и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.

2.8. В тексте напротив цитат (в том числе стихотворных) на полях слева следует ставить свою подпись, подтверждающую точность цитаты источнику, на который дается ссылка. Указание страниц на цитаты обязательно. Цитирование не на первоисточник, как правило, запрещается, за исключением, если: 1) первоисточник недоступен или его разыскание затруднено; 2) цитируется публиковавшийся архивный документ и воспроизведение текста по этому документу может неправомерно придать цитированию характер архивного разыскания; 3) цитируемый текст стал известен по записи слов автора в воспоминаниях другого лица.

2.9. В конце статьи автор ставит подпись, удостоверяющую то, что статья публикуется впервые. В случае, если статья коллективная, обязательны подписи всех авторов. Для электронного варианта используется формат, воспроизводящий подпись. Подпись сканируется и вставляется в текст в формате *.tif или *.jpg.

С требованиями к оформлению статей также можно ознакомиться на сайте Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина www.rsu.edu.ru
Статьи присылать по адресу: i.erlihson@rsu.edu.ru; a.resheva@rsu.edu.ru

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

2012

№ 3/36

Научный журнал

Главный редактор
Эрлихсон Ирина Мариковна

Редактор *Т. Н. Свитнева*
Технический редактор *Т. А. Никитина*
Переводчик *Ж. Д. Томина*

Подписано в печать 10.09.2012. Поз. № 038. Бумага офсетная. Формат 70×100 ¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 14,58. Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 100 экз. Заказ № 370.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22